М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

КНИГА 2

M. KARATEEFF

LA VOLUNTAD DEL GRAN KHAN

Novela histórica de la época de las invasiones mongólicas

(Siglo XIV)

VOLUMEN

II

BUENOS AIRES

1974

SEGUNDA EDICION

Imprenta "DORREGO"
Dorrego 1102, Buenos Aires, Argentina

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман из жизни русских удельных княжеств в период татарского владычества
(Первая половина 14 столетия)

Том 2

БУЭНОС АЙРЕС
1974

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,

переработанное и дополненное автором.

Обложка и иллюстрации художника К. Н. Гедда.
Карты и таблицы работы В. Н. Николаева.
Типография «Доррего».

Адрес автора:

Dr. Karatchewsky - Karateeff

(Михаил Дмитриевич)

Balneario Las Toscas, D-to Canelones

R. O. del Uruguay

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗГНАННИК

ГЛАВА 27

Тяжко было на душе у Василия. Так тяжко, что не радовали его ни погожий день, ни яркое солнце, живительным теплом своим наводнившее зеленые просторы Карачевской земли. Земли, которая еще считала его, Василия, своим хозяином и государем, верила в его правду и ждала от него справедливого и мудрого устроения. А он проезжает по ней, быть может, в последний раз, отправляясь в далекое изгнание...

Мысли эти так мучили Василия, что он, не глядя по сторонам и не замечая прелестей окружающей природы, то и дело понукал своего жеребца и к полудню, покрыв уже более сорока верст, отряд его выехал на пологий берег речки Злыни, которая пересекала дорогу на половине пути от Карачева до рубежей соседнего, Новосильского княжества, принадлежавшего потомкам князя Симеона Михайловича, старшего брата Мстислава Карачевского.[1]) Здесь надо было сделать привал, чтобы дать отдых притомившимся лошадям.

Поблизости находилось большое село Злынь, в котором все думали остановиться, но Висилий неожиданно этому воспротивился. Всего неделю тому назад, он приезжал сюда как князь и властодержец, выспросив о нуждах крестьян обещал им широкую помощь, — предстать теперь перед ними бесправным и бессильным изгоем было выше его сил. Проехав еще несколько верст по берегу реки, отряд остановился в зеленой низине, у подножья одного из четырех могильных курганов, насыпанных здесь неизвестно каким и когда исчезнувшим народом.

Выслав дозорцев в сторону ближайшего леса и поставив наблюдателя на вершине кургана, воевода Алтухов позволил дружинникам расседлать коней и отдыхать. Пока кашевары разводили костры и в нескольких железных котлах варили пшенную кашу с салом, остальные воины, сбросив с себя оружие и доспехи, с наслаждением растянулись на прохладной траве, а некоторые побежали к речке, чтобы напиться и освежить головы студеной водой:

Вскоре из-под крутого глинистого берега послышались возбужденные голоса и оттуда появилось несколько дружинников, с трудом тащивших наверх сильно загнутый костяной бивень, аршина в четыре длиной.

— Гляди, ребята, чего мы под кручей нашли! — крикнул один из них. — Там берег, видать, обвалился

---

1) От Новосильских пошли ныне угасшие роды князей Воротынских и Одоевских.

и эдакая прорва костей в наружу выперла! Вот-то, братцы мои, кости, так кости! Одна башка, почитай, с целую корову будет!

Человек двадцать поднялись с места и отправились к реке, взглянуть на интерсную находку. Действительно, благодаря береговому оползню, здесь обнаружился почти целый скелет огромного, никому неведомого животного.

— Экое чудище, — промолвил Лаврушка, находившийся в числе любопытных. — И где же это такие водятся?

— Нигде они не водятся и николи их на свете не было, — поучительно сказал пожилой дружинник, стоявший рядом. — Таких костяков, да и иных, еще пострашнее, в этом месте находят немало. А понаделал их дьявол. Он, нечистый дух, как сведал о том, что Господь Бог сотворил на земле всякую живность, давай и себе то же пробовать, в преисподней. И, знамо дело, норовил, чтобы его скоты покрупней да пострашнее Божьих-то тварей вышли. Вот в разных местах земли искал он подходящую глину и лепил нивесть каких зверей и скотов, только ни кубла́ у него не получилось! Самую-то тварь задуманную он хотя и производил, а вот жизни ей дать никак не мог. Так и пооставались под землей все его изделия, коими в гордыне своей тщился он затмить Господнюю славу.

— Вот страсти были бы, ежели удалось бы нечистому расплодить по земле таких тварей, — сказал Лаврушка, опасливо притрагиваясь носком сапога к огромному желто-коричневому ребру. — Какого же это скота он здесь мастерил?

— По всему видать, что хотел он сделать огромадную корову, только роги ей зачем-то не на голову, а в рот воткнул. В этих краях еще иную чертовщину находят, тоже подстать этой, но роги у её прямо на носу посажены, один позади другого. [2])

— Экая диковина! — изумился кто-то из молодых

---

[2]) **В районе реки Злыни нередко обнаруживались кости мамонтов и их современников — шерстистых носорогов.**

воинов. До какого только озорства не додумается нечистая сила!

— На озорство да на затеи дьявол горазд, а истиного уменья нет: не его твари, а Господни заселили землю.

— А я, братцы, иное слыхал, — вмешался в разговор третий дружинник. — Бáил у нас на деревне один бывалый старик, что перед потопом велел Господь Ною выстроить ковчег в триста локтей и собрать туды со всей земли по семи пар чистых да по паре нечистых скотов. Вот и почал Ной с сыновьями ловить всякую живность, и такие ему диковинные твари в чужих землях стали попадаться, коих он николи и во сне не видывал! Поди угадай, — чистая она али нечистая! А у Ноя делов невпроворот и надобно с ними поспешать, чтобы самому не утопнуть. Вот он и рассудил: всех неведомых ему зверей брать, на такой случай, по семи пар. Эдак, думает, я не промахнусь: коли та животина окажется чистая, вот и ладно, а коли нечистая, — шесть лишних пар утопить недолго.

"Так, значит и сделал. Вот отплыли. Только вскорости видит Ной — на ковчеге столько всякого зверья понапхато, что людям хоть в воду сигай! Возроптал тут Ной на Бога: пошто ты, Господи, не велел мне ковчег попросторнее выстроить? И вот через это теперь всем нам крышка, и людям, и тварям! А Господь ему в ответ: — "А ты зачем, — говорит, — старый гриб, меня не послухал и всякой нечисти по семи пар нахватал? Зáраз вали всех лишних в воду!" Взялись тут Ной и сыны его за рогатины и давай спихивать долой самую крупную животину. А та не даётся, жить-то ведь и ей хочется! Такое поднялось, не приведи Господи! Где уж тут разбираться что к чему, да отсчитывать по шести пар? — Самых огромных и самых охальных скотов попёрли с ковчега всех подряд, да и дело с концом! Пошли они прямо на дно, затянуло их илом, вот теперь, значит, их костяки кое-где и попадаются. А на земле ныне таких тварей нету, ибо Ной вгорячах всех их перетопил и ни одной пары на приплод не оставил.

— Не может того быть, — возразил пожилой дру-

жинник. — Ведь ежели бы Ной эдаких зверей по семи пар с собою брал, ему бы надо ладить ковчег не в триста локтей, а в триста сажень, а то и поболе.

— Локоть локтю рознь. Коли Ной эдакую скотинку мог живьем словить, локоть у его наверняк был не короче сажени!

— От ученых греков ведомо, что зверь этот зовется мамутом, — сказал Василий, тоже подошедший взглянуть на диковину. — Говорят, в далекие времена, когда и людей тут, почитай, не было, много их жило по здешним лесам. После они в наших краях повывелись, ну, а в полуденных странах им подобные есть еще и теперь. Так что, видать, тварь эта в ноевом хозяйстве всё же была и с ковчега ее не сбросили.

Наростающий конский топот оборвал разговор и заставил всех повернуть головы в сторону дороги. По ней, во весь мах приближались к кургану два покрытых пылью всадника. Когда, подскакав вплотную, они разом осадили коней и спрыгнули на землю, Василий с удивлением узнал в одном из них боярского сына Дмитрия Шабанова.

— Будь здрав на многие лета, батюшка князь Василей Пантелеевич, — промолвил он, кланяясь в пояс. — Насилу настигли мы тебя!

— Будь здоров и ты, Дмитрий Романович, — ответил Василий. — Какая нужда заставила тебя за мною гнаться?

— Дошло до нас в Брянске, что дядя твой, Тит Мстиславич, выправил у хана ярлык на карачевский стол и что ты свое княжение покидаешь. Так вот, сведав о том, снова собрался у нас народ и порешили мы вдругораз бить тебе челом: чтобы ты князю Титу, в крайности, Карачев оставил, а сам бы шел к нам княжить. Знаем мы, что дружина твоя тебя не покинет и коли придешь ты к Брянску хотя бы с малым войском, Глеба Святославича в тот же час скинем. Он и так уже еле держится и воев при нем вовсе мало осталось. А после, ежели пожелаешь, мы тебе супротив твоих карачевских воров пособим!

— Спаси Бог тебя и весь народ брянский на доб-

ром слове, — ответил Василий после короткого раздумия, — За честь и за любовь злом вам платить не хочу и потому челобитную вашу не приму. Великие беды навлек бы я на Брянщину, коли бы её принял. Может вам не вся правда ведома, так я тебе сам скажу: своею рукою казнил я за измену звенигородского князя, велел повесить и пособника его, боярина Шестака. Тита Мстиславича пожалел, ибо по всему видать, что те двое его опутали и сам он не рад, что ввязался в это воровское дело. Словом, выходит, что пошел я супротив ханской воли и Узбек мне того не простит. Вот ты и разумей: ежели приму я вашу челобитную, Глеб Святославич немедля отправится с жалобой в Орду и хан с превеликой охотой даст ему татарское войско, которое разорит и разграбит вашу землю, за то, что согнали своего князя и призвали меня, ханского ослушника. Ни на Брянщину, ни на свою вотчину навлекать такого лиха не хочу, потому и покидаю добром эти края.

— Неужто ничего нельзя сделать, Василей Пантелеевич? Ведь вся земля наша тебя князем хочет!

— Я ей в том не отказываю, но надобно переждать. Узбек уже стар и хвор, не сегодня — завтра он помереть может. По всему видать, что после него на царство сядет его сын Джанибек, а он, говорят, не в отца: добр и милостив. Не теряя часу явлюся к нему с повинной и пусть даже он мне Карачева не вернёт, — буду просить у него брянский стол. Также и вы, не упуская времени, посылайте к нему выборных людей и бейте челом о том же. Господь милостив, авось и недолго нам ждать придется.

— Экое нам злочастие, княже! И надо же было твоим дядьям к хану соваться! Обождали бы чуток, перешел бы ты на княжение в Брянск и всем было бы любо. А теперь, гляди, какая каша заварилась!

— Эх, Дмитрий Романович, беда не хлеб, — её на свете для всех достаёт. Сейчас лишь о том надобно думать, как бы хуже не сделать.

— Что же, Василей Пантелеевич, коли иначе нельзя, станем на том, что ты сказал. Будем ожидать смерти Узбека. Глеба Святославича мы к тому времени всё одно скинем и иного князя к себе не примем. Скажи толь-

ко, куда ты теперь путь держишь и где мы сыскать тебя можем, ежели надобно будет гонца к тебе послать с какой-либо важной вестью?

Взяв Шабанова под руку, Василий отвёл его на несколько шагов в сторону и понизив голос сказал:

— Тебе, Дмитрий Романович, верю и тайну эту открою: буду я в Белой Орде, у хана Мубарека. Он с Золотою Ордой во вражде и там меня Узбек едва-ли достанет. Только на Руси знать о том никто, опричь тебя и воеводы Алтухова, не должен, особливо сейчас, покуда я до места не доехал, а хан Узбек малость не поостыл. Зря ты ко мне вестников не гоняй, а ежели случится какой-либо большой поворот в наших делах, — тебе теперь ведомо где меня искать. Может и я тебе оттуда какую весть подам.

— За доверие спаси тебя Христос, княже, — я его не обману. Только едва ли сохранишь ты тайну, коли с таким отрядом пойдешь за Каменный Пояс.

— Нет, все эти люди со мною идут лишь до Пронска. Там малость погощу у сестры, а дальше поеду вдвоем с Никитой Толбугиным. Ты, чай, его по Брянску хорошо знаешь.

— Как не знать! Это спутник надежный, он один целого десятка стоит. А мне не дозволишь, Василей Пантелеевич проводить тебя до ночлега?

— Сделай милость! Вот сейчас перекусим, отдохнут маленько кони, да и тронем дальше. На берегу Оки заночуем, а в обрат тебе будут попутчики: тут многие меня лишь на один перегон сопровождают.

После обеда жара сильно давала себя знать. Ехали не горяча лошадей и к заходу солнца, сделав верст тридцать, остановились на левом берегу неширокой в этом месте Оки, чуть ниже впадения в нее реки Зуши.

Пока слуги разбивали ему походный шатер, Василий отстегнул саблю и сбросив кафтан, подошел к краю невысокого обрыва, спускающегося к реке. В подернутой рябью воде отражалось пламя заката, под нависшими ветвями прибрежных ив сгущались вечерние тени. В неподвижном, еще горячем воздухе весело суетилась

мошкара, за нею гонялись проворные стрижи, внизу плескались и гоготали купающиеся дружинники. Как хорош этот полный покоя и мира вечер, последний вечер на родной земле! Василий глянул на противоположный берег Оки и в темной полосе расстелившегося там леса ему почудилось что-то чужое и мрачное. За рекою уже начинались земли Новосильского княжества.

В эту ночь Василий почти не сомкнул глаз. Он еще не покинул родину, а уже томительная тоска по ней глодала его сердце. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, он принялся всесторонне обдумывать предстоящее ему путешествие и старался представить себе, как сложится его жизнь на чужбине. А едва за Окою порозовело небо, он поднял своих людей и приказал начать переправу.

В этом месте правый берег Оки был лесист и безлюден, нигде не виднелось ни жилья, ни возделанных полей. Это было к лучшему: новосильский князь Степан Александрович доводился звенигородскому князю зятем и ожидать от него хорошего приема не приходилось. По землям его княжества надо было ехать около двухсот верст, которые Василий рассчитывал покрыть в четыре дневных перехода, минуя обжитые места. Это было нетрудно: в Новосильском княжестве городов было мало и все они лежали в стороне от прямого пути на Пронск. Василий не раз ездил этой дорогой и знал её хорошо. Вначале она шла глухими лесами, а далее пустынными берегами реки Непрядвы и верховьями Дона, через дикое Куликово поле.

Еще не взошло солнце, когда Василий Пантелеймонович, простившись с остающимися, вскочил на коня и направил его в прохладную, курящуюся утреней дымкой воду Оки. Воевода Алтухов, Шабанов и другие дворяне, провожавшие своего князя, стоя у брода, долго еще глядели вслед уходящим. И лишь когда последнего дружинника поглотила на том берегу лесная заросль, они повернули коней и медленно тронулись в сторону Карачева.

ГЛАВА 28

«В лето 6605 (1097) приидоша князи рускии в Любеч на строение мира и сице к собе глаголаше: почто губим землю русскую сами на ся рать деюще, а половци землю нашу зорят? Да имемся отныне во един ум и сердце, и блюдем землю нашу, и каждый да держит во потомство отчину свою. И на том целоваша крест честной.

Никоновская летопись

Княжество Пронское, раскинувшееся по сторонам реки Прони и ее притока Рановы, было невелико по занимаемой площади, но довольно густо населено. Природа здесь была щедра и милостива к человеку, а потому он крепко держался за свое место, невзирая на то, что Пронская земля издавна служила ареной кровавых междоусобий и постоянных набегов степных кочевников.

Степь, служившая для Руси источником большинства бед и опасностей, вклинялась тут длинным языком в русский лесной массив, а потому все грабительские набеги половцев, а позже — завоевательные походы монголов, шли обычно этим путем, через Рязанскую и Пронскую земли. Таким образом, уже на заре нашей истории возникла необходимость в сооружении здесь надежных оборонительных пунктов, одним из которых и явился город Пронск, построенный в начале одиннадцатого века, а позже превращенный черниговскими князьями в очень сильную крепость, которая должна была охранять

северо-восточные окраины великого княжества Черниговского, простиравшегося в ту пору от Днепра до Волги.

Пользуясь случаем, стоит сказать несколько слов об этом княжестве, которое в двенадцатом веке было на Руси явно преобладающим, как по величине и количеству городов, так и по значению, что сейчас мало кому известно, т. к. наши казенные историки об этом распространяться избегали, всегда и во всем отдавая предпочтение княжеству Киевскому. Это естественно, ибо русская история строилась почти исключительно на киевских летописях и документах, которые были далеко не беспристрастны по отношению к Чернигову и к его князьям, — главным соперникам князей киевских.

В 1097 году, на Любечском съезде, где произошел передел княжеских владений, за черниговскими князьями, помимо их основной вотчины, были потомственно закреплены также земли Новгород-Северская, Муромо-Рязанская и Вятская. Таким образом, применительно к позднейшей карте России, в состав этого княжества вошли целиком губернии: Черниговская, Орловская, Курская, Воронежская и Калужская, и частично — Московская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Могилевская, Харьковская и Полтавская. Кроме того, ему принадлежала весьма важная для всей Руси колония Тмуторокань, лежавшая на берегах Черного и Азовского морей, и охватывавшая нынешний Таманский полуостров, Северный Кавказ и восточную часть Крыма, с городом Корчевом.[3]) Русские обосновались там очень давно, по некоторым данным еще в конце восьмого столетия, а в середине девятого уже вели оттуда водную торговлю с Византией и с народами Кавказа, а также пользовались Тмутороканью как превосходной военно-морской базой. В одиннадцатом столетии эта область сделалась уделом Черниговского княжества.[4])

---

[3]) Корчев — нынешняя Керчь, древняя Пантикапея.

[4]) Повидимому эта «Тмутороканская Русь» приняла христианство задолго до Киевской Руси, ибо уже в 867 году (за 121 год до киевского крещения) вселенский патриарх Фотий особым посланием сообщает другим восточным патриархам о крещении Ру-

Правда, последнее в таком объеме просуществовало недолго: уже в ближайшие десятилетия от него отделилась Рязанская область (сделавшаяся самостоятельным княжеством), северная часть Вятской земли[5]) обособилось под властью суздальских князей, а Тмуторокань была захвачена половцами. Но и после этого Черниговское княжество сохраняло свое первенствующее на Руси значение, и его князья, до самого татарского нашествия, фактически распоряжались Киевом и великокняжеским столом.

Следует отметить, что истинным создателем этого обширного государства, охватывашего всю центральную часть Руси, был черниговский князь Олег Святославич, которому русская история дает весьма отрицательную и далекую от объективности оценку. Причину этого понять нетрудно: он неоднократно и не без успеха вовал с Киевом, а вся его характеристика построена нашими историками именно на киевских письменных источниках и летописях, крайне к нему недоброжелательных.

Автор "Слова о полку Игореве", как известно киевлянин, явно враждебный Олегу, иронически величает его "Гориславичем" и указывает на него, как на главного виновника всех междоусобных войн того времени, который "мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял", отчего, будто бы:

"Век человечий скоротился,
А по Русской земле
Редко пахарь покрикивал,
Но часто вороны граяли,
Трупы меж собою деля".

Летописец тоже не жалеет для него черной краски,

си. Никаких географических указаний мы в этом послании не находим, но приблизительно с этого же времени в списке подведомственных Византии епархий появляется Тмутороканская.

[5]) Под Вятской землей тут подразумевается не нынешняя Вятская область, а территория которая в древности была заселена славянским племенем вятичей, — это примерно позднейшие губернии Орловская, Калужская, Тульская, Московская и Владимирская.

изображая заносчивым и себялюбивым гордецом и честолюбцем, который постоянно бунтовал против законности, разорял русскую землю с помощью "поганых" половцев и был истинным бичем Божьим для всей Руси.

Трудно не усомниться в справедливости этой оценки, особенно если мы вспомним, что дошедшая до нас древне-киевская летопись, так называемая Несторовская, была подвергнута специальной переработке, согласно указаниям великого князя Владимира Мономаха, с которым больше всего враждовал и воевал Олег Святославич. Это с полной несомненностью установил и блестяще доказал в конце прошлого столетия известный русский ученый, академик А. А. Шахматов.

Другой ученый-историк, академик Б. Д. Греков, в своем капитальном труде "Киевская Русь" тоже подробно пишет о том, что вступив на великое княжение, Мономах передал киевскую летопись из Печерского монастыря в Михайловский Выдубецкий, построенный его отцом, и поручил игумену Сильвестру переделать эту летопись наново, что Сильвестр и выполнил, руководствуясь указаниями и пожеланиями великого князя. После этого старый текст летописи, написанный печерским монахом Нестором, был уничтожен, а игумен Сильвестр получил епископскую кафедру в городе Переяславле.

Академик Греков прямо называет Владимира Мономаха заказчиком этой "обновленной" летописи и подчеркивает, что она была составлена в нужном ему духе: он стремился к возвеличению своей, киевской династии и к ее непререкаемому главенству на Руси, — в этих целях ему было нужно принизить в общественном мнении своих соперников, самым серьезным из которых был черниговский князь Олег Святославич. В нашей русской практике это, повидимому, первый случай, когда историческая правда или какая-то ее часть была сознательно принесена в жертву политическому рассчету. Позже это не раз повторялось и наконец вошло в своего рода обычай. В итоге можно смело утверждать, что в угоду тем или иным лицам, общественным группировкам и политическим тенденциям, наша отечественная история оказалась в значительной степени искаженной и фаль-

сифицированной, как, впрочем, и история почти всех других народов.

Однако для людей, посвятивших себя серьезному изучению прошлого, не все такие подтасовки проходят незамеченными, ибо они часто противоречат другим, не подлежащим сомнению фактам, что иной раз и позволяет в какой-то мере восстановить истину.

Так обстоит дело и в данном случае. Тот же покладистый игумен Сильвестр, хотя и старался в угоду киевскому князю представить в самом невыгодном освещении князя черниговского, всё же сохранил в летописи весьма любопытное и важное свидетельство: во время шедшей тогда длительной междоусобной войны, многие подвластные Киеву города не желали поднимать оружия против Олега Святославича и при его приближении гостеприимно открывали ему ворота, выражая полную покорность. Так, например, когда объединенная рать подвластных Киеву князей, во главе с Владимиром Мономахом, вынудила Олега уйти из Чернигова, он сейчас же нашел прибежище в чужом городе Стародубе, где всё население его энергично поддержало. Затем ему без всякого сопротивления сдались неприятельские города Муром, Суздаль, Ростов и другие. Таким образом Олег, располагавший незначительным войском, в короткий срок превратился из преследуемого беглеца в полного хозяина всей северной Руси. И современный историк-исследователь не без удивления отмечает: "характерно, что нигде горожане не оказывали Олегу сопротивления и всюду сели его наместники, собирающие для него дань". [6])

Действительно, есть чему удивляться, если верить той характеристике, которую дает Олегу Святославичу киевский летописец: как это против столь ненавистного князя, разорявшего Русскую землю вместе с половцами, народ нигде не желал поднимать оружия и явно предпочитал его своим собственным князьям? Но если

---

[6]) См. «Очерки истории СССР», изд. Академии Наук, том 9-13 в. в. стр. 397.

верить не летописцу, а фактам, то следует заключить как раз обратное: что Олег Святославич был на Руси весьма популярен и ему открыто симпатизировало население даже тех княжеств, которые принадлежали к враждебной коалиции.

И если внимательно изучить касающиеся его исторические материалы и предания, очистив их от голословной предвзятости, такое отношение к нему народа сделается понятным, ибо перед нами встанет образ умного и дальновидного государственного мужа, славного воина и видимо исключительно обаятельного человека. Приписываемая ему гордыня, может быть, имела место в отношении враждовавших с ним князей, но в то же время в действиях его хорошо заметны великодушие и благородство.

Войны, которые он вёл, отнюдь не были продиктованы корыстью или честолюбием. Являясь жертвой вопиющей несправедливости и будучи обездоленным старшими родичами, Олег Святославич только защищал свои законные права и одновременно боролся против пагубной для Руси системы наследования, установившейся в потомстве Ярослава Мудрого.

В силу этой системы, вся Русь рассматривалась как совместное достояние княжеской семьи, старший член которой сидел в Киеве и назывался великим князем, а остальные, в порядке старшинства, княжили в следующих по богатству и значению городах: Новгороде, Чернигове, Переяславле, Смоленске, Владимире-Волынском, Ростове, Муроме и т. д. Когда умирал кто-нибудь из старших князей, его место занимал следующий по старшинству, а все остальные передвигались из города в город, на одну иерархическую ступень ближе к Киеву, причем старшинство и наследование шло не от отца к сыну, а от брата к брату, и от последнего из братьев к старшему племяннику.

При такой постановке ни один князь не считал нужным как следует заботиться о благоустройстве своего временного княжества, которое через короткий срок достанется кому-то другому и ни в коем случае не закрепится в его прямом потомстве. Подобный порядок

имел и другой, весьма существенный недостаток: князья, при жизни своей, не имели возможности законным образом обеспечить будущее своих сыновей, и старались сделать это обходными путями, или силой. Вдобавок, когда род Рюрика сильно разросся, установление общей линии старшинства стало очень нелегким и спорным делом. На почве этой путаницы возникали и множились распри и злоупотребления, которые приводили к бесчисленным междоусобным войнам, разорявшим страну.

Вот что, в общих чертах, произошло тогда в Киеве: Ярослав Мудрый, умирая, завещал великокняжеский стол своему старшему сыну Изяславу, который не пользовался любовью киевлян. При первом же удобном случае киевское вече "указало ему от себя путь". Он уехал в Польшу, но через несколько месяцев возвратился оттуда с польским войском и снова овладел Киевом. Однако вскоре киевляне выгнали его вторично, а на великое княжение призвали его следующего по старшинству брата, всеми любимого черниговского князя Святослава. Когда последний через несколько лет умер, великим князем, с помощью поляков, снова сделался Изяслав Ярославич.

В отместку своему брату Святославу, он немедленно объявил всех его сыновей, и в том числе Олега, "изгоями", лишенными права занимать княжеские столы и участвовать в общей линии наследованья. Получилось так, что сыну только что умершего великого князя не оказалось места на Руси, которой он, к тому же, успел со славою послужить: командуя русской ратью, посланной в помощь польскому королю Болеславу Смелому, Олег одержал блестящие победы над его врагами — немцами и чехами, занял всю Чехию и взял с побежденных крупную дань.

Старший брат Олега, Глеб Святославич, княживший в Новгороде, был предательски убит по приказу Изяслава, который посадил на его место своего сына Святополка. Велено было убить и Олега, но он успел бежать в Тмуторокань, где нашел надежное убежище.

Через два года, заключив союз с другими князьями изгоями и с одним из половецких ханов, он собрал рать и повел ее на Киев.

Этот союз с половцами киевский летописец вменяет Олегу как небывалое преступление. Однако, в нем не было ничего необычного: Олег Святославич был не первым и не последним из русских князей, пользовавшихся военной помощью половцев. И чаще всех ею пользовались именно киевские князья. Кроме того, следует обратить внимание на то, что противник Олега, великий князь Изяслав, будучи изгнанным из Киева, возвратился туда с помощью поляков; изгнанный вторично, пытался заключить союз с немцами, а когда в этом не преуспел, просил помощи у папы Григория VII, обещая, в случае успеха, обратить Русь в католичество и признать верховную власть Рима! Неужели киевскому летописцу Сильвестру всё это казалось менее предосудительным, чем временный и ни к чему не обязывающий союз с половцами?

Правда, половцы в ту пору часто нападали на русские земли, но абсолютными и постоянными врагами Руси они отнюдь не были. Короткие войны сменялись здесь длительными периодами вполне добрососедских отношений. Между русскими и половцами всегда шла оживленная и взаимно выгодная торговля, которая, в силу особого и строго соблюдавшегося договора, не прекращалась даже во время военных действий. Многие русские князья были связаны с различными половецкими ханами узами дружбы и даже родства. Смешанные русско-половецкие браки были заурядным явлением и русский народ недаром в шутку называл половцев "сватами".

Из бесчисленного количества примеров, которые можно было бы привести, ограничимся следующими: Святополк, — сын того же князя Изяслава, — был женат на дочери хана Тугоркана; на половчанке женился и сын Олега — Святослав; прославленный князь Мстислав Удалой был женат на Хорасане, дочери половецкого хана Котяна, на другой дочери которого женился

венгерский король Стефан V; великий князь Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, вторым браком тоже был женат на половчанке; на дочери половецкого хана Аэпы был женат великий князь Юрий Долгорукий, брат которого Андрей женился на внучке хана Тугоркана; князь Андрей Боголюбский по матери был половцем и кроме своего христианского имени, носил и половецкое — Китан. Отец Александра Невского, великий князь Ярослав Всеволодович, первым браком был женат на половчанке. [7]) Сам герой "Слова о полку Игореве", северский князь Игорь Святославич, по рождению был полуполовцем, и воспетую в этом произведении войну вел со своим близким родственником, ханом Кончаком, на дочери которого потом женил своего старшего сына Владимира.

В свете всех этих фактов, можно утверждать, что союз русского князя с половцами был явлением вполне нормальным и менее предосудительным, чем союз с поляками, немцами или венграми.

Однако, возвратимся к походу Олега Святославича на Киев. Узнав о его приближении, великий князь Изяслав выслал навстречу большое войско, которое в первом же сражении было наголову разбито. Характерно, что Олег не стал его преследовать и не пошел на Киев, которым мог бы легко овладеть: он ограничился тем, что сел на княжение в Чернигове, считая его своим по праву, и военные действия сейчас же прекратил.

Через некоторое время Изяслав собрал огромное войско и врасплох напал на Чернигов. Олег с дружиной находился вне города, но сейчас же поспешил на выручку своей осажденной столицы. В разгоревшемся сражении великий князь Изяслав был убит, но победа все же осталась за киевлянами. Олег снова вынужден был бежать в Тмуторокань, а на киевский стол сел другой его дядя, Всеволод Ярославич, столь же враждебный Святославичам, как и его старший брат, но предпочитавший действовать не силой, а коварством. Он

---

[7]) Александр Невский был его сыном от третьего брака, с рязанской княжной Феодосией Игоревной.

убедил византийского императора в том, что из Тмуторокани готовится набег на Константинополь, после чего подкупил нескольких тмутороканских бояр, которые предательски схватили Олега и передали его хозарам. Последние уже были в курсе дела: они отвезли князя в Византию и выдали императору Алексею Комнину, который повелел сослать его на остров Родос.

Полагая, что избавился от Олега навсегда, великий князь Всеволод отдал Чернигов своему сыну Владимиру Мономаху, а в Тмуторокань отправил посадником киевского боярина Ратибора, которого, однако, очень скоро выгнали оттуда два молодых владимир-волынских изгоя. Но и они прокняжили там недолго: три года спустя, нежданно-негаданно вновь появился на Руси Олег Святославич. Его родосское пленение закончилось тем, что он женился на византийской княжне Феофании Музилон и теперь сам император Алексей ему покровительствовал. Такую резкую перемену в его судьбе трудно объяснить чем-либо, ктоме его выдающихся личных качеств.

Тмуторокань приняла его с радостью. Он ограничился тем, что повелел казнить четырех изменников, выдавших его хозарам, а сидевших в Корчеве князей с миром отпустил на все четыре стороны.

Очевидно связанный каким-то обещанием, данным византийскому императору, Олег мирно княжил в Тмуторокани одиннадцать лет, пока был жив великий князь Всеволод Ярославич. Но как только он умер и великокняжеский стол занял Святополк Изяславич, Олег сейчас же выступил в поход и направился к Чернигову, где княжил в это время Владимир Мономах. Последнему пришлось бежать из города, так как черниговцы защищать его не пожелали и с радостью открыли ворота Олегу Святославичу, которого всегда считали своим законным князем.

По жалобе Мономаха, великий князь вызвал Олега в Киев, "на земский суд". Никаких судов, а тем паче земских, над князьями никогда на Руси не бывало, а по-

тому Олег, вероятно заподозривший западню, приехать отказался и высокомерно ответил: "несть мене лепо судити епископу, ли игуменам, ли смердам",[8]) — на основании чего летописец, а вслед за ним историки, приписали ему гордыню, невыносимо строптивый характер и бунтарство против законности.

После этого, Святополк Изяславич собрал громадную рать и выступив, совместно со всеми подчиненными Киеву князьями, против Олега, заставил его покинуть Чернигов. То что произошло дальше, уже известно читателю: с небольшим войском Олег пошел походом по северным русским землям, где все города подряд без сопротивления открывали ему ворота.

Война продолжалась еще год. Согласно летописи, киевские князья нанесли Олегу ряд поражений и вынудили его в 1097 году явиться для мирных переговоров в город Любеч, на общий съезд русских князей. Однако в правдивости киевской летописи тут приходится сильно усомниться: едва ли Олег приехал в Любеч в качестве побежденного. Результаты съезда заставляют думать как раз обратное, ибо на нем полностью восторжествовала та государственно-политическая идея, за которую боролся Олег, и в территориальном отношении выигравшим тоже оказался только он: нелепая и пагубная система наследованья была отменена и съезд постановил, что впредь каждый княжеский род будет пожизненно и потомственно владеть своей вотчиной, на правах нормальной преемственности; Олегу Святославичу и его роду, помимо Черниговского княжества, Новгород-Северской земли и Тмуторокани, достались земли Муромо-Рязанская и Вятская, т. е. огромные области, раньше принадлежавшие киевскому князю.

Тут совершенно очевидно, что фактически Олег продиктовал съезду свою волю и получил сполна всè на что претендовал,[9]) а это было бы, разумеется, невозмо-

[8]) Не подобает судить меня епископу, игуменам и смердам.

[9]) По всем действиям Олега Святославича видно с предельной ясностью, что великого княжения в Киеве он не домогался, а боролся лишь за свои права на Черниговское княжество.

жно, если бы победа была на стороне киевских князей и они чувствовали под собою твердую почву. Остается думать, что эта часть летописи, по указаниям Владимира Мономаха, была совершенно искажена Сильвестром, который превратил поражения киевских князей в их победы. Такая перетасовка фактов обещала пройти гладко, ибо киевская летопись подверглась переделке через двадцать лет после Любечского съезда, когда уже ни Олега Святославича, ни первоначального летописца Нестора не было в живых.[10])

* * *

После Любечского съезда Олег Святославич больше ни в каких распрях и войнах участия не принимал, а последние восемнадцать лет жизни целиком посвятил заботам о благоустройстве своего огромного княжества, которое оставил наследникам в цветущем состоянии. Его потомки не только считались, но и были в действительности самыми богатыми на Руси князьями.[11]) Из того, что народ их любил и неизменно поддерживал, можно заключить, что и подданным их жилось неплохо.

Два сына Олега Святославича — Всеволод и Игорь[12]) последовательно занимали великокняжеский стол в Киеве, так же как его внук, правнук и пра-правнук, — последний Черниговский князь, святой Михаил. Эти князья на Киев уже смотрели почти как на придаток к своему княжеству. Получив киевский стол, они не рвали

---

[10]) Летописец Нестор умер в 1114 г., а Олег Святославич в 1115 г. Владимир Мономах стал великим князем в 1113 г. Переделка киевской летописи шла в 1116-1118 г. г.

[11]) В Ипатьевской летописи, под 1146-ым годом, мы находим любопытное и достаточно подробное описание дворового хозяйства одного из сыновей Олега, путивльского удельного князя Святослава. У него было 700 человек челяди, тысяча выездных коней и полторы тысячи кобылиц, на гумнах стояло 900 стогов сена, в погребах 500 бочек меда и 80 корчаг вина; домашняя церковь вся была в серебре и золоте, а в амбарах и подвалах товаров и добра всякого столько, «иже бе неможно двигнуться».

[12]) Этот князь Игорь Ольгович православной церковью причислен к лику святых.

связи с Черниговом, часто там и оставались, называя себя великими князьями Черниговскими и Киевскими.

В 1127 году младший брат Олега, Ярослав Святославич, воспользовавшись удачно для него сложившимися обстоятельствами, утвердил за собой и своим потомством Муромо-Рязанскую землю, образовав из нее самостоятельное княжество. При его сыновьях оно разделилось на три удела: Муромский, Рязанский и Пронский. Они сейчас же вступили в ожесточенные войны друг с другом, и с соседним княжеством Суздальским, которое было гораздо более крепким и потому вскоре совершенно подчинило их своему влиянию.

Только перед самым татарским нашествием первому великому князю рязанскому, Юрию Игоревичу, удалось избавиться от этой суздальской опéки и объединить под своей властью все три удела. Он значительно расширил пределы Рязанского княжества на восток, за счет соседней мордвы, построил несколько новых городов и хорошо наладил хозяйственную жизнь своего государства. Однако этот расцвет был недолгим: в 1237 году на Рязань обрушились полчища Батыя, в неравной борьбе с которыми геройски пал никем из соседей не поддержанный князь Юрий Игоревич и с ним еще семеро князей, членов его семьи. Городá Рязань, Муром, Пронск и почти все другие были обращены в прах и пепел, а земля Рязанская залита кровью и разграблена.

Князю Ингварю Ингваревичу, единственному оставшемуся в живых, стоило огромных трудов частично восстановить разрушенные города и немного оживить опустевший край. Свою столицу он перенес из Старой Рязани в менее пострадавший Переяславль Рязанский, — древний город, стоявший при впадении реки Трубежа в Оку, там где находится нынешняя Рязань.

Муромское княжество к этому времени приобрело полную независимость, хотя и находилось под влиянием Москвы, а Пронское, пострадавшее больше всех, в течение нескольких десятков лет было в подчинении у Рязани. Но едва лишь пронские князья отстроили и укре-

пили свой город, они отложились от Рязани, которая, разумеется, примириться с этим не захотела. Начались беспрерывные усобицы, затянувшиеся на долгие годы. Борьба велась с переменным успехом, причем рязанские князья считали Пронск своим уделом, а пронские почитали себя совершенно независимыми.

В конце тридцатых годов 14-го столетия отношения здесь были особенно натянутыми. Рязанский князь Иван Иванович, прозванный Коротополом, был человеком завистливым и корыстным, — всеми правдами и неправдами он хотел господствовать в Пронске и наложить руку на его богатства.

А их было немало. Пронское княжество было густо населено, сравнительно благоустроено, богато лесом и пушниной, хлебом и медом, скотом и железом, которое выплавляли здесь по берегам рек, из болотной руды. Местные умельцы сами варили хорошую сталь и делали из нее сельскохозяйственные орудия и оружие. Все это позволяло Пронску вести оживленную и прибыльную торговлю с другими русскими княжествами и с Золотой Ордой.

Коротопол всё это хорошо знал и мысленно подсчитывал, сколь много пополнилась бы такими прибылями его собственная казна. Но прибрать к рукам эти богатства было не так легко: Пронское княжество, по величине уступавшее Рязанскому в несколько раз, являлось, тем не менее, очень серьезным противником. Укрепления его столицы были почти неприступны, а войско довольно многочисленно и отлично вооружено. Кроме того, пронских князей поддерживала Москва, отнюдь не заинтересованная в усилении Рязани.

Князь Александр Михайлович Пронский, хотя и был уже в преклонных летах, отличался мужественным и энергичным характером, во всем у него царил образцовый порядок. Подстать ему были и три его взрослых сына. Над всеми потугами Коротопола они лишь посмеивались и всегда были готовы не только отразить нападение, но и возвратить удар.

ГЛАВА 29

«Пронск играл большую роль в защите Рязанской земли от «поля». Для его постройки было выбрано место, представляющее собой значительное естественное укрепление».

А. Монгайт. «Рязанская земля».

В Пронске караульная служба была поставлена отлично, в чем сразу же убедился князь Василий, благополучно прибывший сюда на исходе пятого дня пути. Едва только голова его отряда показалась из лесу и передовые всадники увидели в полуверсте от себя бревенчатые стены города, который стоял на плоской вершине возвышенности, круто спадающей к берегу реки Прони, — со сторожевой башни понеслись гулкие и частые удары колокола. В ту же минуту мост через крепостной ров был поднят, ворота затворены, а по стенам забегали люди, занимая свои боевые посты у бойниц.

— До̀бро налажено, — пробормотал Никита, опытным взглядом отмечая согласованность всех этих действий и с уважением поглядывая на неприступные стены. — Таких врасплох не застанешь и голыми руками не возьмешь!

— Им инако нельзя, — заметил Василий, уже не раз тут бывавший. — Пронское княжество лакомый кусок и для Рязани, и для Москвы. Тут только оплошай малость и сразу тебе кто-нибудь на шею сядет.

Когда приблизились ко рву шагов на сто, с башни над воротами раздался громкий оклик:

— Кто едет?

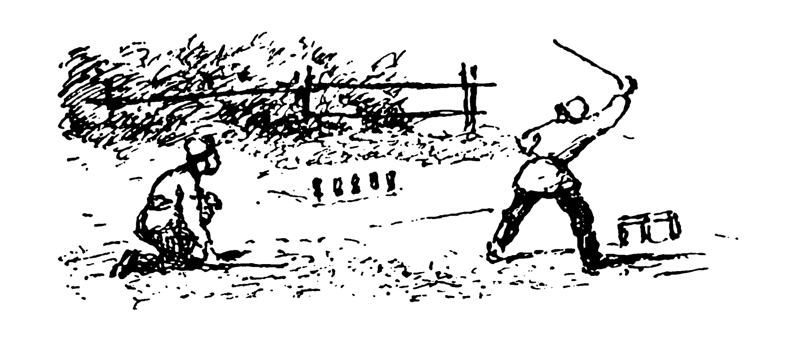
— Князь Василей Карачевский, со своими людьми: — крикнул в ответ Никита.

Не прошло и пяти минут, как подъемный мост был снова опущен, ворота распахнулись настежь и Василий, во главе своего отряда, въехал в город.

Благодаря условиям местности, Пронск не был похож на другие русские города. На узкой, продолговатой возвышенности, с двух сторон ограниченной крутыми, обрывистыми склонами, а с третьей — глубокими оврагами, могла поместиться только городская крепость, обнесенная массивными стенами из наполненных землею бревенчатых городниц. Эти стены тянулись по самому краю обрывов и оврагов, что делало город практически неприступным, но в то же время не оставляло места для его роста.

Со стороны главных ворот подступы к Пронску не имели естественных преград, но здесь вдоль его стены был выкопан широкий и глубокий ров, через который перекидывался подъемный мост. Внутри крепостных стен едва помещались княжеский и боярские дворы, две церкви, оружейные мастерские, склады всевозможных припасов, помещения дружины и десятка два частных домов, принадлежавших богатым купцам и начальным людям. Для торгового и ремесленного посада места не оставалось, — лишь с внешней стороны рва, по обеим сторонам подъездной дороги, тянулось десятка четыре изб, образующих нечто вроде улицы, ведущей к городским воротам. Еще несколько лачуг кое-как нашли себе место под стенами, на уступах кручи, в основном же посад принял тут форму отдельных селений, разбросанных на небольшом расстоянии от города, в промежутках между окружающими его оврагами. В сторону ближайшего и самого крупного из этих поселков, в котором обитал главным образом торговый люд, из крепости, через боковые ворота, вела узкая, извилистая дорога, проложенная по склонам и по дну оврагов.

Третьи ворота выходили на крутой откос, спускавшийся к реке. В городе не было воды, ее надо было доставлять наверх из Прони, и это обстоятельство было ахиллесовой пятой крепости, ибо в случае длительной

осады приводило ее к необходимости сдачи. Правда, в последние годы князь Александр Михайлович в значительной мере устранил эту опасность, соорудив в городе крупные водохранилища, вмещавшие большой запас питьевой воды, которая всегда обновлялась простым и остроумным способом: каждый житель, приносивший или привозивший себе воду, обязан был вылить её в одно из этих водохранилищ, а себе мог взять такое же количество из другого, наполненного раньше.

Когда Василий въехал на обширный княжеский двор, здесь несколько молодых дружинников с азартом играли в рюхи.[13]). Белобрысый крепыш, в длинной голубой рубахе с засученными рукавами, только что мастерским ударом выбил целиком "гадюку", которая считалась одной из самых трудных фигур, и теперь, гордо подбоченясь, ожидал, когда ему перебросят палку для повторного удара. За игрой, зубоскаля, наблюдала кучка княжеской челяди, закончившей дневные дела и высыпавшей на двор, подышать вечерней прохладой. Чуть поодаль пожилой конюх с нерусским лицом, вываживал великолепного вороного коня, покрытого легкой попоной и видимо недавно расседланного.

При виде князя Василия, которого тут многие знали, все сняли шапки, дружинники прекратили игру, а

---

[13]) Рюхи — древняя русская игра, ныне известная под названием городков.

кто-то из холопов стремглав кинулся в хоромы, чтобы оповестить хозяев о прибытии такого гостя.

Приветливо поздоровавшись с людьми и крикнув игрокам чтобы продолжали. Василий спе́шился у крыльца как раз в тот момент, когда на нем появился его зять, княжич Василий Александрович. Они обнялись, но не успели еще и слова друг другу промолвить, как на крыльцо, совершенно забыв о своем достоинстве замужней женщины и княгини, выбежала раскрасневшаяся и сияющая Елена Пантелеймоновна. Она была так же хороша и свежа, как прежде, но все же и Василий и Никита сразу заметили в ней перемену. Она больше не казалась девочкой и теперь назвать ее по старой памяти княжной было бы столь же трудно, как год тому назад княгиней.

— Как можно так бегать, Аленушка! — с укором в голосе сказал княжич жене, радостно обнимавшей в это время Василия. — Ноне ты не токмо за себя отвечаешь.

— Вот оно что! — воскликнул Василий, выпуская сестру из объятий. — Дождались таки! Когда же будет-то наследник ваш?

— Не столь еще скоро, — ответил Василий Александрович, ласково поглядев на жену, которая в тот миг здоровалась с Никитой. — Мыслим, что к Рождеству Христову пошлет нам Господь эту радость.

Продолжая разговаривать, все вошли в хоромы и направились в предназначенные гостям покои. Зная царящие здесь патриархальные обычаи, Василий прежде всего хотел приветствовать старого князя, но княжич сказал:

— Батюшка всего час, как воротился из поездки и прилег отдохнуть. Ты сейчас правь что тебе надобно. Может с дороги переоблачиться хочешь, а то и в баньку сходи, она сегодня топится. А как совсем смеркнется, будем вечерять, вот тогда в трапезной родителя и почтишь. Он в обиде не будет.

Незадолго до ужина все взрослые члены княжеской семьи собрались в одной из гостинных горниц, в ожидании выхода князя Александра Михайловича. Семейство

его было не очень многочисленно. Из трех княжичей, муж Елены, Василий, был младшим. Старший, Ярослав Александрович, высокий и сутулый мужчина нездорового вида, находился тут же, вместе со своей женой Софьей Константиновной. Средний, Иван, отсутствовал. Он был вдов, но в горнице вскоре появился высокий и красивый юноша, — его старший сын Олег. Несмотря на свои пятнадцать лет, он непринужденно поздоровался с Василием и в разговоре держал себя как взрослый.[14])

Когда все были в сборе, в горницу вошел высокий и крепкий старик величавой осанки, с орлиным носом и волнистой, холеной бородой, в которой черный цвет еще преобладал над сединой. Это был князь Александр Михайлович. При его появлении все встали с мест, а Василий двинулся к нему навстречу со словами приветствия. Но старый князь сам направился прямо к гостю и сжал его в объятьях.

— Ну, будь здрав и добро пожаловать, Василий Пантелеевич, дорогой, — промолвил он. — Вельми рад тебя видеть в Пронске. И прошу помнить: ты здесь не в гостях, а дома, в своей семье.

— Спаси тебя Христос, за радушие и за ласку твою, Александр Михайлович, — ответил Василий. — И не будь на меня в обиде за то, что тотчас по приезде не явился почтить тебя, как должно. Хотел это сделать, да сказали мне, что ты почиваешь.

— Полно, братец! Это я перед тобою виноват, что не вышел тебя встретить как подобает. Ты ведь не княжич теперь, а большой князь и государь земли Карачевской. И притом такой государь, у которого и нам, старикам, есть чему поучиться. Много лестного доводится нам о тебе слышать.

— На добром слове тебе спасибо, Александр Михайлович — с волнением в голосе сказал Василий, — а

---

[14]) Олег Иванович одиннадцать лет спустя сделался великим князем Рязанским, и удержавшись на этом шатком престоле более полувека, покончил с местными усобицами и блестяще организовал свое государство.

похвалы твоей едва ли я достоин. Когда узнаешь ты всю правду, может и держать меня в Пронске не схочешь... Не государь я боле карачевский, а ханский опальник и изгой.

Кругом раздались возгласы изумления и ужаса. Елена, с побелевшим сразу лицом, устремилась к брату, но князь Александр остановил ее властным движением руки.

— Трудно поверить тому, что ты молвил, Василий Пантелеевич, — строго сказал он, — однако думаю, что так шутить над нами ты себе не позволишь. Садись же и поведай толком, что там у вас приключилось?

Повинуясь его желанию, Василий рассказал присутствующим о карачевских и козельских событиях. Он старался быть кратким и не вдаваться в мало существенные подробности, но все же рассказ его длился более получаса и только два-три раза был прерван короткими вопросами пронского князя. Когда Василий кончил и умолк, в горнице с минуту царило общее молчание.

— Да, дела, — промолвил наконец Александр Михайлович. — Беда свалилась на тебя великая, но вижу, что вины твоей во всем этом нет и чести своей ты нигде не порушил. Дядю твоего, Андрея Мстиславича, я знавал хорошо, и мыслю, что получил он заслуженное. А что ты ушел из Карачева добром и не поднял на князя Тита оружия, — в том вижу мудрость твою: все одно царь Узбек тебя бы сломил, а с тем вместе и всю землю твою предал бы огню и разграблению... Что же думаешь ты теперь делать?

— Еще сам не ведаю, — уклончиво ответил Василий. — Коли позволишь, у вас погощу немного дней, а там поеду в Суздаль, либо во Владимир. А после, может и в чужие страны подамся, дабы обождать там узбековой смерти.

— Бог даст, ждать тебе долго не придется, из Орды идут слухи, что недужит он всё сильней. У меня оставайся, вестимо, сколько сам пожелаешь. Только помни, что через Пронск лежит дорога из Орды на Москву и тут татарва всякого звания то и дело туда-сюда мотается. Здесь тебя легко могут сыскать и схватить. О том же, ку-

да тебе лучше ехать, подумаем после, а сейчас прошу в трапезную. За вечерею продолжим нашу беседу, — в этом поганом деле я еще не всё уразумел.

***

Следующие три дня промелькнули для Василия столь же быстро, как пролетают последние часы приговоренного к казни. Много за эти дни было переговорено с пронскими князьями, а еще того больше с Еленой.

Все сходились на том, что Василию оставаться на Руси нельзя, а ехать в Орду, полагаясь на милость хана Узбека, это всё равно что добровольно положить голову на плаху. Зять советовал ему пробираться в Свейскую землю,[15] путь куда, через Великий Новгород, был нетруден; княжич Ярослав считал, что лучше всего ехать в Царьград, где единоверный князь и хороший воин мог рассчитывать на милость и покровительство императора Андроника; князь Александр Михайлович своего мнения не высказывал, видимо имея на то какие-то свои соображения.

Василий никого из них не хотел посвящать в свои истинные намерения, и отнюдь не потому, что им не доверял. В этом вопросе им руководило чувство врожденного благородства: зная, что не только княжение, но и жизнь пронского князя и его сыновей зависит от хана Узбека, он не желал излишней откровенностью ставить их в положение своих пособников. Поэтому он ограничился обещанием поразмыслить над полученными советами, и только лишь сестре своей, с глазу на глаз, признался, что им уже принято твердое решение ехать за Каменный Пояс, к белоордынскому хану.

Елена сперва пришла в ужас: ведь это те же татары, как можно им доверяться? Сегодня они во вражде с Узбеком, а завтра помирятся и отведут к нему Василия на аркане. Но выслушав доводы брата, она в конце концов согласилась с тем, что из всех возможностей он выбрал лучшую. И даже начала сама торопить его с отъез-

---

[15]) Свейской землей на Руси называлась Швеция.

дом: ей всё казалось, что вот-вот нагрянут сюда ордынцы и схватят Василия. Конечно, подобная опасность была еще далека, ибо весть о разыгравшихся в Козельске событиях за столь короткий срок никак не могла дойти до ушей хана Узбека. Однако Василий тоже считал, что ему следует торопиться, хотя и по иной причине: впереди лежал далекий и трудный путь, — надо было успеть совершить его до зимы, столь суровой в тех диких северных краях, по которым предстояло ехать.

Нелегко переступить последний рубеж, за которым уже не увидишь родного лица, а вся прошлая, привычная жизнь превратится в перевернутую страницу книги, от которой трудно ожидать счастливого конца... Ночь после разговора с сестрой Василий провел почти без сна, а за утренним завтраком хмуро, но решительно объявил, что на следующий день покидает Пронск.

— Ну, что же, — промолвил старый князь, — тебе виднее. Куда едешь, о том не спрашиваю: так оно будет лучше и для тебя, и для меня. Сам ведаешь, при хане Узбеке головы русских князей не очень крепко держатся на плечах. Однако, коли нужна тебе в чем-либо моя помощь, — говори. Сделаю всё как для родного сына.

— Спаси тебя Господь, Александр Михайлович, — ответил Василий. — Мне ничего не надобно. Только вот дружинников со мною приехавших, да и тех что еще подъедут, будь ласков, прикажи принять к себе на службу. Это всё люди испытанные и тебе они будут вельми полезны.

— Не только приму их всех, но еще сочту, что это ты мне услужил, а не я тебе. Нам добрые вои и верные люди всегда надобны. Будем все же уповать на то, что не навеки они здесь останутся, а вскорости возвратятся к тебе в Карачев, где, даст Бог, восстановишь ты законные свои права. Ну, а сейчас, не обессудь, должен тебя покинуть: сегодня у нас вторник, а в этот день седьмицы я всегда самолично вершу суд моим подданным, кои приговоры своих господ и старост считают несправедливыми, либо просто хотят идти судиться ко мне. Ко-

ли любопытно тебе сие видеть, велю и для тебя на крыльце кресло поставить.

— Сделай такую милость, княже. Рад буду у тебя поучиться. Я своих людей тоже иной раз сам судил, но только так, от случая к случаю, и особого дня для того не имел. А ты как судишь, — по своим уложениям, али по ромейскому [16]) судебнику?

— Ну, по ромейскому судебнику пусть судят те, у кого людей слишком много, — усмехнулся Александр Михайлович. — Ведь у греков, тако же как у латынян и у немцев, за всякую безделицу вешают, секут головы, либо четвертуют, а уж кто отделался отрезанным носом или усеченной рукой, тот может почитать себя удачником. На нас греки глядят сверху вниз, да только, брат, шалишь: я уж лучше без их учености проживу, но подданных своих ни изничтожать, ни увечить не стану! Суд вершу по Правде Русской, сложенной Ярославом Мудрым, да по Уложению князя Владимира Монамаха, а еще того боле — по собственному своему разумению. И за всю свою жизнь, благодарение Господу, ни одного человека смертию не казнил. Батогов и то даю не часто. Ну да пойдем, сейчас сам увидишь.

---

[16]) Румом или Ромейским царством называли тогда на Руси Византийскую империю.

ГЛАВА 30.

«Бог ста всборе с Богом, посреде же Бог и рассудит, есть бо судить крепок, праведен и терпелив. Богови единому есть оправляти и осуждати».

«Мерило праведное», сборник 14 века.

Выйдя с князем Пронским на крыльцо, Василий увидел посреди него крытый узорчатой парчею аналой, на котором лежали распятие и два пожелтевших свитка пергамента. За аналоем стоял пожилой инок в черной рясе, а внизу, во дворе, толпилось человек тридцать всякого звания людей, пришедших искать княжьего суда.

Александр Михайлович приложился ко кресту, принял благословение монаха и опустился в стоявшее тут же деревянное кресло, с высокой остроконечной спинкой. Василий, во всем последовав его примеру, сел рядом, в другое кресло, поспешно принесенное слугами.

— Ну, начнем с Богом, — негромко промолвил старый князь. — Кто там первый, выходи вперед!

Внизу поднялась легкая толкотня и четыре человека, вполголоса препираясь между собой, одновременно подошли к нижней ступени крыльца и отвесили земные поклоны.

— Все четверо по одному делу? — спросил князь.

— Нет, батюшка князь, — бойко ответил стоявший впереди других мужчина в одежде купца, — у меня дело от них особое.

— Почто же они вместе с тобою вышли?

— Бают, что первыми пришли, княже. Да ведь я

человек торговый, а они простые смерды. Могут и обождать!

— Перед Богом и перед судом все одинаковы, — строго сказал Александр Михайлович. — Осади-ка назад и за гордыню свою после всех прочих подойдешь. Экая, подумаешь, птица — торговый человек! Ну, а вы с каким делом? — обратился он к стоявшим перед ним крестьянам.

— Елашинские мы, твоя княжеская милость, — начал дюжий мужик, лучше других одетый. — То-исть я, значит, из Елашинской общины, а энти, — ткнул он рукой в сторону двух стоящих рядом парней, — рязанские новосёлы, что прошлым годом ты возле нас испоместил. Так вот, невдавне увели они у меня из клети овцу и я их поймал с поличным. За ту татьбу староста наш присудил им идти ко мне в кабалу на полгода. Только они, тати, с таким приговором никак не согласны: староста ваш, бают, своим мирволит, — пойдем на суд до самого князя. Ну, вот, стало быть и пришли.

— Так было дело? — спросил князь у парней.

— Точно, пресветлый князь, — ответил один из них, — бес попутал, овцу у него мы совсем было свели. Да ведь он её в обрат отнял, еще и наклал нам сколько душа его восхотела. Вот мне, погляди, два зуба вышиб! И рази ж такое видано: овечкой его мы так и не попользовались, побои от него претерпели, да еще и в кабалу к ему идти на полгода! Смилуйся, отец наш, молви твое справедливое слово!

— Кабала на вас не столь за самую овцу наложена, сколь за богопротивное действо ваше, за татьбу и за попрание закона, — строго сказал князь. — По вашему что же, коли попался тать, — расплатился за краденное, как на торгу, да и пошел себе во свояси?

— Непомерно много полгода за овечку-то, батюшка князь! К тому же и побои лютые мы приняли от сего человека.

— Ладно, проверим. Прочитай, отец Митрофан, что в уложениях о татьбе скота сказано.

Монах неторопливо развернул один из свитков, что-то шепча поводил по строчкам коричневым пальцем и вслух прочел:

— "Аще кто крадет скот во хлеве или в клети, то ежели будет он один, платить ему три гривны и тридцать кун.[17]) А буде татей много, то всем платить по три гривны и тридцать кун". Так прописано в Правде Русской, — добавил отец Митрофан, свертывая пергамент.

— Погляди еще в мономаховом Уложении, — сказал князь.

— "Аще кто украдет овцу или теля, пять телят даст в тельца место, а в овцы место четыре овцы отдаст за овчя", — прочитал монах, развернув другой свиток.

— Можете отдать по четыре овцы этому человеку? — спросил воров Александр Михайлович.

— Откеда нам взять, твоя княжеская милость? Были бы у нас свои овечки, нешто полезли бы мы чужую красть?

— Стало быть, это не про вас писано. А ежели можете уплатить каждый по три гривы и тридцать кун, кабалу с вас сниму.

— Помилосердствуй, князь-батюшка! Да ведь за такие деньги десяток овец купить можно! К тому же и побил он нас изрядно!

— Побил он вас за дело. Разве вот зубы тебе напрасно вышиб. Ты что, противился ему когда он тебя поимал?

— Где там, батюшка князь! Ты погляди какой он, бугай, здоровый! Смиренно терпел я побои, боясь что инако он меня до смерти ухайдакает.

— Почто же ты ему в этом разе зубы вышиб? — спросил князь у елашинского мужика.

— Дюже взлютовал я на них, твоя княжеская милость! Зубов его лишать я, вестимо, намерения не имел и хлебыснул его по рылу не боле как в пол-свиста. А он из хлибких оказался, вот у его зубы-то и повыпадали. Только после того я его больше не бил, а поучил малость второго татя, да и свёл их обоих к старосте.

— Кажись, твое учение они крепко запомнили, — заметил Александр Михайлович, одобрительно огляды-

---

[17]) Гривна в 14 веке делилась на 50 мелких монет, называвшихся кунами или резанами.

вая литые плечи и здоровенные ручищи крестьянина. — Как звать тебя?

— Трофим, Иванов сын Лепёхин, батюшка князь.

— Так вот, Трофим, что ты поучил татей, это не плохо и пойдет им на пользу. Одначе, ежели они не сопротивлялись, увечить их было не можно, а выбиение зубов — это есть увечье и ты за него в ответе. А ну, отец Митрофан, поищи там про зубы.

Монах порылся в списках и прочёл:

— "Аще кто выбиет другому зуб и люди кровь видят у во рте у него, то двенадцать гривен в казну, а за зуб гривну". Тако сказано в Уложении князя великого Володимера Всеволодовича.

— Стало быть так, — сказал князь минутку подумав, — двенадцать гривен в казну с тебя, Трофим, не беру, ибо бил ты людей не из озорства, а учил татей, кои залезли в твою клеть. Но за два выбитых зуба должен ты этому новосёлу уплатить две гривны. Он же тебе повинен за овцу три гривны и тридцать кун, сиречь за ним гривна и тридцать кун. Как звать-то тебя, тать беззубый?

— Анисим, Захаров сын Лаптев, пресветлый князь!

— Можешь ты, Анисим, уплатить Трофиму Лепехину одну гривну и тридцать кун?

— Энто авось наскребу, батюшка князь.

— Ежели наскребешь, кабалы на тебя нет. Только гляди: коли вдругораз в татьбе попадешься, велю бить батогами и выселю в обрат на Рязанщину. Мне здесь татей не надобно. Ну, а ты, — обратился он к другому вору, — поелику тебе с зубами не столь посчастливилось, должен Трофиму Лепехину уплатить сполна три гривны и тридцать кун. Можешь?

— Где мне эдакие деньги собрать, пресветлый князь!

— Стало быть, пойдешь на полгода в кабалу к Трофиму, как староста тебе присудил. Запиши, отец Митрофан.

— Одну гривну и тридцать кун и я бы дал, — почесав в затылке промолвил парень.

— Коли дашь, кабалы тебе всего четыре месяца,

— сказал князь. — Ну, ваше дело кончено, ступайте все трое. Кто там следует? Выходи вперед!

Из толпы выступили и земно поклонились князю двое: один — высокий и плотный мужчина лет сорока, с бородою во всю грудь, в синей поддевке тонкого заморского сукна; другой — небольшого роста жилистый мужик, — казался постарше и был одет по-деревенски.

— Кто такие и с чем пришли? — спросил Александр Михайлович.

— Я торговый человек, Лука, сын Трифонов Аникеев, — ответил первый, — а энто со мною Степка Хмыкин, зверовщик. Не единожды покупал я у него пушнину и люди знают, — завсегда платил ему по совести и сполна. Тако же было и в последний раз, назад тому месяца три. А ноне он до меня привязался, — плати, дескать, вдругораз, ты мне не всё заплатил. Я его и Богом усовещаю и гоню, а он всё своё! Ну чего с им иделаешь? Вот и порешили сюды идтить, чтобы рассудила нас твоя княжеская милость.

— А ты что скажешь, Степан? — обратился князь к зверовщику.

— Креста на ём нет, на разбойнике, батюшка князь! Что я не впервой ему меха продаю, это точно. Одно вá принес я ему для пробы десяток бобров, он заплатил и цену дал хорошую. Малость погодя, взял я ведмедя, — он и тую шкуру у меня купил и заплатил снова по божески. Ну, думаю, Аникеев купец совестливый, с им дела вести можно. Вот, значит, нонешней весной всю добычу свою я к нему и отволок. Окромя бобров, была там славная чернобурка, куниц много и иное. Ударили по рукам на двадцати двух гривнах серебром. Только даёт он мне двенадцать гривен, а с остатними просит две либо три седьмицы обождать, — сейчас, мол, самое время скупать пушнину и ему для того вся наличность надобна. Ну, что же, говорю, можно и обождать, раз такое дело. Эдак прошло уже месяца два, встреваемся с ним на торгу. Ну, пытаю его, отдаёшь должок, Лука Трифонов? А он, будто, диву дается — какой, мол, должок? Да десять гривен серебра, говорю, что ты мне за пушнину недодал. — "Окстись, — баит,

— я тебе двадцать две гривны отвалил сполна, ты, должно, запамятовал". Я его усовещать, а он прочь меня гонит да еще и прибить грозится...

— Врёт он и не боится Господа, — перебил купец. — Одним разом уплатил я ему все двадцать две гривны и ни куны больше не должен!

— А при сделке, что же, у вас ни единого видока[18]) не было? — спросил князь.

— Никого и не было, — сказал Аникеев. — Поелику дело у нас шло на наличный расчет, нам видоки были вовсе без надобности. Вот ты теперь и смекай, твоя княжеская милость: ну рази-б он мне без видоков на десять гривен поверил? Да ни в жисть.

Довод был веский и князь сурово поглядел на Хмыкина.

— Сдается мне, что купец правду говорит, — сказал он. — Ты в продаже не новичек, порядки тебе ведомы. Сумневаюсь, чтобы ты свой товар в долг отдал без видоков либо без записи.

— Не хотел я о том говорить, батюшка князь, ибо оно теперя без пользы будет, поелику тех людей уже не допросишь, — нерешительно ответил зверовщик. — Были у нас два видока: отец и сын Примаковы, такоже зверовщики, кои в ту самую пору подошли со своей пушниной и слыхали как мы с Лукою ладились. И как только он от своего долга зачал отпираться, я ему о тех видоках тотчас напомнил. А он баит: — "вот и видать, что ты вовсе сдурел. Никого при нас в ту пору небыло и я тебе с глазу на глаз заплатил двадцать две гривны". Ну, думаю, обожди, я Примаковых зараз сыщу и ты у меня не отвертишься: они греха на душу не возьмут. И вот узнаю, что дён за десять до того, оба они, и отец и сын, в Оке утопли. А он, значит, Лука Аникеев-то, о том сведал да и смекнул, что теперя от своего должка отпихнуться можно...

— Вали на покойников, они в глаза не наплюют, — усмехнулся купец. — Видишь, твоя княжеская милость, на какой кривой козе он тебя объехать хочет?

---

[18]) Видок или видец — свидетель.

— Покуда вижу только, что один из вас двоих врёт. Может и ты. Его рассказ тоже вельми на истину похож. Готов ты на своей правде крест целовать?

— Готов, твоя княжеская милость!

— А ты, зверовщик?

— Вестимо, готов, батюшка князь! Бог мою правду видит и меня громом не поразит.

— Значит уже не мне, а Господу один из вас дерзает солгать. Пусть же сам Господь и укажет нам, кто из вас лжец и святотатец. Поставь их, отец Митрофан, на суд Божий.

В средние века, в тех случаях, когда ни одна из тяжущихся сторон не могла представить достаточных доказательств или свидетелей своей правоты, испытание так называемым судом Божьим применялось повсюду и в том числе на Руси. Формы этого суда бывали весьма разнообразными, начиная с простого жребия и кончая поединком тяжущихся лиц. В западных странах, в соответствии с общей жестокостью обычаев и приемов судопроизводства, широко применялись испытания огнём, каленым железом, кипятком и т. п. Во всех этих случаях правым признавали того, кто дольше и мужественнее выдерживал соответствующую пытку. На Руси, где до проникновения западных влияний, нравы отличались большей гуманностью, обычно применялись не столь варварские формы испытаний, или же судебный поединок, — так называемое "поле". Впрочем, против последнего решительно протестовала православная церковь.

Следует отметить, что в отличие от западно-европейских стран, смертельный исход такого поединка на Руси сурово осуждался и властями, и общественным мнением. Победителя в этом случае, конечно, не преследовали, формально он был прав, но его открыто порицали за излишнюю жестокость и даже ограничивали в правах иска: если побежденный противник оставался жив, иск победителя удовлетворялся полностью, в случае же смертельного исхода, — ему разрешалось взять только оружие и доспехи убитого.

Сам поединок, которому всегда предшествовало

крестоцелование обоих тяжущихся, проводился в условиях полного равенства, под наблюдением представителей власти и особых "поручников", то-есть своего рода секундантов каждой из сторон. К "полю" мог быть привлечен всякий, независимо от звания, возраста и пола, — отказаться не мог никто, ибо отказ был равносилен признанию своей неправоты и проигрышу дела. Но старики, женщины, калеки и лица духовного звания могли выставить за себя наёмного бойца или добровольца, что, однако, давало право сделать тоже самое и другой стороне.

Посмотрим теперь, как осуществлялась идея Божьего суда в Пронске.

Выслушав распоряжение князя, отец Митрофан велел тяжущимся подняться на крыльцо и каждого из них заставил поцеловать крест на своей правде. Затем поставил их по бокам аналоя, лицом друг к другу и приказал обоим поднять вытянутые руки над головой.

— Кто из вас двоих первым руки опустит, тот и есть обманщик, — сказал он, — ибо правдивому и невиновному ангелы Божьи руки поддержат, о чём и надлежит всем нам молить Господа.

Все истово перекрестились, а князь добавил:

— А виновника, коего нам Всевышний укажет, мы после того людским судом осудим. Ну, а пока чей там черёд? Выходи!

К подножию крыльца подошла сразу кучка людей. Среди них находились две еще не старых женщины, воин и человек пять ремесленников. У одного из них была перевязана рука, у другого не хватало половины бороды, лица остальных были украшены кровоподтеками. Поглядев на них сверху, князь Пронский усмехнулся и вполголоса сказал Василию:

— Тут всё и без распытаний понятно: передрались по пьяному делу и теперь каждый мнит себя без вины пострадавшим. Опричь казны, в этой тяжбе едва ли кто выиграет.

Александр Михайлович оказался прав. Из бестолковых показаний, жалоб и взаимообвинений участников

потасовки, минут через десять выяснилось приблизительно следующее: один из ремесленников, повздорив на улице с женой соседа, схватил её за волосы и стал трепать. На ее крик прибежал муж и вырвал обидчику пол бороды. В завязавшейся драке приняли участие ближайшие соседи. Проходивший мимо воин хотел разнять дерущихся, но один из них огрел его по голове палкой. Воин выхватил меч и ранил обидчика в руку, — не сильно, судя по тому, что пострадавший находился тут же, перед князем и кричал громче всех. В дальнейшем, действуя мечом плашмя, воину удалось было разогнать драчунов, но тут прибежала жена одного из них и имея, вероятно, основания полагать, что всю эту катавасию затеял спьяна ее муж, принялась бить его кочергой. Пример мужественной женщины вдохновил остальных бойцов и драка разгорелась с новой силой.

Теперь каждый из пострадавших обвинял всех остальных и требовал себе мзды за полученные повреждения и за поруганную честь. После недолгих и бесплодных попыток разобрать кто прав, а кто виноват, князь махнул рукой и промолвил:

— Ну, хватит! Вижу, что все вы хороши. Стало быть всякий получил по заслугам и за обиду искать тут некому. А вот за буянство на улице каждый заплатит в казну пеню[19]) соразмерно учиненному бесчинству. Ищи, отче Митрофан, в уложениях, — какие пени за деяния сии положены?

Пока монах просматривал свитки, отчеркивая ногтем подходящие к случаю статьи, Василий, сидевший почти рядом с аналоем, поглядел на стоящих перед Божьим судом. Прошло не более получаса как они подняли руки, но купец уже заметно сдавал: лицо его побагровело, лоб покрылся испариной, а гнущиеся в локтях руки дрожали от напряжения. Зато зверовщик, казалось, чувствовал себя отменно и с усмешкой презрения глядел прямо в лицо своего противника.

— Повинись лучше, Лука, — сказал он вполголоса,

---

[19]) Пеня — штраф.

— тебе больше как полчаса всё одно не выдюжить, а я эдак хоть до ночи простою! Видать поп правду баил, что невиновному ангелы Господни пособляют руки держать. Зря ты себя мучаешь: Бога не переборешь!

Купец ничего не ответил, только отвернул в сторону лицо и руки его затряслись сильнее. Отец Митрофан отыскал, между тем, в уложениях всё что было нужно и теперь нараспев вычитывал:

— "Аще что попхнёт муж мужа либо к собе, либо от собя, либо по лицу ударит, а видока два выйдут, то три гривны в казну и гривну за обиду".

— За обиду, как сказано, никому, — промолвил князь, — а по три гривны пени взять с каждого, опричь мужа, за жену свою вступившегося и воина, который тщился водворить порядок.

— А кто же за увечье моё заплатит? — воскликнул ремесленник с перевязанной рукой. — Нешто, коли он воин, дозволено ему на улице людей рубать?

Князь вопросительно посмотрел на отца Митрофана и тот сейчас же прочёл:

— "Аще кто кому порвёт бороду, или ударит батогом либо чашею, либо жердию, а люди видят, то пени двенадцать гривен. А кто не стерпев того ударит мечом, то вины ему в том нет".

— Слыхал? — обратился князь к перевязанному. — Вины на воине нет, ибо ты первый его жердию ударил. А с тебя выходит не три гривны, а двенадцать гривен пени. За пораненную руку твою, половину тебе прощаю, а шесть гривен будешь платить целый год, по полгривны в месяц.

— А мне, князь батюшка, кто заплатит за сором? — выступила вперед одна из женщин. — Ведь меня при людях оттаскал за волосы энтот аспид, — ткнула она пальцем в сторону мужика с оборванной бородой.

— За энто самое твой человек уже мне бороду порвал, — угрюмо промолвил последний. — Слыхала что чернец-то вычитывал? — Моя борода двенадцать гривен стоит. Это, небось, подороже твоих волосьев!

— Её муж бороду тебе оборвал за дело, — внуши-

тельно сказал князь, — и он за то не в ответе: свою жену он защищать обязан перед Богом. А ты за бесчестие заплатишь ей сколько положено по закону. Читай, отче.

— "Аще кто пошибает боярскую дщерь или жену, за сором ей пять гривен золота, а меньших бояр — одну гривну золота, а городских людей — три гривны серебра, а сельской женке одну гривну и столько же пени в каяжью казну", — прочитал монах.

— Стало быть, окромя трех гривен пени, заплатишь ей за бесчестье гривну серебром, — сказал князь. — Запиши кому что, отец Митрофан да отпусти их.

— Еще одно взысканье надлежит сделать, княже, — сказал монах. — В уставе князя Ярослава Володимировича сказано: — "аще жена мужа бьет, — в церковную казну три гривны пени". А тут перед нами стоит лихая женка, коя на людях мужа своего, от Бога ей данного, кочергою била.

— Истина, — промолвил князь. — Кто из вас муж этой бабы? Ты? Заплатишь три гривны пени в церковную казну.

— Помилуй, всесветлый князь! Меня били, мне же за то и пеню платить?

— Вестимо, тебе! Чтобы не дозволял бабе себя бить. Не жена мужа, а муж жену учить должен. Тако во святом писании сказано. Ну, а теперь ступайте все с Богом, да глядите у меня: кто вдругораз в озорстве попадется, тому уже двойная пеня будет.

Прежде чем вызвать следующих, Александр Михайлович поглядел в сторону аналоя. Исход Божьего суда был уже совершенно очевиден: Хмыкин стоял высоко подняв руки, на лице его не было заметно следов особого напряжения. Аникеев, наоборот, весь взмок, на висках его вздулись синие жилы, нижняя губа отвисла, а ладони трясущихся рук опустились уже до уровня ушей. Было видно, что силы его подошли к концу.

— Ну, как, торговый человек? — спросил князь. — Будешь пыжиться доколе сердце лопнет, али довольно? Может теперь врать станешь, что Господь Бог ошибается, на тебя указуючи?

— Каюсь, батюшка князь, милостивец! — прохрипел купец, разом роняя руки и падая на колени. — Омрачил мне разум нечистый, толкнул меня, проклятый, на плутовство!

— Стало быть не ты, а нечистый всему винсвник? Ну, ин ладно, ты с него и взыскивай, а я уж, не обессудь, с тебя взыщу: за плутовство свое уплатишь зверовщику не десять, а двадцать гривен, да двадцать гривен пени в казну, да еще двадцать на церковь. А за то, что дерзнул ты на лжи крест целовать, на торговой площади, в день большого торга, чтобы всем в пример и в назидание было, получишь двадцать батогов.

— Смилуйся, батюшка, не вели меня батогами казнить! В жизни больше никого обманывать не стану!

— Ты, может, обманывать и не схочешь, ан нечистый к тебе вдругораз подъедет? Видать, он тебя умеет обхаживать. Мнится мне, что с батагами дело будет надежней. Покуда в яму его, — сказал князь стоявшим у крыльца дружинникам. Те сейчас же подхватили и увели с собою хнычущего купца.

Далее следовало еще несколько дел о сравнительно мелких кражах и различных формах оскорбления личности, каравшихся денежной пеней. На тех кто не мог ее уплатить, князь накладывал временную кабалу, иными словами заставлял эту пеню отрабатывать.

Самым серьезным из рассмотренных в этот день преступлений, оказалось дело о прелюбодеянии посадского кузнеца с черницей. Разбирать в нем, собственно, было нечего: виновных застали с поличным, на монашку отцами церкви уже наложена была суровая епитимья. Оставалось лишь покарать ее соблазнителя, но тут возникло затруднение: Ярослав Мудрый, "аще кто сблудит с черницею", налагал сорок гривен пени, а внук его, Владимир Мономах, под давлением высшего духовенства (в ту пору почти сплошь греческого), постановил за это преступление "урезать виновному носа"".

Александр Михайлович своих подданных никогда не увечил, а заплатить сорок гривен кузнец явно не мог, так что существующими уложениями в этом случае

нельзя было воспользоваться. Немного подумав, князь постановил:

— Во искупление богомерзкого блуда своего, пойдешь на четыре года в монастырскую кабалу. Вестимо, не в женский монастырь, — добавил он, — ино при твоих повадках ты из кабалы и через сорок лет не выйдешь!

***

— Вот ты теперь и разумей, — сказал старый князь Василию, когда последняя тяжба была рассмотрена и они шли в трапезную полдничать: — если бы я сегодня, к примеру, суд вершил по греческим либо латинским законам, — двоих мне не минулось бы сжечь на костре, еще одного или двух казнить иными видами смерти, да отрубить с полдюжины рук, да несколько языков и носов урезать. Прикинь — сколько бы это осталось вдов, сирот да ни к чему, кроме попрошайничества и воровства, неспособных калек! А какие на них грехи, — ты сам видел.

ГЛАВА 31

«Знает и зверь где укрыться егда взыде сонце, птица найдет дом, а горлица гнездо свое... Лучше уповати на Бога нежели на человека, ведает бо Господь как прекормити и спасти тварь свою».

Киевский патерик, 13 в.

Наутро следующего дня, Василий и Никита были готовы в путь. Пока в трапезной пили "посошок" и шло прощание отъезжающих с остающимися, Лаврушка, тоже одетый по-походному, подвел к крыльцу трех оседланных лошадей. Поясним, для кого предназначалась третья.

Узнав о предстоящем отъезде своего князя, Лаврушка накануне вечером явился к нему и чуть не со слезами на глазах просил позволения ехать с ним дальше.

— Не могу взять тебя, — ответил Василий. — Ужели ты сам не разумеешь: я ухожу от ханского мщения. Надобно мне до времени так схорониться, чтобы и следов по мне не нашлось, а в таком деле всякий лишний человек не помощь, а помеха. К тому же сам я не ведаю где и как окончится мой путь. У тебя дома осталась молодая жена, — почто бросишь ее на волю случая, коли нет в том ни малой надобности?

— А что с женой моей исделается? Хозяйство у нас доброе, запас есть во всем, — она без меня хоть и год проживет не зная ни в чем нужды. А я бы тебе в пути услужал, да и сабля моя, поди, не раз бы сгодилась. Ты мне живот спас и человеком меня сделал, батюшка Василей Пантелеич! И коли что худое теперя с тобою

стрясется, совесть меня иссушит за то, что я беды твоей не разделил.

— На добром желании тебе спасибо, — сказал Василий, тронутый преданностью дружинника, — но все же решения своего не переменю. Ворочайся, братец, в Карачев и ожидай меня. Мне и там верные люди надобны.

Лаврушка ушел, подавленный и опечаленный. Однако, судьба неожиданно послала ему сильного пособника: поздно вечером, оставшись в последний раз наедине с братом, Елена Пантелеймоновна стала упрашивать его, чтобы кроме Никиты, взял с собою хоть десяток надежных людей.

— Поедешь ты неведомыми землями, — говорила она, — где не только татар можешь повстречать, но тако же диких башкирцев, мордву, черемису и иных никому не покорных язычников. Муромские и суздальские леса, сказывают, полны разбойников и беглых лихих людей. Сгибнете вы, вдвоем с Никитой, а десяток воинов, это все же сила.

— Супротив разбойников и шалыганов это, может и сила, да от них, Бог даст, мы и сами отобьемся, коли случится. Никита один десятерых стоит. Черемису же и башкирцев мы объедем Вятской землей, а там издавна власть наша, русская. Не страшись, Аленушка, путь мой не столь уж опасен, потому и не хочу тащить за собой лишних людей. С ними лишь труднее мне будет скрытно проехать.

— Ну, хоть одного человека возьми! А как приедешь на место, тотчас пошли его ко мне с вестью, что жив ты и ничего худого с тобою в пути не приключилось. Без этого я себе никогда покоя не найду.

— Одного, пожалуй, можно взять, — согласился Василий. — Но вестника того ты ранее будущего лета не жди: в холода и в распутицу он по тем местам в обрат не проедет.

Немного успокоив Елену и простившись с нею до утра, Василий вышел во двор и позвав Лаврушку, сказал ему:

— Слушай, Лаврушка: еду я в чужие, неведомые края, а куда, о том знать на Руси никто не должен. Путь будет опасен и долог, — ранее как через год ты домой не воротишься. Если тебя это не страшит и за Настю свою ты спокоен, тогда на утро готовься. Поедешь со мной до конца.

— Спаси тебя Христос, княже, — ответил обрадованный воин. — С тобою куды хошь поеду без страха и с радостью. И никому лишнего слова не пророню.

**
*

Когда простившись со всеми Пронскими, Василий в последний раз обнял сестру, она сняла с себя небольшую иконку архангела Михаила, вставленную в золотой медальон и благословив ею брата, повесила ему на шею.

— Семейный образ наш ты теперь мне оставляешь, — сказала она, — возьми же с собою хоть этот, в точности большому подобный. Его сам патриарх в Царьграде освятил. Да сохранит тебя от всех бед и напастей святой Архангел, заступник и покровитель рода нашего!

Затем, подозвав к себе Никиту, она сказала ему:

— Сбереги нам князя, Никитушка! Он не только мне, а всей земле нашей дорог и надобен. Знаю некорыстную верность твою, знаю, что по душе не слуга ты ему, а брат. Потому и я с тобою хочу проститься как с братом.

Перекрестив преклонившего колени витязя, она одела ему на шею золотой крестик, а потом обняла и крепко поцеловала в губы.

— Да сохранит тебя Господь, солнышко наше, — еле владея собой промолвил Никита, целуя ее руки. — А за Василея Пантелеича будь спокойна: верну его тебе живым и здоровым, либо сам николи не вернусь!

ГЛАВА 32.

«Приидохом же от Переславля Рязанского к верховию Дона, и не бе видети тамо ни града, ни села, пусто же всё и не населено, нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарвы и прочая»...

«Хождение Пименово в Царьград», 14 в.

Из Пронска путники тронулись по московскому шляху, но отъехав от города с десяток верст, свернули по просёлку на восток и часа два спустя уже переправились через неширокую реку Истью, протекавшую по рязанско-пронскому рубежу.

Земли Рязанского княжества, где Василия многие знали, решено было пересечь в кратчайшем направлении, пользуясь глухими лесными дорогами и минуя населенные места. Это можно было сделать почти не отклоняясь от прямого пути на Муром.

Выехав без всяких осложнений к истокам реки Раны и всё время держась ее левого берега, Василий и его спутники так же благополучно добрались до Оки, переправились через нее между Переяславлем и Рязанью, и на заходе солнца, покрыв в этот день около сотни верст, достигли берега реки Пры, отделяющей Рязанское княжество от Мещерского края.

Вдоль низменных берегов Пры, густой и темный лес тут и там раздавался в стороны, уступая место топким, поросшим камышами болотам, из которых, при

приближении всадников, тяжело поднимались стаи ожиревших гусей и уток. Сырая, травянистая почва мягко пружинила под копытами лошадей, а над красноватыми водами реки и болот, в неподвижном воздухе висели тучи гнуса. Остановиться тут было немыслимо и путники проехали еще версты четыре вдоль берега, пока не нашли небольшой, поросшей березняком возвышенности, круто обрывающейся к реке. Здесь было сухо, комаров сдувало легким, тянувшим поверху ветерком и место вполне подходило для ночлега.

Через полчаса стреноженные кони уже паслись на низкой прибрежной луговине, а их хозяева, помывшись, сидели вокруг костра, поджаривая на вертеле жирного гуся, застреленного по-пути Никитой.

Над почерневшей рекой быстро сгущались сумраки ночи. В наливающихся тьмою и тайной болотах блаженно стонали мириады лягушек, да через равные промежутки времени, перекрывая лягушечьи голоса, где-то поблизости утробно ревела выпь. В небе, одна за другою, зажигались далекие звезды и, казалось, мерцая спускались на землю: вон сколько их уже носится быстрыми светлячками над утонувшей во мраке низиной! Неслышными, неторопливыми шагами приближалась величавая, но скромная красавица — русская ночь и вот уже подошла к усталым путникам вплотную...

Некоторое время у костра все сидели в задумчивости. Лаврушка, менее других чувствительный к чарам природы, первым нарушил молчание:

— А что, Никита Гаврилыч, — спросил он, не решаясь обратиться к князю, — долог ли будет путь наш по Мещерской стороне?

— Коли возьмем отсюда прямо на Муром, — ответил Никита, — за один день её минуем. До реки Гуся тут будет верст пятьдесят, да там, вверх по Колпи, до муромского рубежа набежит еще тридцать. Ночевать завтра будем уже на Муромской земле.

— Стало быть невелика она, эта Мещера?

— Не столь она и мала, да мы лишь самый уголок

её захватим. Потерявши день, могли бы её и вовсе стороной объехать, да ни к чему нам это: мещеряки народ смирный.

— А кто они такие, энти мещеряки? Намедни я видел двоих в Пронске: по обличью будто на татар похожи, а говорят промеж собою по нашему.

— Они, как и мордва, — народ чудского корня, но спокон веку живя в соседстве с русскими и сами совсем было обрусели. Однако со времён батыева нашествия, их земли позахватывали татарские князья и мещеряки помалу стали перенимать татарский обычай.

— А какой они веры?

— Да кто в какую горазд. Много есть среди них православных христиан, иные от татар ислам приняли, а кое-кто еще пребывает в древнем своем язычестве. Поганства у них и досе немало. К примеру, покойников своих они в гробы не ложат, а закапывают сидячими. Баб и девок, при этом, к похоронам и поминкам не допускают. Жён каждый норовит иметь побольше, в этом не отстают от прочих и православные: эти на одной бабе женятся у нашего попа, а на других у своего шамана. Им иначе нельзя: народ они землеробный, а обычай у них таков, что мужику работать в поле зазорно. Вот, значит, жены у них вроде батраков. У кого побольше земли, тому, знамо дело и жен надобно иметь много.

— Ну, а мужики что же у них робят? Али на боку полеживают?

— Нет, не скажи. Народ работящий. В поле-то мещеряк только указывает да на баб покрикивает, ну, а топором, к примеру, орудует ловко и в домашнем хозяйстве делает всё что требуется. Избы и деревни у них очень даже справные.

— А ты отколе всё это знаешь, Никита Гаврилыч? Нешто бывал в ихних краях?

— Случилось. Еще когда служил я брянскому князю Дмитрию Святославичу, однова посылал он меня гонцом в Мещерский Городец,[20]) к главному князю ихнему, Бахмету Гусейновичу.

---

[20]) Мещерский Городец — столица Мещерского края, позже город Касимов.

— Пошто имя-то у него басурманское? Татарин он, что ли?

— Из татар. У мещеряков прежде были свои князья, но татарские мурзы и беки их поперебили и после того долго резались промеж собою за Мещерский край. Лет сорок тому назад всех одолел ширинский князь Бахмет и крепко сел в Мещерском Городце. Вот к нему-то я и ездил.

— Неужто и посейчас он жив?

— Нет, умер давно. Ныне над Мещерою княжит сын его Беклемиш.

— Он уже не Беклемиш, а Михайло, — вставил князь, до сих пор не принимавший участия в разговоре. — Муромский владыка Василий уговорил его принять православную веру. Сам князь Василий Ярославич крестным отцом был. Оженился же тот Беклемиш — Михайло на княжне Стародубской, так что вскорости род князей Мещерских станет русским. Да и всех соседей своих чужеплеменных вберет в себя помаленьку матушка Русь, как многих уже вобрала. Вот, к примеру, в этих местах прежде обитали народы: меря, весь, мурома, голядь и иные. Пришедь сюда, славяне, предки наши, никого из них не убивали и слишком не утесняли, как то делали, да и поныне делают немцы в литовских и в славянских землях. А где теперь все эти народы? Без насильности и понуждения, все целиком растворились в русском море, уже и память о них забывается. Тако же со́мо невдолге будет с мещерою и с мордвой.

— Ну, мордва-то больше к татарам клонится, — заметил Никита.

— Не сама она клонится, а гнёт татарский ее клонит. Мордовские земли лежат по самому краю Дикого Поля, всего ближе к Орде, ну татарские князья и пона-ре́зали там себе улусов.[21])

— Стало быть у мордвы тоже своих князей нет? — спросил Лаврушка.

---

[21]) От этих, некогда утвердившихся в Мордовской земле татарских князьков происходит несколько княжеских фамилий, например: Баюшевы, Мансыревы, Янгалычевы и другие, которых некоторые считают коренными мордовскими родами.

— Не у всей. Мордва делится на два племени: те что живут ближе к нам, зовутся эрзя, а ближе к Орде, — то мóкша. У каждого из тех племен свой язык и свои обычаи. По виду эрзякá от русского, почитай и не отличишь, ну, а мокша уже иная: ей, видать, половцы да татары изрядно своей крови подбавили. И у эрзи досе есть свои князья, а мокшу еще в прошлом веке покорил ордынский князь Елортай Темиров и с той поры ею правят его потомки. Мокша, вестимо, отатарилась. Бабы у них, к примеру, ходят в штанах и в чалмах, мужики тоже одеваются по-татарски. А эрзя не то: она больше от нас перенимает, нежели от татар.

— А вера у эрзи тоже наша?

— Есть среди них православные, но не столь много как у мещеры. Мордва еще крепкá в своем язычестве. Богов у них много, но выше всех они почитают одного, который, будто бы, живет под землею и посылает людям урожай. Как зовется тот бог, я запамятовал, но один чернец, долго живший среди мордвы, мне сказывал, что перед посевами яровых и озимых, каждый мордовский хозяин выносит в поле какую-либо снедь и закапывает её в землю, чтобы этого урожайного бога задобрить. И те что приняли нашу или татарскую веру, всё одно от сего обычая не отступаются, хоть ты с них голову снимай.

— А сквозь черемису мы тоже поедем? — спросил Лаврушка, подбрасывая в костер сухих сучьев.

— Нет, черемису и булгар мы объедем Вятской землей, — ответил Василий. — Путь наш от этого чуток удлинится, но будет много спокойней: черемиса народ дикий, она еще толком не умеет и землю пахать, а промышляет больше охотой да разбоем. В Булгарии же легко повстречаться с ордынскими отрядами. Ну, а вятичей давно уже покорили новгородцы. Там поставлены русские города, татары туда не суются, так что поедем всё одно как по своим землям.

В продолжении этого разговора, Никита не забывал время от времени поворачивать над огнем вертел. Наконец гусь подрумянился со всех сторон и стал источать столь дразнящее голодные желудки благоухание,

что даже любознательный Лаврушка, собиравшийся расспросить князя о вятичах, вместо очередного вопроса, неожиданно для себя самого сказал:

— А ведь пора его есть, не то пережарится!

— Дело, — согласился Василий. — Ну что же, давайте вечерять да и спать. Путь на завтра предстоит трудный и выехать надобно чем свет.

Пока Никита резал на куски гуся, Лаврушка проворно открыл одну из перемётных сум, извлек из нее баклагу с водкой, хлеб и кое-какую снедь, захваченную из Пронска.

Проголодавшиеся путники плотно поужинали и подбросив в костер побольше дров, тут же заснули на разостланных конских попонах, подмостив под головы седла.

***

С рассветом тронувшись в путь, Василий, Никита и Лаврушка много часов пробирались узкими лесными тропами, а то и просто чащобой, стараясь по солнцу держать направление на север, где, верстах в тридцати от места ночлега, им надо было выйти на довольно крупную реку Нарму.

Этот дикий угол Мещерского края представлял собою обширную покрытую вековым лесом низину, изобилующую небольшими озерами, речками и болотами. В дождливую пору здесь мог бы проехать только человек отлично знакомый с местностью. Но, к счастью для наших путников, давно уже стояла сушь и они, хотя и вынуждены были поминутно объезжать предательские топи и иные препятствия, всё же благополучно продвигались вперед и к полдню выехали на берег Нармы. В этом месте она была довольно широка и полноводна, что указывало на близость ее впадения в реку Гусь.

Теперь уже не было опасности сбиться с пути. Повеселевшие путники, после двухчасового отдыха, двинулись дальше, всё время придерживаясь правого берега Нармы, а потом Гуся. Объехав стороной большое озеро, с ютившимся на его берегу мещерским селением, часа через три они выехали к устью реки Колпи. Ва-

силий знал, что она, не меняя направления, течет с севера на юг и что вдоль ее берега идет дорога из Мещерского Городца во Владимир, перекрещиваясь где-то с московско-муромским шляхом. Дальнейший путь до Мурома, таким образом, не представлял особых затруднений и на закате солнца притомившиеся всадники, проехав еще верст двадцать, остановились на ночлег в лесной деревушке, находившейся уже в пределах Муромского княжества.

Прежде чем въехать на постоялый двор, уместившийся, вместе с избою и службами, под сенью одного исполинского дуба и отмеченный, по обычаю того времени, конским черепом вместо вывески, — Василий придержал коня и обернулся к своим спутникам.

— Запомните крепко, — сказал он, — отныне для всех, с кем бы ни довелось нам повстречаться, будь то татары или русские, — я не князь, а карачевский боярин Василий Романович Снежин. Имею вотчину под Мосальском и ныне еду, вместе с вами, в Вятскую землю по своим делам. Ну, умер, что ли, там мой бездетный брат и мне надлежит принимать наследие. Коли о чем ином станут вас выспрашивать, держите языки за зубами и ответствуйте только, что господин, мол, ваш человек крутой и лишней болтовни не любит. А на людях величайте меня боярином либо Василием Романовичем.

Хозяин постоялого двора, благообразный мужик лет пятидесяти, видимо настолько отвык от посетителей, что даже не старался скрыть своего удивления при виде въезжающих во двор гостей. Однако в избе было чисто, в погребе нашелся крепкий стоялый мёд, а пока усталые путники мылись у колодца, поливая друг другу из деревянного ведра, хозяйка успела приготовить им превосходную яичницу с салом.

На следующее утро, перед тем как пуститься в дальнейший путь, Василий бросил на стол золотой татарский динар и спросил остолбеневшего при виде такой щедрости хозяина:

— А что, старик, далече ли отсюда до Мурома?

— Это смотря как ехать, боярин. Есть две дороги, большая и малая. Вверх по Колпи, отсюда часа два пешего ходу, будет развилок. Коли оттеда поедешь ты прямо, — верст через тридцать выедешь на муромский шлях, а там до Мурома набежит еще верст семьдесят. Но можно взять от развилка по малой дороге, вправо. По ей ты будешь ехать целый день, самой что ни есть глухоманью, а к заходу солнца выедешь прямо к Спасову монастырю, в семи верстах от Мурома.

— Сколько же верст будет туда по малой дороге?

— По ей вёрсты не считаны, боярин. Меряла ведьма клюкой, да махнула рукой. Только будет та дорога много короче шляха.

— А далее, от монастыря, куда она ведет?

— Чуток не доезжая монастыря, перекрестится она с муромским шляхом и дале пойдет прямиком на реку Клязьму, а оттеда берегом, на город Стародуб.

— Стало быть она нам и дальше сгодится. А легко ли сбиться с пути, коли мы тою малой дорогой поедем?

— Сбиться мудрено: дорога одна, без развилков. Как раз на полпути до монастыря, будет озеро с красной водой, а дале — горелый лес. Токмо лучше бы вы малой дорогой не ехали.

— Почто так?

— Пошаливают там лихие люди... Потому тою дорогою вот уже два года, почитай, никто не ездит.

— Ну, коли так, можно и шляхом поехать, — сказал Василий. — Крюк невелик, а нам не к спеху. Оставайся здоров, хозяин!

— Прощевай, боярин, спаси тебя Господь за щедрость твою, — кланяясь в пояс ответил мужик.

ГЛАВА 33

«Истинно говорю вам: если вы будете иметь веры с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет. И ничего не будет невозможного для вас».

Евангелие от Матвея.

Выехав из деревни, всадники пустили лошадей крупной рысью и менее чем через час добрались до того места, где дорога раздваивалась. Здесь ехавший впереди Василий, не останавливаясь, свернул вправо и погнал коня по узкой, заросшей травой и мелким кустарником дороге, видимо давно уже не езженой.

— Погоди, княже! — догоняя его крикнул удивленный Никита. — Ты, никак, ошибся: на шлях нам надлежало прямо держать. А это та самая неезженная тропа, от которой остерегал нас хозяин.

— Не ошибся я, — усмехнувшись ответил Василий, — а рассудил, что лучше нам по этой, по малой дороге ехать.

— Почто по малой? Али не сказал ты сам старику, что шляхом поедешь?

— Сказал с умыслом: коли кто вздумает нас искать, пусть ищет по шляху либо в Муроме, а мы поедем лесною дорогой и не заезжая в Муром, от Спасова монастыря возьмем прямо на Стародуб.

— Оно не плохо, путь наш туда и лежит. Да вот не нарваться бы нам тут на разбойников.

— Ежели этой дорогой два года люди не ездят, небось и разбойники отсюда давно убрались. Кого им

тут грабить? Мнится мне, что на шляхе с ними куда легче повстречаться.

— Пожалуй, твоя правда, Василий Пантелеич. Может статься, что хозяин постоялого двора нас не с добрым умыслом на шлях направлял. Мне что-то сразу его рожа не приглянулась: больно уж благолепен, индо чуток на покойного Андрея Мстиславича смахивает...

Углубившись в сырую чащу леса, дорога, стиснутая с обеих сторон вековыми деревьями, шла почти не петляя, по ровной местности и порою была так узка, что ехать по ней можно было только гуськом. Под темными сводами разлапистых ветвей было мрачно и жутко, но предположения Василия полностью оправдались: за целый день они не встретили никого, кроме одинокого медведя, лакомившегося ежевикой на берегу небольшого озера с красновато-желтой водой. Он беспечно шумел в кустах и так увлекся своим занятием, что не заметил всадников, подъехавших к нему почти вплотную. Когда же Лаврушка пронзительно свистнул и заулюлюкал, — мишка истошно рявкнул и с такой быстротой пустился наутёк, смешно подкидывая задом и оставляя на земле вещественные следы своего испуга, что путники разразились дружным хохотом.

Вскоре за красным озером начался горелый лес, по которому всадники ехали около часу. Затем тропа, подобно узкой расщелине, снова врезалась в темный массив огромных сосен и елей, и наконец, когда солнце уже было близко к закату, — вывела путников на широкую, хорошо наезженную дорогу.

— Не иначе как муромский шлях, — сказал Василий, останавливая своего коня. — Кажись, хозяин постоялого двора нам ни в чем не солгал, стало быть отсель направо, в семи верстах стоит Муром, а впереди сейчас будет Спасов монастырь. Там заночуем, а с рассветом тронемся дальше, на Стародуб. — С этими словами он переехал через шлях и свова углубился в чашу леса, по неширокой, но хорошо проторенной дороге, которая, несомненно, вела к монастырю.

— Эх, жаль не распытали мы что это за монастырь,

— промолвил Никита, поровнявшись с Василием. — Ведь коли тут женская обитель, нас ночевать туда едва ли пустят, а харчи свои мы прикончили. Не пришлось бы спать в лесу, на голодное брюхо.

— Не сумневайся, это мужская обитель. Я о ней от карачевских попов немало слышал, ибо на Руси она из самых древних. Ее основал, говорят, лет триста тому назад сам святой Глеб Володимирович, первый князь муромский.

— Почто же она не в городе стоит?

— Она в городе и стояла, да после батыева нашествия, когда Муром был сожжен, уцелевшие иноки ушли в лес и воздвигли здесь новый монастырь. Позже, когда город чуток отстроился, — часть клира вернулась туда и приступила к становлению нового храма и монастырского подворья. Строили долго, а когда труд их близился уже к концу, случился пожар и всё пришлось начинать сызнова. И вдругораз всё что было сделано, огонь истребил, а сейчас строят в третий раз. Вот почему Спасов монастырь и доселе остается в лесу. В народе он вельми чтим, ибо хранится тут чудотворный образ святого Глеба, исцеляющий немало немощных.

— Ну, немощи всякие бывают. Иных, пожалуй и чудом не исцелишь.

— По мне человека не чудо, а вера его исцеляет, — после небольшой паузы сказал Василий. — Вот, к примеру, годов пять назад, был я в Серпухове и показывали мне там здоровенного мужика. Запамятовал я, что с ним приключилось, — деревом его придавило, что ли, только отнялись у него ноги и пролежал он, как колода, немало лет. И попы его пользовали, и знахари, к святым мощам и к иконам чудотворным возили его, только всё втуне. Наконец кто-то сказал ему про целящий многие немощи образ святого Глеба в Спасовой обители, и как-то вдруг уверовал он, что тут его спасение. — "Я тоже Глеб, говорит, и мой святой меня не оставит. Везите меня к нему!“ Ну, привезли его сюда, в Спасов монастырь. Прослушал он вечерню, приложился к чудотворной иконе; после тут схимник один — святой жизни

старец — возложил на него руки, только ничто не помогает. Тогда тот калека давай просить игумена: — "оставь меня на ночь одного в церкви! Хочу я помолиться своему святому, а уж утром везите меня в обрат".

— Ну, поклали его под образом святого Глеба и ушли все. А на рассвете вышел игумен из своей кельи и глазам не верит: стоит тот безногий мужик возле монастырской поварни и дрова колет. Будто никакой хвори и не было! Пристали тут к нему иноки, — что, мол да как, чего ты в церкви делал и не было ли тебе какого видения? А он говорит: — "никакого мне видения не было, а как все из храма ушли, помолился я горячо своему святому, встал да и пошел. Я, говорит, и наперёд знал, что так будет". Вот ты мне теперь и скажи: что это было, — чудо или же просто силою своей веры он хворь переборол?

— И так, и так чудо, Василей Пантелеич, задумчиво промолвил Никита. — А откуда оно проистекло, от иконы ли, от веры ли того человека, — сказать трудно... скорее всего от веры.

— Вот и я также мыслю. Коли бы он сумневался, не помогла бы ему и чудотворная икона. А с крепкою верою, помолись он даже в пустом месте, скажем в лесу, под березой, равно получил бы исцеление, ибо чудотворная сила в самом человеке, сиречь в вере его таится.

— Так, по твоему, икона в этом деле ништо?

— Э, нет, брат! Коли человек в чудотворную суть иконы верит, сила его веры в свое исцеление гораздо умножается. Возле такой святыни молитва его обращается как бы в пламень незримый и летит прямо к престолу Господнему! Я сказал: под березой тоже чудо возможно, но подле иконы свершиться ему стократ легче. Потому исцеления немощных почти всегда и случаются возле особо чтимых икон, а не под березами.

За этими разговорами путники шагом проехали версты полторы, как вдруг из-за поворота дороги, огибавшей в этом месте пологий, заросший ельником холм, до них явственно донеслись какие-то крики и шум.

— Никак впереди дерутся? — недоуменно промолвил Василий, придерживая коня. — Чего бы это такое могло тут быть?

— Может, кого грабят разбойники? — прислушиваясь сказал Никита. — Мне, будто бы, женский крик почудился.

— А ну, вперед! Только тихо. Допрежь чем ввязываться, поглядим из-за поворота, что там стряслось.

Держась самого края дороги, уже потемневшего в вечерних сумерках, они проехали еще шагов двести. Звуки ударов, топот конских ног и отрывистые выкрики слышались теперь совершенно отчетливо, не оставляя сомнений в том, что здесь происходит вооруженная схватка. Доехав до поворота, Василий внезапно осадил коня и знаком руки остановил своих спутников. Шагах в тридцати, там где дорога пересекала небольшую поляну, он увидел богато убранный возок, запряженный тройкой рослых, серых в яблоках, лошадей. В возке, тесно прижавшись друг к другу, сидели две закутанные в шали женщины, лиц которых нельзя было разглядеть. На облучке, запрокинувшись на спину, неподвижно лежал возница с намотанными на руки важжами, а вокруг — пять или шесть всадников, в кафтанах военного покроя, отчаянно отбивались саблями от двух десятков нападающих, которых по одежде можно было принять за татар. Один из последних, крупный мужчина в кожаных татарских латах и в шлеме, не принимая непосредственного участия в схватке, стоял на откосе холма и время от времени что-то выкрикивал. Возле возка, на поляне уже лежало несколько неподвижных тел.

— Татары на наших напали, — шепнул Василий стоявшему рядом Никите. — Их не столь много и ежели мы врасплох ударим с тыла, они побегут!

— Истина, княже, — тихо ответил Никита. — Только допрежь чем на них ударить, не худо было бы достать стрелою вон того дьявола, что примостился на бугре. Он у них, кажись, верховодит. Его я беру на себя, а вы с Лаврушкой цельте двух других. А потом уже

в сабли! — с этими словами Никита вытащил из-за спины своего "Перуна" и наложил на тетиву боевую стрелу. Василий и Лаврушка молча последовали его примеру.

Почти одновременно воздух прорезали три стрелы. Стоявший на косогоре всадник, взмахнув руками, опрокинулся на круп своего коня, возле возка повалились наземь двое других. В ту же секунду, бросив луки и выхватив сабли, Василий и его спутники налетели на растерявшихся разбойников, рубя направо и налево. При виде неожиданной подмоги, воины, оборонявшие возок, разом приободрились и в киких-нибудь две минуты исход сражения был решен: нападавшие, оставив на поляне с десяток трупов, обратились в бегство и мгновенно исчезли в лесных зарослях.

Вложив саблю в ножны, Василий обернулся к повозке, находившейся от него в нескольких шагах. Теперь он разглядел, что одна из сидевших там женщин была молода и красива, другой на вид было лет пятьдесят. Обе смотрели прямо на него, вполголоса обмениваясь отрывистыми словами, а потому Василию не оставалось ничего иного, как направить к ним своего коня. Но не проехал он и половины разделявшего их растояния, как к нему приблизился один из всадников, защищавших возок, — чернобородый мужчина средних лет, в богато расшитом кафтане.

— Не ведаю как величать тебя, добрый человек, — с поклоном сказал он, — но кто бы ни был ты, видно сам Господь направил сюда тебя и твоих товарищей. Кабы не вы, не отбиться бы нам от проклятых разбойников! Молви, за кого нам надобно Бога молить?

— Бога ты просто возблагодари за то, что не оставил всех нас своею милостью, — ответил Василий, — а звать меня Василием Романовичем Снежиным. Я Карачевского княжества боярин и здесь случился проездом, со стремяным своим и со слугою. Скажи и ты, с кем Господь привел меня встретиться?

— Я муромский воевода Порошин, а в возке...

— Чтой-то ты разговорился так, Афанасий Ники-

тич? — раздался вдруг властный голос старшей из женщин. — Проси боярина сюда пожаловать, я сама его поблагодарить желаю.

— Слушаюсь, матушка Евдокия Даниловна, — живо откликнулся воевода. — Прошу, боярин!... Княгиня наша с княжною, — шепнул он Василию, подъезжая с ним к возку.

Услышав последние слова муромского воеводы, Василий в первый момент окаменел от удивления и молча впился глазами в лицо той, которая при иных обстоятельствах должна была сделаться его женою. Однако заметив, что старая княгиня начинает хмуриться, он быстро овладел собой и соскочив с коня, низко поклонился женщинам.

— Ну, боярин, спаси тебя Христос за подмогу и за доблесть твою, — промолвила княгиня. — Помыслить страшно, что стало бы со мною и с дочкой моею, кабы не подоспел ты столь во-время! Ежели не ослышалась я, Василием Романовичем тебя звать?

— Истино, княгиня. Радуюсь я, что привел меня Господь послужить тебе и княжне. А в том, что пособил я твоим людям отбиться от татар, заслуга не велика: всякий честный человек то самое сделал бы.

— Ну, ну, вижу ты скромник. Только то не татары были, а поганая мордва. Спокон веку их шайки на наши окраинные земли нападают, но такого охальства, чтобы под самым Муромом на княжий возок наскочить, еще николи не бывало! Беспременно надобно теперь князю Юрию Ярославичу с войском пойти за Оку, поучить эту погань уму-разуму!

— Не осуди за любопытство мое, княгиня: как случилось, что на ночь глядя, оказались вы с княжной здесь, в лесу, со столь малой охраной? — спросил Василий.

— Да ведь Спасов день сегодня, монастырский праздник! Всякий год в шестое августа выезжаем мы в обитель, вот и ныне приехали. Князь-то сразу после обедни в Муром вернулся, ну, а мы остались до вечера. Кто же мог помыслить, что приключится такое?

— Ежели сей обычай ваш всем ведом, мыслю я,

что мордовские разбойники оказались здесь не случайно. Не мешало бы дознаться — кто их послал сюда и зачем?

— А вот, сейчас спробуем узнать, — промолвил воевода Порошин. — Может, тут среди них хоть один живой сыщется. — С этими словами он принялся обходить лежащие на земле тела мордовцев. Их вожак был убит наповал: стрела Никиты пронзила его насквозь, выйдя на четверть между лопаток. Большинство других тоже были мертвы, но двое оказались лишь ранеными. Склонившись над одним из них, воевода сказал:

— А ну, идол, коли хочешь в живых остаться, развязывай язык! Поведай нам, кто вы такие, кто вас привел и почто напали вы на княжий возок?

Раненый, не мигая, тупо глядел на воеводу, не произнося ни слова. Думая, что он не понимает по-русски, Порошин задал ему те же вопросы по-татарски, но снова не получил ответа. Тогда он вытащил саблю и приставил её острие к горлу пленника.

— Ну, будешь говорить? — спросил он, слегка нажимая на рукоять.

— Погоди, бачка боярин, я скажу! — прохрипел раненый, почувствовав что клинок впивается ему в шею.

— Вот так бы и сразу! Говори.

— Мы люди князя Баюша... А привел нас сюда его меньшой сын, Гаюн.

— Вот этот, что лежит простреленный?

— Он, бачка боярин.

— А знали вы на кого нападаете?

— Знали, бачка...

— Что же вы, собаки, женщин хотели поубивать?

— Как можно, бачка боярин? Убивать не хотели.. Гаюн велел княжну живой взять.

— Княжну! А на что она ему?

— Того не знаю, бачка... Красивый девка, княжна... А может он выкуп за нее хотел взять.

Больше спрашивать было не о чем. Приказав одному из дружинников скакать в монастырь и сказать мо-

нахам, чтобы пришли подобрать убитых и раненых, Порошин снова подошел к возку. Его разговор с пленником здесь все слышали от слова до слова, так что повторять не было надобности.

— Царица небесная! — с негодованием воскликнула княгиня. — Я-то мыслила, что они на нас по неведенью наскочили, а это что же выходит? Какой-то поганый нехристь чуть не у ворот Спасова монастыря засаду ставит, чтобы захватить дочь муромского князя! И беспременно бы захватил, не подоспей ты ко времени, Василий Романыч! Эдак в скорости из хорóм на улицу с оглядками выходить придется!

— Да, видать, соседство у вас беспокойное, — сказал Василий и покосился на княжну. Она была бледна и в продолжении этих разговоров не промолвила еще ни слова, но Василий несколько раз ловил на себе её пристальный взгляд, выражение которого трудно было определить в быстро сгущающихся сумерках.

— Ты, никак, заснул, Афанасий Никитич? — обратилась княгиня к воеводе. — Али станем тут ожидать доколе они вдругораз нагрянут? Сей же час в Муром!

— Слушаюсь, матушка княгиня! Только опасаться уж нечего: небось, те, что живыми ушли, чешут теперь по лесу, что твои зайцы!

— Всё одно, не ночевать же тут.

Порошин отдал нужные распоряжения и сам вскочил на коня. На облучёк повозки, вместо убитого кучера, сел один из дружинников и разобрав вожжи, зацокал на лошадей.

— Ну, прощай, княгиня и ты, княжна, —промолвил Василий, тоже успевший сесть на коня. — Счастливой вам дороги, а мой путь в другую сторону.

— Да ты что, батюшка? Али в Муром не заедешь? — с удивлением спросила княгиня.

— Поспешать мне надобно в Стародуб, княгиня, и далее на полночь. Путь наш не близок, а осень не за горами.

— И слышать того не хочу, боярин! Как это мож-

но: ты нас от полона либо от смерти спас и теперь мыслишь уехать не давши князю поблагодарить тебя? Да он мне в жизни не простит, коли я тебя отпущу!

— Видит Бог, княгиня...

— Бог-то видит, да вот ты не видишь! Может, разбойники снова впереди засели, чтобы дело свое довершить, а ты нас одних покинешь? Не ждала я от тебя такого, право, не ждала!

— Ну, коли так, еду, княгиня, — после небольшого колебания сказал Василий и тронул плетью своего коня.

ГЛАВА 34.

«Того же лета князь Юрий Ярославич Муромский обнови град свой, отчину свою Муром, запустевший отдавна. И постави двор свой во граде, такоже и бояре его, и вельможи, и купцы, и черныя люди изсташа дворы свои и святыя церкви обновиша и украсиша иконами и книгами».

Патриаршая летопись.

Едва ли сыщется на Руси хоть десяток городов которые по древности могли бы потягаться с Муромом. Точное время его возникновения неизвестно, но во всяком случае существовал он еще до призвания Рюрика.

Раскопки археологов показали, что еще в доисторические времена в этих местах кочевали охотники за мамонтами, оставившие по себе многочисленные следы, в виде всевозможных каменных орудий, костей убитых ими животных и т. п. Позже обитало тут чудское племя мурома, от которого и получило свое название городище, служившее этому племени столицей.

О муроме, как о народе, в истории не осталось почти никаких сведений. Когда она исчезла и когда появились тут первые славяне, неизвестно. Можно лишь указать, что с десятого века мурома, — как некая этнографическая единица, сохранившая какие-то признаки обособленности, — уже не упоминается ни в одном письменном источнике. Очевидно к этому времени она полностью растворилась в славянской массе, а город Муром сделался центром образовавшегося тут русского княжества, подчиненного Киеву.

Распределяя русские земли между своими много-

численными сыновьями, Владимир Святой отдал Муромское княжество Глебу[22]), тоже причисленному православной церковью к лику святых. Как известно, Глеб Владимирович в 1015 году был убит своим братом, Святополком Окаянным, после чего в Муроме сидели киевские наместники, но в конце того же одиннадцатого века, он перешел во владение черниговского князя Олега Святославича, который отдал Муромскую и Рязанскую земли своему брату Ярославу, чьи потомки с той поры там и княжили.

При татарском нашествии, героически сопротивлявшийся Муром в 1239 году был выжжен дотла и почти все его защитники перебиты. По преданью, лишь небольшое число жителей города, выведенных монахами Спасского монастыря через потайный ход, спаслось в окрестных лесах.

Едва успев немного отстроиться, — в 1281 году, во время очередной междоусобицы, Муром был разрушен князем Андреем Городецким, а то что уцелело от этого разрушения, через семь лет снова было сожжено татарами. С тех пор несколько десятков лет город находился в полном запустении, некогда обширная торговля его замерла и муромский край одичал. Большая часть населения, укрывшись в дремучих лесах промышляла охотой, рыбной ловлей, бортничеством,[23]) а то и просто разбоем. С этого именно времени муромские леса приобретают свою громкую разбойную славу, широко отразившуюся в русском народном эпосе.

Во второй четверти четырнадцатого века старшим из муромских князей был Василий Ярославич. По характеру и привычкам, он полностью соответствовал своему одичавшему народу: жил в невзрачных и темных хоромах, хуже чем иной боярский сын; рано овдовев, вёл беспорядочный образ жизни и кроме охоты, мало чем интересовался. О восстановлении лежавшего в развалинах Мурома он не заботился, считая, что всё равно его кто-нибудь снова разрушит, и делами земли своей зани-

---

[22]) В крещении князь Глеб получил имя Давида.

[23]) Бортничество — пчеловодство.

мался мало. При всем том, был он добр и миролюбив, усобиц ни с кем не заводил и в Муромском княжестве при нём почти открыто распоряжались московские князья.

Положение дел начало меняться, когда в Муром приехал младший брат князя, Юрий Ярославич. Это был деятельный, умный и напористый человек, немало поездивший по чужим землям и многому научившийся. Видя что брат имеет к тому охоту, Василий Ярославич с радостью предоставил ему заниматься делами управления и муромским князем стал фактически Юрий.

Года за два до описываемых здесь событий, Василия Ярославича, бывшего уже в летах, помял на охоте медведь. По-началу всё как-будто обошлось, князь отлежался, но потом начал чувствовать слабость в ногах и вскоре они отнялись совершенно.

Когда все попытки вылечить князя на месте оказались бесплодными, — он приказал возить себя по святым местам, в чаяньи обрести где-нибудь исцеление. Святынь на Руси было множество и Василий Ярославич в Муром возвращался редко и ненадолго. Последнее же время жил он безвыездно в Киево-Печерском монастыре, где почувствовал себя лучше и решил дождаться полного выздоровления.

Помаленьку все стали забывать о его бренном существовании и муромским князем вся Русь считала Юрия Ярославича. О старшем брате его летописец вспомнил лишь в **1345** году, коротко отметив: — "преставися князь Василей Ярославич Муромский".

Юрий Ярославич исподволь стал восстанавливать жизнеспособность и благосостояние Муромского княжества. Работа перед ним лежала громадная, средств почти не было и в первые годы особых перемен не замечалось. Однако постепенно, заботами князя, люди начали возвращаться из лесов, вокруг давно заброшенных деревень вновь зазеленели посевы, кое-как отстроенные ремесленные слободы наполнились умельцами, стала оживать торговля и в руки Юрия Ярославича по-

текли деньги, позволяющие приступить к обновлению города.

Чтобы труды его не пропали даром, князь Юрий решил начать с того, чем обычно постройку городов заканчивали: с возведения крепостных стен. В течение нескольких лет он окружил полуразрушенный Муром мощными укреплениями, превратив его в одну из сильнейших крепостей Северной Руси и только после этого приступил к восстановлению самого города.

К моменту приезда сюда Василия Пантелеймоновича, работы эти находились в самом разгаре, а полностью закончились они лишь десять лет спустя. Однако и теперь Муром имел уже внушительный вид. Он стоял на левом, высоком берегу Оки и был окружен широким земляным валом, поверх которого на несколько сажень высились двойные дубовые стены, усиленные многими проездными и глухими башнями.

При возведении муромских укреплений, князь Юрий Ярославич ввел ряд новых усовершенствований. Главным недостатком древне-русских крепостных стен являлась ненадежность их связи: они составлялись из "городниц", — бревенчатых клетей, приставленных друг к другу и заполненных землей. Если осаждающим удавалось выбить несколько бревен из такой клети, — она рассыпалась вся, под давлением находившейся внутри земли, открывая в стене широкий проход. Не раз бывало и так, что при отражении приступа, одна из городниц разваливалась сама, под тяжестью скопившихся на ней защитников.

При укреплении Мурома, Юрий Ярославич применил новую систему, совершенно устранявшую эту опасность: здесь городницы были органически связаны друг с другом и вся стена представляла собой не цепь отдельных звеньев, а нечто похожее на сплошной бревенчатый коридор, наполненный землей.

К укрепленной части города, имевшей форму неправильного четырехугольника, общей площадью около девяти десятин, — вплотную примыкал обширный посад, делившийся на концы и улицы. Чуть в сторону от

него, ближе к реке, тянулись слободы ремесленников. Одна из них была населена исключительно мережниками, изготовлявшими рыболовные снасти и сети.

Помимо ремесленных изделий, Муром вел торговлю мехами, рыбой, мёдом, воском и иными продуктами сельского хозяйства, постепенно снова превращаясь в крупный торговый узел. Местные святыни также способствовали росту общего благосостояния, привлекая сюда много паломников. Однако следует отметить, что религиозное значение Мурома заметно пошло на убыль после того, как муромцы, обвинив своего епископа, Василия, в нечистой жизни, изгнали его из города и он перенес епископскую кафедру в Рязань.

* * *

Князь Юрий Ярославич, высокий и худощавый мужчина, с небольшой, тщательно подстриженной бородкой и пронзительными серыми глазами, выглядел значительно моложе своей преждевременно располневшей и слегка обрюзгшей супруги. Выслушав её рассказ о случившемся, он принял Василия радушно и не поскупился на выражения благодарности. Трудно было сомневаться в их искренности, но всё же Василию показалось, что безукоризненно вежливым словам его и манерам не хватает чисто русской простоты и сердечности. Чувствовалось, что князь знает себе цену и всегда помнит о расстоянии отделяющем его, рюриковича, от простых смертных. Это так не вязалось с обычной простотой в обращении всех известных Василию русских князей, что в первую минуту он удивился и насторожился. Но вскоре этой черте характера муромского князя нашлось объяснение: из дальнейшего разговора выяснилось, что Юрий Ярославич в молодости провел несколько лет в Царьграде и очевидно до известной степени впитал в себя дух, господствовавший при дворе императора Андроника.

Впрочем, это не помешало ему остаться тем, чем создала его русская природа: весьма способным и очень наблюдательным человеком. К тому же он, по своему

времени, был широко образован, говорил на нескольких языках, отлично знал историю европейских народов, начиная с самых ее истоков и беседа с ним была увлекательна и интересна. В этом Василий убедился вполне, когда два часа спустя, помывшись в бане и приведя себя в порядок, он сидел за ужином в кругу княжеской семьи и нескольких муромских бояр.

Отвечая на вопросы гостя, а отчасти и по собственному почину, князь рассказывал много занимательного о жизни Византии и других стран, в которых ему довелось побывать. Но как ни старался Василий удерживать разговор в этой плоскости, — он вскоре перекинулся в ту область, которой карачевскому князю менее всего хотелось касаться.

— Скажи-ка, боярин, — спросил вдруг Юрий Ярославич, — ведомо ли тебе о том, что намедни приключилось у вас в Карачеве?

— Это ты о чем, князь? — весь насторожившись, но сохраняя полное самообладание осведомился Василий, до сих пор не знавший дошли ли до Мурома вести о козельских событиях.

— Тому дня три сказывали мне, что князья ваши перессорились меж собой на семейном съезде и будто карачевский князь Василий Пантелеевич, дяде своему, князю звенигородскому, срубил голову. Ужели ты, из той страны едучи, ничего о том не слыхал?

— Когда выезжал я из дому, всё у нас было тихо, — ответил Василий, заранее обдумавший что́ отвечать на подобные вопросы, — а слух, о котором ты говоришь, настиг меня уже в Рязани, где задержался я по своим делам. Только я тому слуху большой веры не даю. Непохоже, чтобы такое у нас могло приключиться.

— И все же, видать, приключилось. Нам довели о том люди верные.

— Что же именно говорили они?

— Сказывали, что у князей Карачевской земли, со смерти Пантелея Мстиславича, велась супря[24]) о старшинстве и о правах на большое княжение. И вот, будто

---

[24]) Супря — распря, тяжба.

в последних днях июля съехались они в Козельске и там всё это случилось.

— Ежели что подобное и стряслось, то причины тому, без сумнения, были иные, — сказал Василий. — О том, что на двадцать третье июля князья наши должны были съехаться в Козельске, все мы давно знали. Но только ни о каких спорах о старшинстве я не слыхал. Да и какие могли быть споры? Василий Пантелеевич по праву занял отцов стол и княжит уже целый год. Когда заступал он на большое княжение, дядья его и слова вперекор не молвили и из воли его николи не выходили. Андрей же Мстиславич, безо всякого к тому понуждения, сам приехал в Карачев и крест братаничу целовал, — я это своими глазами видел. Так что, воля твоя, Юрий Ярославич, а тут что-то другое. Да и в Рязани о том иной слух ходил.

— Каков же был тот слух?

— Сказывали, что не супря о старшинстве, а измена удельных была всему причиной. Василий-де Пантелеич, не опасаясь ничего худого, приехал в Козельск с малым числом людей, а там дядья его хотели схватить. Отбиваясь от этих воров, он, будто и зарубил Андрея Мстиславича. Только не дуже я этим россказням верю. Может, какая размолвка и вышла промеж князей, а людская молва её стократ раздула.

— Дыму без огня не бывает, — сказал Юрий Ярославич, пристально глядя на Василия, который спокойно выдержал этот взгляд. — Ну, а говорили в Рязани, что после было?

— Говорили, будто князь Василий со своими людьми от крамольников всё же отбился и из Козельска ускакал. А вскорости после того поехал в Орду, чтобы оправдаться перед ханом.

— В чем же ему оправдываться, ежели дело было так, как ты сказал? Нешто он не в праве был свой живот защищать?

— То не я, а молва говорит, Юрий Ярославич. А я сказал тебе, что той молве не очень верю. Может, никуда он не поехал, а может и вовсе ничего такого не было.

Князь Юрий еле приметно улыбнулся в свою ви-

зантийскую бородку и ничего не ответил. Замолчал и Василий, чувствовавший что его собеседник знает больше того, что сказал.

— Ох, Господи, несчастье-то какое! -- промолвила княгиня, прерывая молчание. — Ведь коли вправду такое случилось, царь Узбек может Василия Пантелеича и вевсе согнать с карачевского стола.

— "Вишь, где у тебя болит!" — подумал, внутренне усмехаясь, Василий и поглядел на княжну. Она сидела подле матери, потупив голову, но было заметно, что из всего разговора не упустила ни слова. Как бы почувствовав на себе взгляд Василия, она подняла глаза и взоры их встретились. Чуть-чуть улыбнувшись и порозовев, она сейчас же снова потупилась и принялась нервно теребить бахрому скатерти.

— "Хороша, — подумал Василий, незаметно любуясь породистыми чертами её лица и нежным румянцем щек, юную свежесть которых особенно выгодно оттеняла оправа волнистых темных волос. — Только вот неживая какая-то... Я еще и голоса ее не слыхал. Напугалась разбойников, что ли? Или при родителях боится рот раскрыть?"

Но он не угадал. В те времена девушки на Руси пользовались гораздо большей свободой, чем два-три века спустя, и не жили затворницами. Причиной молчания княжны было скорее желание приглядеться к новому человеку, пояление которого было столь неожиданно и необычно. И когда все встали из-за стола, а Василий, улучив удобный момент, приблизился к ней, — она, очевидно поняв, что рискует показаться ему смешной или неблагодарной, а может быть повинуясь иному, ей самой неясному чувству, — преодолела свое смущение и первой обратилась к нему:

— Не суди меня, боярин, за то, что до сего часу не поблагодарила тебя за спасение мое. Там, в лесу, с перепугу слова на ум не шли, а после ты был занаят беседой с батюшкой. Прими же хоть теперь великую благодарность мою и верь, что услуги твоей я до смерти не забуду!

— Полно, Ольга Юрьевна, стоит ли о том говорить! Поелику сей случай не имел худых следствий, я сам за него благодарен судьбе: инако я бы тебя, может, никогда не увидел.

Княжна опустила глаза, и щеки ее порозовели, что заставило Василия подосадовать на себя: ведь для неё он только заезжий боярин и его любезность могла показаться ей слишком смелой. Однако, бросив быстрый взгляд по сторонам и убедившись что слов Василия никто, кроме нее, не слышал, Ольга Юрьевна лишь спросила после небольшой паузы:

— Почто же ты, проезжая под самым Муромом, да еще к ночи, не хотел в город заехать?

— Да ведь в город заехать — беспременно два-три

дня потеряешь, а я тороплюсь. Потому и мыслил заночевать в Спасовом монастыре, а с зарею дальше двигаться.

— Куда же ты эдак торопишься?

— Еду я далеко на полночь,[25]) в самый конец Вятской земли, путь туда труден и долог. А надо успеть до больших холодов в обрат вернуться.

— Небось, семья тебя дожидается?

— Нет у меня никого, княжна. Живу один, бобылем.

Тонкие брови девушки чуть заметно шевельнулись. Казалось, её удивил ответ Василия. Медленно, как бы думая о чем-то другом, она промолвила:

— Коли так, хоть не столь тяжко ты на меня посетуешь за то, что нечаянно причинила тебе задержку...

— Помилосердствуй, княжна! Чтобы послужить тебе, я не то что одного дня, — целой жизни не пожалел бы! И горюю лишь о том, что неотложное дело принудит меня завтра с тобою проститься и продолжать мой путь.

— Уже завтра? — вырвалось у княжны. — Стало быть на город наш и не глянеш?

— Утром объеду его на коне, а там и в путь-дорогу. Чай город не столь велик, чтобы за полдня его не обсмотреть?

— Город-то не велик и пока не вельми пригляден, не примечательное в нем есть, особливо новые стены и башни. Батюшка говорит, — таких еще не было на Руси. Ты человек ратный, ужели упустишь случай все это своими глазами зреть?

— Что делать, Ольга Юрьевна! До обеда всё что успею обсмотрю, а уж остальное на возвратном пути, коли Бог даст.

Лицо княжны выразило явную досаду. Она слегка закусила губу, но видя что к ним направляется боярин Порошин, быстро подняла на Василия свои чарующие, тёмные как ночь глаза и промолвила, понижая голос:

— Ежели в давешних словах твоих, боярин, кроме

---

[25]) Полночь — север, полдень — юг.

простой учтивости, была хоть капля правды, не уезжай завтра из Мурома. Мне хотелось бы распытать тебя кое о чем...

— Коли так, остаюсь, княжна, доколе тебе буду надобен, — с поклоном ответил Василий, сам в глубине души удивляясь своей неожиданной уступчивости.

***

Придя в отведенные им покои и укладываясь спать, Никита, весь вечер внимательно наблюдавший за Василием, спросил:

— Завтра с утра выезжаем, княже, али попозже?

— Завтра не едем, — был короткий ответ.

— А когда же?

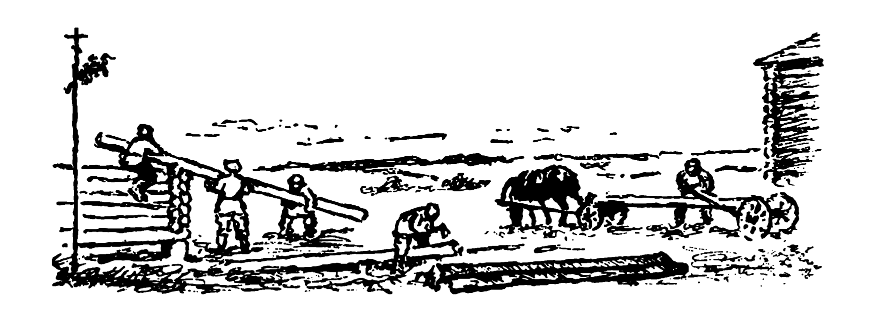
— Там видно будет.

— Вот те на! — притворно удивился Никита. — Никак ты боле не торопишься за Каменный Пояс?

— Небось, успеем еще насидеться за Каменным Поясом, — с раздражением ответил Василий. — Али ты не знаешь того, что князь Юрий Ярославич невдавне укрепил Муром наново, и что столь гораздых, как тут, оборонных хитростей на всей Руси не увидишь? Ужели упустим случай всё это добре обсмотреть, только того ради, чтобы лишнюю седьмицу промаяться в мубарековой орде?

— Ну, коли так, тогда конешно... — понимающе усмехнулся Никита, погасив светец и натягивая на себя покрывало.

ГЛАВА 35

На следующий день, поднявшись, по обычаю своего века, на рассвете, Василий, в сопровождении Никиты, Лаврушки и одного из муромских боярских детей, выехал с княжьего двора, чтобы поглядеть на город. Проезжая по узким улицам, среди которых почти не было прямых, он с любопытством присматривался к окружающему и почти всюду видел признаки кипучей деятельности князя Юрия Ярославича.

Старый Муром был непригляден. Тесно скученные избы его смотрели, без всякого порядка, в разные стороны, всюду виднелись пожарища и развалины, а жилища людей были сложены как бы наспех, частью из свежих, частью из обгорелых бревен. Кое-где попадались и простые землянки, с низенькими крышами, обильно поросшими травой. Но среди всего этого шла напряженная стройка.

Тут и там ватаги людей, под зычные окрики десятских, крючьями растаскивали полуобгорелые остовы старых построек и расчищали места для новых. Из ле-

су возили свежие, пахнувшие смолой бревна и для подсушки складывали их на пустырях клетями. Местами артели плотников возводили новые, добротные срубы, конопатили их мхом и паклей, пилили доски, покрывали тёсом крутые крыши. И за всей этой слаженной суетой, из-под развалин старого, отовсюду уже проглядывали черты нового Мурома, продуманно распланированного и по хозяйски крепко утверждающегося на этой, столько раз политой русской кровью, земле.

В некоторых частях города, особенно в его центре, новое уже явно преобладало над старым. Тут высились две красивые церкви, заканчивалось постройкой монастырское подворье, давно был обжит новый княжеский дворец; вокруг него, соперничая друг с другом в затейливой резьбе оконных ставень и наличников, стояли обновленные хоромы бояр и дома служилых людей.

Необозримый лесной океан, раскинувшийся вокруг, являлся единственным поставщиком строительных материалов, что предопределяло весь облик города: и дворец, и простые избы, и хоромы, и церкви, — всё было сложено из толстых сосновых и дубовых бревен, не успевших еще потемнеть от времени.

Осмотрев самый город, Василий поехал в посад. До него еще не дошли руки строителей и всё здесь дремало в обветшалой старине и запущенности. Через покосившиеся деревянные тыны, из буйно заросших палисадников свешивались пышные ветви черемух; на базарной площади шел вялый будничный торг; по пыльным и кривым улицам изредка громыхали телеги, мальчишки играли в бабки и в чилика, да кое-где, в никогда не просыхающих лужах, блаженно похрюкивая, нежились ленивые свиньи.

Наибольший интерес представляли стены и оборонные сооружения города, но именно потому Василий не стал их теперь осматривать, решив сделать это после обеда или на следующий день, когда времени будет больше. А сейчас он спешил возвратиться во дворец, надеясь за завтраком увидеть Ольгу Юрьевну.

По природе своей, Василий был человеком увлекающимся и конечно, не мог остаться равнодушным к красоте муромской княжны. Это чувство усугублялось необычностью их встречи и всей сложившейся обстановки. Согласившись отложить свой отъезд, он не сомневался в том, что Ольга задержала его с целью расспросить о князе Карачевском, которого ей прочили в мужья. Но припоминая ее вчерашние взгляды и смущение, Василий, как человек опытный в подобных делах, отлично отдавал себе отчет и в другом: что боярин Снежин тоже произвел на нее заметное впечатление. Таким образом, в предстоящих встречах и разговорах, на его долю выпадал поистине неповторимый жребий: выступать в роли своего собственного соперника.

За завтраком Василия ждало разочарование: ни княгиня, ни княжна к столу не вышли и трапеза прошла в обществе князя и нескольких его приближенных. Юрий Ярославич сегодня держал себя проще, но всё время наводил разговор на карачевские события и Василию приходилось постоянно быть начеку, чтобы в чем-либо не проговориться. Поэтому он был весьма рад, когда завтрак окончился и князь, сославшись на дела. ушел, предварительно поручив гостя попечениям воеводы Порошина. Последний повёл его осматривать княжескую усадьбу и конюшни, в которых оказалось немало превосходных лошадей. По выходе оттуда, Порошина куда-то позвал дворецкий и Василий, с чувством облегчения, остался, наконец, один.

До обеда он протомился бродя по усадьбе, несколько раз обошел сад, посидел там на скамейке, с которой открывался широкий вид на Оку, наведывался и в хоромы, но княжны Ольги так и не встретил.

Увидел он ее только за обедом. Она была бледна и рассеяна, что Василий отметил с удовлетворением, как признаки явно для него благоприятные. В общем разговоре княжна, как и накануне, никакого участия не принимала, лишь коротко ответив на два-три ничего не значащих вопроса, которые умудрился задать ей Василий, в порядке застольной беседы. Однако, в продол-

жении обеда, поглядывая на неё украдкой, он заметил, что она пристально смотрит на него, когда ей кажется, что никто этого не видит и сейчас же опускает глаза, как только взгляды их встречаются.

Наконец, князь поднялся из-за стола, все последовали его примеру и помолившись начали расходиться из трапезной. Воспользовавшись общим движением, Василию удалось подойти к княжне, когда поблизости никого не было. Ему даже показалось, что она ждала этого и умышленно отошла в сторону от других.

— Ожидаю приказаний твоих, Ольга Юрьевна, — сказал он. — Коли желаешь о чем говорить со мной, укажи, не мешкая, место и час. Ведь мне уезжать нужно.

— Али не сказал ты вчера вечером, что останешься в Муроме доколе мне надобен будешь?

— Так ведь, к великому горю моему, надобен я тебе буду для единого только разговора. Почто же тогда с этим делом медлить?

— Может, не для единого только разговора... а для двух либо трех, — чуть улыбнувшись промолвила княжна. — Коли ты не слишком жалеешь, что обещал мне ожидать их.

— Не жалею, Ольга Юрьевна, хотя видит Бог сколь надобно мне спешить. Когда же и где будет первый из тех разговоров?

— Сегодня мне нельзя, — немного подумав, ответила Ольга, — а завтра, сразу после обеда, буду в саду.

— Только завтра? — разочарованно протянул Василий. Княжна ничего не успела ответить, ибо в этот момент к ним подошел князь Юрий Ярославич.

— О чем беседуете, коли не тайна? — с искренним или деланным благодушием спросил он.

— Да вот, княжна выспрашивала меня о Карачевской земле и о наших князьях, — не сморгнув ответил Василий. При этом Ольга метнула на него быстрый удивленный взгляд и сейчас же потупилась, а князь, который и сам не сомневался в том, что дочь его попытается выведать у карачевского боярина всё что возможно о Василие Пантелеймоновиче, — спросил:

— О чем же именно спрашивала ты, дочка?

— Спросила я, батюшка, велик ли город Карачев, или наш Муром больше?

— Ну и что же ответил тебе боярин?

— Не успел я еще ответить, как ты подошел, Юрий Ярославич, — вмешался Василий, выручая не знавшую что говорить княжну.

— Коли так, ответь нам двоим. Мне оно тоже любопытно.

— Нелегко это сделать, княже. Видел я сегодня Муром старый, но видел и то, каким будет он новый. Великое и славное дело вершишь ты, Юрий Ярославич!

— Да мы о Муроме знаем, — улыбнулся князь, — ты нам о Карачеве скажи.

— Карачев город старый, но сложен он крепко. От разрушений и от больших пожаров нашим князьям Господь пособил его уберечь. По себе он не вельми меньше Мурома, но ремесленные слободы у нас далеко не столь обширны, а укрепления с муромскими и не сравнить. Я ваши стены да башни только со стороны видел, но и того достаёт, чтоб это уразуметь. Весьма изрядно укрепил ты свой город, княже!

— Что наши стены лучше, это Карачеву не в укор, — сказал Юрий Ярославич, в душе польщенный отзывом Василия, — На Руси лишь немногие города такие имеют. Ты их беспременно осмотри поближе, Василий Романович, они того стоят.

— Не премину, князь. Как раз хотел просить на то твоего дозволения.

— Помилуй, какое еще дозволение! Гляди всё что хочешь. Уж с Карачевом-то мы воевать николи не будем: промеж нас три другие княжества лежат и делить нам нечего.

— Мыслю я, что будь мы даже соседями, и тогда жили бы в любви и в мире. Карачевские князья до усобиц не охотники, да и ты, видать, тоже. К тому ж о тебе, Юрий Ярославич, не раз доводилось мне слышать речи вельми уважительные, как от нынешнего князя нашего, так и от покойного Пантелея Мстиславича.

— Верь, боярин, тако же и я о них всегда говорил

и думал. Да и родня мне, как-никак, карачевские князья, хотя и далекая.

— Ну, коли на то пошло, все русские князья друг дружке сродни: каждый ведёт свой род от нурмана Рюрика, призванного новгородцами на княжение.

— Нет, с Карачевскими наше родство много ближе: общим предком у нас был черниговский князь Святослав, внук Владимира Святого. Их род идет от сына его Олега, а наш, муромский, от Ярослава. Но вот, ты Рюрика сейчас нурманом назвал и попал пальцем в небо. Хотя вины твоей в такой оплошке нет: за полтысячи лет темноты и разных неурядиц, истина у нас забылась либо перемешалась со сказками, и ныне на Руси многие стали ложно толковать наше далекое прошлое. Ну и о Рюрике тож наплели небылиц.

— Кем же он был, коли не нурманом? — спросил удивленный Василий.

— Был он чистым славянином.

— Как же это так? Будь ласков, растолкуй мне это, Юрий Ярославич! С превеликой охотой и пользой тебя послушаю.

— Изволь, если хочешь. Только рассказ мой будет долог, стоять притомимся. Пойдем-ка лучше в мою рабочную горницу, там сядем и побеседуем. А ты, дочка, ступай к себе, отдыхай. Всё что я стану Василию Романовичу сказывать, тебе уже ведомо.

ГЛАВА 36.

> «Имах Гостомысл четыре сына и три дочери. Сынове же его ово на войнах избъени ово в дому измроша и не остася ни единому им сыну, а дочери выданы быша суседним князям в жены. И бысть Гостомыслу и людям о сем печаль тяжка, и принесе жертвы и моли боги о наследии...
>
> «И спяче ему единажды о полудни, виде сон яко из чрева средние дочери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли... И рекоша весчуны: от сынов ея имать наследити ему и земля угобзится княжением его. И все радовахуся о сем, Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от словян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги, просити князя. И придоша по смерти Гостомысла Рюрик с двемя браты и роды ею».
>
> **Иоакимовская летопись.**

Рабочая горница муромского князя была невелика, но она сразу поразила Василия своим убранством. Здесь на стенах почти не было видно оружия, драгоценных блюд и охотничьих трофеев, которыми обычно украшались тогда покои русской знати. Вместо этого, всюду были развешены иконы старинного письма, с ликами русских святых, причем, рассмотрев их поближе, Василий заметил, что тут собраны лишь те, которые принадлежат к княжескому роду.[26]) Вперемежку с икона-

[26]) Из Рюрикова рода, православной церковью причислены к лику святых 35 князей и 13 княгинь.

ми висели нарисованные на досках изображения различных храмов, а также несколько карт и таблиц, вырисованных чернью и киноварью на желтых листах пергамента.

Вдоль одной из стен тянулись полки из мореного дуба. На верхней были расставлены золотые, серебряные и глиняные сосуды; на нижних лежали книги, тетради и перевитые шнурами свитки пергамента. Немало их лежало и на рабочем столе князя, крытом зеленой скатертью. Убранство комнаты дополняли два ковровых дивана и несколько резных деревянных кресел с вышитыми шелком подушками. По всему было заметно, что хозяин этой горницы более всего интересуется русской стариной.

Разъяснив значение некоторых предметов и карт, заинтересовавших Василия, князь Юрий Ярославич усадил гостя, велел отроку принести из погреба холодного меду и начал:

— Так вот, послушай о князе Рюрике... Прежде и я, как ты, мыслил его варягом и верил, что наш русский княжеский род идет от нурманского корня. Чай и тебя учили, что в древние времена новгородские славяне, передравшись промеж собой, призвали на княжение варяга Рюрика, который приплыл из-за моря с двумя братьями, с великой дружиной и со всем племенем своим, звавшимся русью. И будто те наезжие варяги навели в Новгороде порядок, а земля наша от них стала зваться Русью.

— "И вот позже, когда стал я глубже вникать в прошлое нашей земли, взяло меня сумнение: ужели же и вправду так было?

— "Ты, верно, слыхал, что до призвания Рюрика правил в Новгороде Гостомысл. Еще при отце его, князе Буривое, новгородских славян повоевали нурманы, пограбили их города, а на народ наложили непосильную дань. Иго их было столь тяжким, что терпеть его не стало сил. Гостомысл поднял людей на мятеж и след долгой и трудной войны прогнал за море тех нурманов. Всё это нам в точию ведомо, ибо запись о том осталась в новгородской летописи. Как мыслишь ты,

— можно ли дать веру тому, что Гостомысл, ничего не жалевший для освобождения своей земли от нурманского гнёта, потерявший в этой войне двух сыновей, после того сам бы научил новгородцев призвать к себе нурманского князя, еще и с дружиной, и со всем племенем своим? Помилуй, да ведь это всё одно было бы, что погубить начисто дело своей жизни и по доброй воле сызнова сунуть голову в нурманское ярмо!

— "Гостомыслу в ту пору было уже за восемьдесят, может статься, от старости он выжил из ума. Но ведь дело-то решало новгородское вече и оно бы николи не дало своего согласия на эдакую дурость. Однако мы знаем, что согласилось и призвало на княжение Рюрика, который не медля приехал и вокняжился в Новгороде. Из того явствует, что там ни его самого, ни великой дружины его никто не боялся, — видать, для новгородцев он был не чужак, а свой, сиречь нурманом он не был. И не токмо в летописаниях, но и в самой бытности Новгородской, да и Киевской Руси можно тому сыскать немало подтверждений.

— "Прими на миг, что и вправду в славянских землях сели нурманские князья, у кормила власти повсеместно стали пришлые с этими князьями знатные нурманы, суд над славянами почали вершить судьи не разумеющие славянской речи, начальными людьми в войско поставили многих иноплеменников, да еще, на додачу, в Новгородскую землю вселилось целое нурманское племя, — племя породившее всех этих князей, вельмож, судей и воевод, и потому мнящее себя много повыше славян. Что бы это получилось?

— "Допрежь всего, понадобилась бы целая рать толмачей, дабы правители и народ могли разуметь друг друга. Толмач стал бы на Руси первым мздоимцем, лицом видным и важным, ибо без его помощи не можно было бы ступить шагу. А меж тем в наших древних летописях, где многократно поминаются всякие служилые и подсобные люди, как то — бояре, воеводы, судьи, тиуны, гриди и прочая, — о толмачах нет ничего и даже самого слова такого не сыщешь! Стало быть, никаких толмачей вовсе и не было, ибо язык у всех был един.

— "Опричь того, промеж славянами и нурманами приключалось бы несчетное множество неразумений, обид, злочиний, драк и побоищ. Вестимо, бывали бы супротив нурманской власти и мятежи, — новгородцы-то спокон веку славились буйным и непокорным нравом, да и варяги были, как известно, не лучше. В Новгороде о том должны бы остаться многие предания и записи. А где они? Я сам бывал в Новгороде, обшарил все старые монастыри и со всех, кои там хранятся, летописей и древних сказов, заказал сделать себе полные списки,[27]) — вон они лежат у меня на полках. Все это я прочел от первого слова до последнего и не единого случая там не сыскал. А всякие вечевые драки новгородцев промеж собою и даже мелкие их перекоры описаны вельми словообильно.

— "Есть, правда, в летописи о мятеже Вадима Храброго, но то была борьба за княжеский стол, а не народное возмущение против нурманской власти. Гораздое множество новгородцев взяло тогда сторону Рюрика, он легко одолел Вадима и казнил его смертию.

— "И вот еще несуразица: нурманы в ту пору письмо уже знали, как же могло случиться, что на Руси не осталось ни единой грамоты, ни единой строки, писанной их языком? Да что говорить о писаниях! — даже изустная речь новгородцев не вобрала в себя никакого нурманского слова. А ведь там, где два разноязычных народа тесно сожительствуют, беспременно в язык одного вплетаются словечки другого. Вот, к примеру, с татарами мы хотя и не перемешались, а все же слов татарских нахватали немало. Ныне уже мало кто и помнит, что такие всеобычные слова наши, как богатырь, хозяин, сундук, базар, кафтан, чертог, чердак, караул, зипун, армяк, чурбан, куча, канава, кусок, шатёр — все взяты нами от татар. Это я тебе назвал первые, какие на ум пришли, а коли поискать, так их наберуться многие сотни, а может и тысячи.

— "Орда от нас далеко и во вседневной жизни нашей мы с татарами не часто встречаемся, а всё же у

---

[27]) В старинном русском языке списками назывались копии.

нас почти каждый мужик хоть малую толику по-татарски знает и коли ему приспичит, он сумеет с татарином сговориться. Почему же так случилось, что новгородцы, посадивши к себе на шею целое варяжское племя, не заимели и не запомнили ни единого нурманского слова? — А только лишь потому, что эти пришельцы никакими нурманами не были и речь их была новгородцам столь же понятна, как и своя. Инако говоря, были они славянами.

— "Племя, пришедшее с Рюриком, наши летописцы называют русью. Однако такого племени ни в нурманских, ни в свейских землях николи не бывало. Жили там свеи, урмане, готы, даны и иные, но никакой русью отродясь и не пахло. А вот в древних румейских хартиях, которые я в Царьграде своими глазами видел, русами называют славян. Такое же говорят и арабские учнеые мужи, указуючи, что те славяне-русы еще задолго до Рюрика жили по нижнему Дону и по Волге. Статло быть, не из нурманских краев, а оттуда вышло племя русь, от которого получила свое имя и вся наша земля.

— "Вот и еще одно тому утверждение: в вифлиотеке ромейского василевса Андроника попалась мне древняя рукопись, писанная, как думают, епископом Захарием в Сирийской земле, лет еще за триста до жизни князя Рюрика[28]). Описывая известные ему народы, тот епископ повествует, будто меж Сурожским морем[29]) и рекою Доном жило племя женщин амазонок. Пишет он, что были они вельми храбры, лихо ездили на конях, а чтобы при стрельбе из лука не мешала им правая грудь, они ее с детства выжигали каленым железом. Жили те амазонки без мужчин, а для продолжения рода своего в положенные сроки ездили они общаться с соседним народом — русами, от которых имели потомство, из коего оставляли жить токмо девочек. Что до самих амазонок, может то и сказки, хотя нечто похожее, видать, было,

---

28) Это рукопись так называемого «псевдо-Захарии», написанная неизвестным сирийским автором в 555 году.

29) Сурожским морем в средние века называлось у нас Азовское.

ибо о них поминают многие ученые мужи древности. Ну, а про русов писавший никак не солгал, ибо после него и иные многие свидетельствуют, что русское племя обитало в тех же местах.

— Как же могло случиться, что Рюрик в Новгород из-за моря приплыл, ежели племя его жило близь реки Дона? — спросил Василий.

— О том скажу дале, а допрежь того хочу кончить с вымыслом о нурманах. В чем его корень? Ужели ошиблись наши первые летописцы? Я так спочачалу и подумал, а после, разобравшись в деле, уразумел, что получилось иное: люди, ныне живущие, их не стали истино понимать. Суть здесь в том, что с ходом времени слово "варяг" приняло инакий смысл. Ныне под этим разумеют токмо нурманов да свеев, а во времена онных предков наших варягами звали всех, чьи земли выходили к Варяжскому морю.[30]) Думается мне, что еще того раньше говорили не варяг, а "моряг", либо "моряга", что означало "человек с моря". Новгородские летописцы того времени именовали варягами не токмо нурманов и свеев, но тако же немцев, борусов, эстов, данов, поморских славян и даже англов. Коли желаешь в том убедиться, — вон, возьми у меня любую новгородскую летопись и погляди. Ну, а первый киевский летописец Нестор, тот и самих новгородцев, ничтоже сумняшися, сделал варягами.

— Ужели возможно? — усомнился Василий.

Вместо ответа, Юрий Ярославич поднялся с места, достал с полки объемистую тетрадь, сшитую из листов тонкого пергамента, и развернул ее на одной из первых страниц.

— Вот труд печерского черноризца Нестора, почитаемый основой наших познаний о прошлом Руси, называется он "Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская Земля". О призвании варяжских князей тут писано такое: "В год 6370[31]) реша новгородци: поищем собе князя иже бы володел нами и судил по пра-

---

[30]) Варяжским морем называлось тогда Балтийское.
[31]) По современному календарю год 862.

ву. И идоша за море к варягам, к руси. Те варязи бо звахуся русью, яко другие зовуться свеи, другие же урмане, англяне, готы, — тако и эти". Заметь себе, Василий Романович, Нестор говорит ясно: варягами звались многие народы, некую часть которых он тут, для примера, перечислил. И поелику он пишет, что русь это одно, а свеи и урмане другое, как можно было обратить русь в урманское племя?! Воистину для того надобна темнота либо дурость. Ну вот, а чуть пониже Нестор пишет: и от тех варягов прозвася Руская земля. Новгородци же, то люди от рода варяжска, а прежде беше словяне". Видишь: стоило только новгородцам призвать к себе заморских князей, как киевский летописец и их самих обратил в варягов! Разумеешь ли теперь, что варяг и нурман вовсе не одно и то же, и что варяжское племя русь поистине было славянским?

— Вестимо разумею, Юрий Ярославич! Спаси тебя Бог за то, что открыл ты мне столь давнюю истину. Поведай только, почто новгородцам так люб показался Рюрик? Или был он уже чем-либо прославлен?

— Изволь, расскажу и это. Давай только глотки промочим, — сказал князь, наливая гостю чашку душистого малинового меда. Себе он налил лишь малую стопку, ибо в еде и в питье был весьма умерен. — Токмо чтобы к тому подойти, придется мне начать издалече, с того, что было в наших землях задолго до Рюрика. Надо тебе сказать что киевский летописец Нестор вельми скупо повестил о нашей древности, либо ее не знал.[32]) Он лишь походя упомянул, что славянский народ пошел от рода иафетова, а засим, ничего не сказав о многих прошедших веках, сразу же перечислил, какие знал, славянские племена и где они обитали перед призванием варягов. Из старых киевских князей он помянул только Кия, братьев его Щека и Хорива, да се-

[32]) Первый русский историк В. Н. Татищев, современник Петра Великого открывший Иоакимовскую летопись, по-поводу этого пишет: «Нестор преподобный, по всему видно, что не очень учен был и потому недостаточно мог об истине судить. но за его доброхотный к отечеству труд вечной похвалы и благодарения достоин».

стру их Лыбедь. Самое же повествование свое ведет от первых князей рюриковичей.

— "В Новгороде было иное. Летописание там началось раньше, и первым летописцем новгородским был епископ Иоаким, муж ученый, который жил в одно время со святым Владимиром, крестителем Руси, сиречь лет за сто до Нестора. Он собрал купно и записал всё, что тогда ведомо было о славянах и о прошлом Новгородской земли. И коли верить ему, то народ славянский был еще до рождения Христа, и уже тогда имел своих князей, предков далеких новгородского Гостомысла.

— "Были, будто бы, в незапамятные времена два могучих князя, Славен и Скиф, братья родные, которые повоевали все земли по Дунаю и по берегу Понта, как называлось тогда Русское море.[33]) После того Скиф, со своим племенем, осел в Таврии и в землях промеж Днепром и Волгой, а Славен, оставивши на Дунае князем своего сына Бастарна, сам пошел на полночь и дойдя до берегов Варяжского моря и Ильмень-озера, поставил там великий город Славянск. Может то и есть Новгород, только я мыслю иное: Славянск, должно быть, позже сгорел либо вороги его разрушили, и на его месте, а то вблизи, выстроили славяне другой город, который потому и был назван Новым-городом. След того, повествует Иоаким, много сотен лет княжили там потомки Славена, имена коих уже забыты. Но лет за четыреста до Гостомысла сидел, будто, в Новгороде князь Вандал, из того же славного рода.

— "Вестимо, все эти старые сказы надобно понимать инако: не князья такие были, а народы: славяне, скифы, бастарны и вандалы или венедалы, коих тако же зовут венедами. Однако, то что пишет Иоаким далее уже похоже на истину: у Вандала было три сына, Избор, Столпосвет и Владимир, меж которыми отец поделил все свои земли. Но первые два невдолге умерли и Владимир остался единым князем этой земли. Женат он был на Адвинде, женщине варяжского рода, славной своею красою и мудростью. И вот, сдается мне, что бе-

[33]) Русским морем в ту пору называлось Черное море.

ря от этой княжеской четы, всему о чем дальше повествует Иоаким, уже можно верить.

— "По смерти Владимира, пишет он, княжили в Новгороде его потомки, из коих в девятом колене был Буривой, отец Гостомысла. Родился он не боле как за сто лет до призвания Рюрика и о его деяниях уже достоверно было известно Иоакиму. В княжение Буривоя нурманы почали непрестанно нападать на Новгородскую землю и вся его жизнь прошла в войнах с ними. По началу он побеждал и отгонял ворогов, но в конце претерпел от них поражение на реке Кимени, потерял все свое войско и бежал в землю карельской чуди, где невдолге и умер. Нурманы же овладели Новгородом и покорили себе славянский народ. Как я уже сказывал, побил их и прогнал за море Гостомысл. А на берегу, для заслону, построил крепкий город, котрый назвал Выбором, по имени старшего своего сына, павшего в битве на этом самом месте. [34])

— "Повествует Иоаким, что за доблесть, мудрость и правду свою Гостомысл был вельми любим новгородцами и столь же чтим соседями. Княжил он долго и коль скоро прогнал нурманов, во всей его земле настали мир и тишина. Кому же лучше знать истину: новгородскому ли епископу, по вромени стоявшему не столь далеко от тех событий, или же монаху Нестору, который два века спустя писал в далеком Киеве такое... — Князь полистал тетрадь и найдя нужное ему место прочел:

— "Изгнаша новгородци варягов за море и почаша сами собою володети. И не бе средь них правды, и встал род на род, и быша у них усобица великая, и почаша сами с собою воевати" ... Так вот, по Нестору выходит, что новгородцы решили призвать варяжских князей, чтобы те пресекли у них усобицы и дали порядок. А вот что говорит об этом призвании Иоаким, который вещает, что нималого беспорядка, ни усобиц в Новгороде не было:

— "У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья все поумирали и потомства не оставили, а до-

---

[34]) Нынешний город Выборг.

чери были выданы за соседних князей. И когда почуял Гостомысл близость смерти, стал он думать, кому передать княжение? Вестимо, он понимал, что если еще при жизни своей этого дела не урядит, — начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля.

— "И вот, когда размышлял он об этом, привиделся ему сон: будто из чрева средней его дочери Умилы выросло великое дерево, сенью своей покрывшее и плодами напитавшее всю славянскую землю. И волхвы, коих созвал Гостомысл, так ему растолковали этот вещий сон: надлежит княжить в Новгороде сыновьям Умилы, и потомство ее принесет славу и процветание славянскому народу. Вот тогда и послали новгородцы послов своих к варягам-руси, понеже за их князем была Умила... Так разумеешь теперь кого призвали новгородцы к себе на княжение? — Не нурманских князей, исконных врагов Руси, а внуков родных и наследников старого своего князя Гостомысла, род которого, через потомство Рюрика, и доселева правит Русью.

— Вельми дивно и славно всё, что поведал ты, Юрий Ярославич! — воскликнул восхищенный Василий. — Стало быть, род наш чуть не со времен Христа над славянами княжит!

— Наш род? — удивился князь Юрий. — А мне и невдомек было, что ты тоже рюрикова рода, Василий Романович.

— Да нет, Юрий Ярославич, что ты! — спохватился Василий. — Я хотел сказать: род князей наших, русских, а не мой. Сам же я роду невысокого... Ну, а другие внуки у Гостомысла были? — поспешил он направить разговор в прежнее русло.

— Сколь ведомо, был еще один, от старшей его дочери Пребраны, это и есть тот самый Вадим, по прозванию Храбрый, что тщился отнять у Рюрика новгородский стол. И не знаю, истино оно или нет, но слыхал я от одного старика в Новгороде, что святая Ольга, жена рюрикова сына Игоря, была дочерью Вадима.

— А сам Рюрик на ком был женат?

— Жен у него было несколько. Но матерью Игоря

была Ефанда, дочь урманского князя. Ее брат Олег княжил на Руси после Рюрика, поелику когда он умер, Игорь был еще малолеток.

— А о сынах Гостомысла осталась ли какая память?

— Старшего, как я тебе сказывал, звали Выбор. О других, почитай, ничего не ведомо. Но есть одно вероятие: в те самые годы жил на Руси некий князь Бравлин. Это был славный воин, о котором ведомо, что со своей дружиной спускался он по рекам в Русское море и воевал берега Ромейской державы. В Царьграде имя его помнят и в книгах у них записано, что однажды пограбил он большой ромейский город Амастриду и иные. Так вот, думается мне, что этот Бравлин был одним из сыновей Гостомысла.

— Столь дивно мне это, что я бы тебя без конца распытывал, Юрий Ярославич. Однако, надобно и честь знать, чай тебе время дорого. Еще мне поведай только — где же обитало во времена Гостомысла племя русь, допрежь чем пришло с Рюриком в Новгородскую землю?

— Народ русов, некогда живший близь Волги и Дона, еще задолго до Гостомысла поделился на многие племена, кои разбрелись в разные стороны. Те, что осели на Днепре и его притоках, стали зваться полянами, радимичами и вятичами, на полночь от них сели кривичи, на заход солнца — дулебы и дреговичи, но были и такие, что дошли до берегов Варяжского моря, где издавна обитало много иных славянских племен. Были тут полабы, бодричи, лужичи, лютичи, велетичи, кошубы, запеняне, хажаки и еще немало им сродных. Не токмо варяжское поморье, но и все земли по рекам Одрину и Лабе[35]) были тогда славянскими. Вот, погляди, — сказал князь, подводя Василия к одной из висевших на стене карт, — весь этот край был заселен славянами. Эвон сколько они тут городов настроили: Велиград, Зверин, Гомбор, Любица, Ростов, Ратибор, Свиноусьце, Ще-

[35]) Нынешние реки Одер и Эльба.

цин, Рюрик, Старгород, Колобрег, Весимир, Столпы, Гданск, Браний Бор, Берлынь...[36]) Это лишь важные, а мелких и не перечесть.

— "Если бы все эти народы-братья были едины, их не осилил бы никакой ворог. Но единства и дружбы промеж ними не было и потому их, всех порознь, повоевали немцы, — как и нас, по тому самому, повоевали татары. Наша доля горька, ну а им и того хуже. Коли мы исправно платим дань, татары нам не слишком докучают, немцы же, дабы очистить для себя чужие земли, истребляли там людей без жалости, а кто уцелел, тех обращали в рабство... Ну, да не о том сейчас речь. Гляди сюда, — снова указал он на карту: — видишь остров, что почти прилепился к берегу Поморья? Это Ругин, либо Руяна.[37]) Сюда-то и добралась малая часть русов, не забывшая своего древнего имени, — немцы их прозвали рутенами, а славяне зовут русинами, либо ругами.

— "Осели они тут крепко, были зело храбры, набрали силы и вскорости сделались первыми средь соседствующих с ними славянских племен. Выучившись мореходству, стали делать дерзкие морские набеги и собрали на своем острове несметные богатства. Как видишь, по повадкам спутать их с нурманскими викингами было немудрено, а верягами, как уже было говорено, в Новгороде звали и тех и этих, и многих еще.

— "Надобно еще сказать, что в делах веры эти русы стояли в голове всего славянского язычества и их стольный город Аркона был для славян то же, что для папистов Рим. Там зыждилось великое капище, в котором стоял золотой идол, с мечом в руке, бог войны Световит, особо чтимый во всех славянских землях. Дабы поклониться ему и послушать прорицания его жрецов, шли туда не только ближние славяне, но тако же чехи,

---

36) Немцы переименовали эти города соответственно в Мекленбург, Шверин, Гамбург, Любек, Росток, Ратцебург, Свинемюнде, Штетин, Рерих, Штаргард, Кольберг, Висмар, Штольп, Данциг, Бранденбург и Берлин.

37) Нынешний остров Рюген.

моравы, сербы, ляхи, дулебы и иные. И от того еще гораздо множились богатства острова Ругина.

— "Вот туда-то новгородцы и послали своих послов, ибо Дион, муж гостомысловой дочери Умилы, княжил над теми русами. Внявши их челобитию, он отпустил с ними своих сыновей Рюрика, Синеуса и Трувора с большой дружиной и с семьями тех дружинников. А что в Новгород выселилось всё их племя, это, вестимо, сказки, — ведь были они народом вельми множественным, да и почто им было покидать насиженное и столь удобное место? Оставаясь на своем острове, они еще долго держали в страхе всех соседей и одни из всех тамошних славян не поддались немцам. Только уже много позже, в те примерно годы, когда княжил на Руси Андрей Юрьевич Боголюбский, напали на них расплохом даны, пограбили все их богатства, разорили город Аркону и увезли золотого идола Световита. С того случая сила этих варягов-русов была уже не та, что прежде, однако приняв от данов христианскую веру и платя им дань, они еще полтора века держали на острове свое государство и правили там свои князья. И лишь вот теперь, в наши дни, покорили их немцы.[38]) Вот тебе и весь сказ.

— Прими великую благодарность мою, Юрий Ярославич, за всё то новое, что ты мне поведал, — с чувством промолвил Василий. — Всегда хотелось мне поболе узнать о нашей старине, да негде и неоткого было. Разве ныне человека с твоими познаниями часто встретишь! Воистину исполать тебе, княже! Ужели же ты не запишешь все это для памяти и науки потомству нашему?

— Записал я и это, и еще многое, что с помощью Божьей довелось мне узнать. Сумнительно только, что писания мои дойдут до далекого потомства. Сам ведаешь в какое время мы живем. Вот хотя бы Муром наш три раза дотла был выжжен за последние сто лет, и еще

---

[38]) В 1325 году остров Ругин, с его славянскими обитателями, был присоединен к германской провинции Померании (бывшее славянское Поморье).

не раз его выжгут. Доколе не сбросим мы татарского ярма и не поставим на Руси единого, крепкого хозяина, который положит конец усобицам, — нет и не будет на всей нашей земле тихого и надежного угла.

— То истина, княже! Только сдается мне, что не за горами уже тот светлый час, когда отчизна наша будет единой и свободной!

ГЛАВА 37

Где черт сам не сладит, туда бабу пошлет.
Русская народная поговорка.

Всё утро следующего дня Василий посвятил осмотру муромских укреплений. Но мысли его были рассеянны и он с трудом дождался обеда.

В трапезной ему и словом не удалось перемолвится с княжной. Казалось, она избегала его и за столом даже ни разу не взглянула в его сторону. Эта нарочитая холодность, несомненно, обескуражила бы человека плохо разбирающегося в особенностях женской души, но Василий, правильно разгадавший состояние девушки, только улыбнулся.

— "Ну, боярин Снежин, кажись, твоя берёт, — подумал он: — не иначе как Ольга загодя тщится себя укрепить, боясь что ослабнет при встрече нашей в саду".

Через полчаса после того, как закончился обед и все разошлись отдыхать по своим горницам, Василий спустился в сад. Почти безотчетно он направился прямо к тому месту, откуда смотрел вчера на Оку и еще издали увидел Ольгу. Она сидела на той же скамейке, в тени густого дерева, устремив взор на расстилавшиеся за рекою лесные дали. В нескольких шагах от неё, на траве расположились две девушки, казалось, всецело поглощенные вышиванием.

— Любуешься рекою, княжна? — спросил Василий, бесшумно приблизившись сбоку. — Я тоже вчера глядел отсюда на всю эту благость и наглядеться не мог.

При звуке его голоса Ольга вздрогнула от неожиданности и вся кровь внезапно сбежала с ее лица.

— Ах, это ты, Василий Романович! — воскликнула она, быстро оборачиваясь. — Как испугал ты меня!

— Ужели я столь страховиден?

— Не то, боярин... Уж больно неслышно ты подошел.

— Прости, Ольга Юрьевна. Залюбовался тобою издали и подходил тихо, как к святыне подходят.

— Не кощунствуй, Василий Романович, — тихо сказала Ольга, потупив глаза. Нежные краски снова заиграли на ее лице.

— Я не кощунствую, Ольга Юрьевна. Ужели есть грех в том, чтобы воздать смиренное поклонение лучшему из творений Божьих?

Княжна сделала слабую попытку принять строгий и неприступный вид, но вместо этого лицо ее отразило беспомощность и смятение. Не сводивший с нее глаз Василий почувствовал, что она и желает и страшится того, что он и дальше поведет разговор в этом направлении. Но всё же он счел за лучшее пока ограничиться этим и потому, не ожидая ответа Ольги, добавил:

— Однако, о чем же ты желала распытать меня?

— Я чаю, тебе, Василий Романович, Карачевская земля добре водома? — не сразу ответила княжна, с усилием выводя свою мысль из овладевшего ею сладкого оцепенения.

— Вестимо, ведома, Ольга Юрьевна! Ведь я в ней родился и всю жизнь свою прожил. Спрашивай, — всё что пожелаешь тебе расскажу.

— О многом мне знать хочется... Сам разумеешь, боярин, ведь я Юрия Ярославича дочка, — промолвила Ольга с улыбкой, от которой Василия бросило в жар. — Только батюшку больше минувшее влечет, а мне любо нынешнее. Поездить по Руси и повидать всё своими глазами, мне моя женская доля не позволит, ну, вот и расспрашиваю обо всём заезжих людей... Обскажи мне, к примеру, — каков собой город Карачев и какие есть еще города в вашей земле?

В течение десяти или пятнадцати минут Василий честно описывал Ольге Карачев и иные города своего княжества, не вдаваясь, впрочем, в излишние подробности,

ибо он хорошо понимал, что они, в сущности, мало интересуют его собеседницу и что этот вопрос служит только подходом к тому, что интересует её в действительности.

— А какие князья княжили в Карачеве допрежь Василия Пантелеевича, и кто у него есть из живых сродственников? — спросила Ольга, успевшая придумать этот второй вопрос, пока Василий отвечал ей на первый.

Василий ответил и на это, перечислив всех членов своего рода, начиная с Мстислава Михайловича, в нескольких словах охарактеризовал каждого из них и указал — кто где княжил или княжит.

— Ну, а нынешний князь ваш, — помолчав спросила Ольга, — он как? Сказывали у нас, что народ его крепко любит и что князь он хороший. Истинно ли это?

Василий не сразу ответил. Расхваливать себя, даже находясь под чужой личиной, ему было неловко. Хулить тоже не годилось, ибо это, прежде всего, снизило бы в его собственных глазах значение той победы, которую он, как боярин Снежин, хотел одержать над князем Карачевским. Поэтому он ответил:

— Народ его, кажись и впрямь любит. А оправдает он ту любовь народную или нет, покуда сказать трудно: ведь он еще и года не прокняжил.

— А тебе самому как мнится: умён Василий Пантелеевич? Видна ли в нем мудрость и сила истинного правителя?

— Экие ты вопросы задаешь мне, княжна! — с еле скрытой досадой ответил Василий. — Одно могу сказать: видать, что старается он княжить разумно и по справедливости, а что с того получится, только Богу ведомо. Особой же какой мудрости я в нашем князе не приметил. Князь как князь, и только!

— Почто же тогда брянский народ его к себе на княжение зовет? Чай ты об этом слыхал? Ведь плохого князя никто звать не станет.

— Да кто тебе говорит, что он плох? Вот нынешний брянский князь, Глеб Святославич, тот и вправду

плох. Что же тут диковинного, что брянцы на его место зовут кого ни есть иного?

— По всему видать, боярин, не слишком ты жалуешь князя Василия Пантелеевича, — помолчав сказала Ольга. — Почто так?

— Не то, Ольга Юрьевна. Ты пойми: я в Карачевском княжестве воевода, человек ратный и только. Мое дело дружина да война. В хитростях же управления, устройства земли и прочих, — что я смыслю, чтобы своего государя судить?

— Ладно, Василий Романович, коли так, поведай мне о том, что тебе, как воеводе, виднее чем кому иному: силён ли ваш князь в ратном деле? Мыслишь ли ты, что из него будет добрый полководец?

— Ну, что я тебе на это скажу, коли я его в большом деле не видел? — с неудовольствием ответил Василий. — Ведь, почитай, с самого его рождения у Карачевского княжества ни с кем настоящей войны не было. Да и что он так тебе дался, Ольга Юрьеваа? Нешто ты с ним воевать собираешься?

— Ты вот шутишь, боярин. А коли хочешь, я тебе скажу к чему все мои расспросы: вижу я, что судьба открывает перед князем Василием Пантелеевичем великие возможности. И любопытно мне знать, — таков ли он человек, чтобы тех возможностей не упустить?

— Какие же такие возможности? — спросил заинтересованный Василий.

— Вот хотят его брянцы к себе на княжение. Коли он сумеет с Глебом Святославичем сладить, — в его руках уже будут два немалые княжества. С такою силой, да еще при любви и поддержке народной, ему, ежели он не оплошает, не столь уж трудно было бы тако же завладеть Новосильским и Тарусским княжествами. А соединив под своею рукой все земли, коими владел его великий прадед, Михаил Всеволодович, — он и с Москвой потягаться сможет! — вся раскрасневшись, почти восторженно добавила Ольга.

— "Так вот оно что! — подумал пораженный Василий. — Теперь-то я раскусил тебя, Ольга Юрьевна! Через Василия Пантелеевича мнишь ты сделаться вели-

кой княгиней Черниговской, а может и государыней веся Руни! Вот тебе и тихоня муромская!“

— А помыслила ли ты, княжна, — сухо сказал он после довольно продолжительного молчания, — сколько крови русской надобно будет Василию Пантелеевичу пролить, чтобы того достигнуть?

— Кровь и так спокон веков по всей земле нашей льется, боярин. Уж лучше её одним разом пролить хотя и много, но с пользою для всей Руси.

— Стало быть, по твоему, всякий князь, который из маленьких хочет вырасти в большие, льет кровь с пользою для Руси? С такою пользою досе лили её князья тверские, московские, рязанские и еще многие. А ныне, значит и карачевские должны лить?

— Эх, боярин, вижу не разумеешь ты меня. Ну, оставим это... Поведай мне лучше, каков собою Василий Пантелеевич?

— "Ну, погоди, — с веселым злорадством подумал Василий, — сейчас я тебе распишу твоего суженного! Коли он тебе лишь для возвеличения твоего надобен, всё одно ты ему это простишьь“.

— Собою Василий Пантелеевич не плох, — сказал он вслух. — Ростом невысок, черняв. Хотя немного и колченог, но статен... Только вот последнее время брюхо у него стало сильно выпирать. Ну, да ведь будущий великий князь Черниговский должон быть дородным. Плешь у него тоже к тому случаю готова. А так, коли не считать того, что он малость косит на один глаз, — мужчина он видный.

— Не может того быть, боярин! — воскликнула Ольга. — Нам люди сказывали, что собой Василий Пантелеевич вельми пригож, а ты его эдаким уродом представил!

— Что ты, Ольга Юрьевна! И я говорю, что он пригож. Брюхо и плешь человека не портят, особливо большого князя! К тому же их, может, еще и не было когда твои люди Василия Пантелеевича видели. Нешто я тебе сказал, что он с малолетства брюхат и плешив? Ну, а бородавку, что у него на носу, в крайности ведь и срезать недолго.

— Еще и бородавка на носу! — с ужасом воскликнула Ольга.

— Что ж с того, что бородавка? Бывает и похуже. А чтобы рубца на носу не осталось, её можно и не срезая вывести: стоит лишь каждый день мазать нос утиным помётом и через полгода она сама отпадёт.

— Замолчи, боярин! Не хочу я этого слушать!

— Воля твоя, княжна. Ты меня спросила каков есть Василий Пантелеевич и я тебе ответил. Худого я ничего не сказал и лгать на другого не стал бы, особливо на своего князя.

Снова последовала длинная пауза, в продолжении которой Ольга Юрьевна, подавленная словами собеседника, мысленно осваивала нарисованный ей портрет карачевского князя, а Василий, глядя на неё, наслаждался плодами своей выдумки. Придя, наконец, к мысли, что в мужчине красота не самое важное, да боярин, быть может, слегка и прилгнул, — Ольга спросила:

— А что скажешь ты касаемо слухов, которые ныне идут из Карачева? Знаю, ты им не слишком веришь, но всё же, как мнится тебе: могло ли и впрямь такое приключиться?

— Оно-то могло, — подумав ответил Василий. — Князь Андрей Звенигородский человек пакостный, да и Тит Мстиславич завистлив. К тому же, ходить по воле братанича им обидно. И ежели бы им представился случай от него отделаться, они бы не долго раздумывали.

— Коли так, почто же ты сумневаешься в том, что ныне говорят?

— Да уж больно тихо было в нашей земле, как я ее покидал. А когда такие дела вызревают, в самом воздухе чуется что-то неладное. Есть и другое: Василий Пантелеевич своим дядьям не дуже доверяет и мнится мне, столь легко не дался бы в западню.

— Ну, а всё же, коли оплошал он и заманили его?

— Тогда могло окончиться так, как люди сказывают. Василий Пантелеевич человек горячий и когда осерчает, — хоть кого может в куски посечь. Живым бы он им в руки не дался.

— И что же теперь будет, коли всё так случилось?

— Да ничего не будет. Съездить Василий Пантелеевич в Орду, оправдается перед ханом и дело с концом. Ведь правда-то на его стороне.

— Значит, мыслишь ты, что стола своего он не потеряет?

— Вестимо, нет! Хан еще и обласкает его за то, что был крут и смуты в своей земле не допустил. Для Узбека тот князь и хорош, который своих удельных умеет в страхе держать. А голов русских нешто ему жалко?

— Думаю, в этом ты прав, боярин. Тако же и я мыслю, — задумчиво промолвила Ольга. — Ну, однако мне домой пора. Спаси тебя Бог, за всё, что ты мне поведал.

— Рад, коли угодил тебе, княжна. Стало быть, на этом кончился наш первый разговор. А второй когда же?

— Али ты уже перестал торопиться в Вятскую землю? — спросила Ольга, поднимая на Василия искрящиеся улыбкой глаза.

— Ехать-то мне нужно, Ольга Юрьевна... но ведь надобно колодой быть, а не человеком, чтобы с легким сердцем покинуть места, где тебя хоть издали увидеть можно. К тому же я тебе обещал остаться на два либо три разговора.

— Ну, коли для пользы твоей надобно, то обещание я тебе могу и вернуть.

— Али не хочешь ни о чем более меня выспросить?

— Да будто уже и не о чем.

— Ништо, княжна. Я и сам нашел бы, что тебе рассказать.

— А занятно будет?

— Да уж постараюсь...

— Ну, коли так, завтра, в этот же час, приходи сюда снова. А покуда прощай, боярин.

— До завтра, Ольга Юрьевна. Храни тебя Господь!

ГЛАВА 38

«А увидит муж, что непорядливо у жены, ино умел бы жену наказывати и учити всяким рассуждением... А коли вина велика, и за ослушание и небрежение ино снять рубашку и плёткой вежливенько бити, по вине смотря».

Домострой, 16 в.

Прошла неделя, а Василий всё еще сидел в Муроме и, казалось, менее всего помышлял об отъезде. Напрасно Никита всё чаще и настойчивее напоминал ему о необходимости торопиться, — он лишь досадливо отмахивался и отвечал, что за Каменным Поясом они еще успеют насидеться вдоволь, а Руси, быть может, больше никогда не увидят.

Свидания его с княжной продолжались ежедневно и вскоре для обоих превратились в некую, неосознанную умом потребность. Когда Ольга немного привыкла к Василию и поборола свою застенчивость, — перед ним открылась женщина, не только красивая и обаятельная, но и далеко не глупая, вдумчивая, любознательная и глубоко тяготящаяся своей женской долей, которая грозила навсегда замкнуть ее в круг обыденной и скучной хоромной жизни.

Взглянув на это ее глазами, Василий теперь находил некоторое оправдание даже ее честолюбивым вожделениям, которые так неприятно поразили его при первом их разговоре. "Видать, не столько она гонится за богатством и честью, сколь хочется ей жизнь настоящую изведать, — думал он, с каждым днем все боль-

ше теряя от княжны голову. — И то не диво, что покуда сердце у нее спит, помыслы только к тому и тянутся. А вот полюбит, и перестанет блажить".

Для Ольги Василий, с его увлекательными рассказами, явился как бы провозвестником той широкой и полной впечатлениями жизни, к которой её неудержимо влекло. Она уверяла себя, что встреча их случайна и мимолётна, а если голос сердца иной раз и нашептывал ей другое, — она подавляла его велениями разума.

Что дал бы ей брак с бояриным Снежиным, если бы даже отец, паче чаянья, на него согласился? — Вместо затерянного в лесах Мурома, жизнь в совсем уж безвестном Мосальске, который, по описаниям Василия и на город-то не похож; вместо унылого прозябания в хоромах отца, — из которых есть всё-таки надежда вырваться при помощи удачного замужества, — совсем уж безнадежное прозябание в хоромах помещика мужа! Такой шаг означал бы крушение всех её жизненных планов, но всё же, несмотря на трезвые доводы рассудка, её с каждым днем сильнее влекло к этому красивому, сильному и интересному человеку, быть может не случайно приведенному судьбой на глухую лесную поляну, где ей в эту минуту угрожало бесчестие или смерть... Ольга хорошо понимала, что надо прекратить эти волнующие встречи и заставить Василия уехать, но с каждым новым днем у нее оставалось на это всё меньше решимости.

Если бы Василий был настойчивее, в их отношениях всё бы уже определилось. Но он медлил, ибо сам запутался в создавшейся обстановке и не знал на что решиться. Действовать так, как он действовал бы при обычных обстоятельствах, мешали полная неопределенность его положения, необходимость скорого отъезда и принятое им чужое имя. Самым правильным было бы попрощаться и уехать,но Василий для этого уже не находил в себе достаточно сил.

Глядя на него, Никита всё больше и больше хмурился. Наконец, не выдержал и пошел напролом.

— Ты что же, Василий Пантелеевич, — сказал он, —

мыслишь в Муроме сидеть доколе нас татары схватят и отвезут к Узбеку?

— Небось, успеем уйти, — буркнул Василий.

— Сегодня успеем, завтра успеем, а там, гляди, досидимся до того, что и не успеем. Будь то в иное время, разве бы я тебе посмел перечить? А сейчас, не обессудь, скажу прямо: не о бабах нам надобно думать, а о спасении твоей жизни. Мне она сестрою твоей и всем народом нашим поручена.

— О каких бабах ты говоришь? — круто повернулся к нему Василий.

— Э, брось, Василий Пантелеич! Ты что думаешь, я слепой либо махонький? Не для бороды же князя Юрия Ярославича ты к Мурому прирос!

Ничего не ответив, Василий нервно зашагал из угла в угол по горнице. Затем внезапно остановился перед Никитой и сказал:

— Эх, Никита! Сам я не пойму, что со мною творится. Присушила она меня, — день и ночь только о ней и думаю.

— Всё это ладно, когда смерть за плечами не стоит. А ныне нам о другом надобно помышлять.

— Не могу я отсель уехать, доколе с Ольгою у меня не решится.

— Воля твоя, князь, но никак я в толк не возьму: чего ты ждешь от нее? Нешто хочешь жениться и тащить ее с нами за Каменный Пояс?

— Сам я не ведаю, чего жду. Но вот не могу от неё уехать и всё! Говорю тебе, — присушила она меня!

— Эх, Василий Пантелеич! Нешто ты впервой к бабе присыхаешь? Возьми себя в руки. Не первая она и не последняя.

— Это другое, Никита. Тебе ведомо: еще и не зная Ольги, я её своею нареченной считал. А теперь, вдобавок, узнал и вовсе покой потерял... — и Василий снова стремительно зашагал по горнице.

— Коли так, — промолвил Никита после довольно долгого раздумия, — чего тут еще мудровать? Открой ей своё истинное имя и обручись с нею. Ежели она тебя и впрямь любит, — подождёт, сколько потребуется.

— Ну нет, шалишь! — с живостью воскликнул Василий, переставая ходить и садясь на лавку. — Пусть меня под простой личиной полюбит! За князя она, небось, пойдет хоть за пузатого да кривого, еще и с бородавкой на носу. В эдакой любви мне проку и чести мало. Хочу чтобы она меня полюбила, кто я ни есть. Меня, разумеешь, меня, а не карачевского князя во мне!

— Эко ты закрутил, Василий Пантелеич! — изумился Никита. — Что за пузатый да кривой князь? На чьем носу бородавка? Ты гляди, как бы и впрямь через неё здоровья не лишился.

Когда Василий передал содержание своего первого разговора с Ольгой, Никита не удержался от смеха.

— Не пожалел ты себя, Василий Пантелеич, — промолвил он. — Однако от всего этого дело твое еще хуже запуталось, а время наше не терпит. Послушай моего совета: оставь всё как оно есть, простись с княжной да и поедем. После когда-либо сведаем, кто Ольге Юрьевне чаще снился: пузатый ли князь Карачевский или ладный боярин Снежин.

— Не могу я уехать не объяснившись с нею!

— Коли так, объясняйся, только не медли. Ты сам помысли: ведь здесь тебя всякий час кто-либо опознать может.

— Ладно, ныне же с тем будет покончено, — решившись сказал Василий, — а завтра либо в путь, либо...

— Вот еще какое-то "либо" у тебя на уме, — промолвил Никита, так и не дождавшись окончания фразы Василия. — Для Бога, Василий Пантелеич, хоть сам-то ты ведаешь чего хочешь и что еще делать сбираешься?

— Сегодня я буду знать — люб ей боярин Снежин и согласна ли она идти за него... Коли будет согласна, открою ей кто я таков, а коли нет, — из сердца её долой!

***

Когда в обычный час Василий подходил к полюбившейся им скамейке, там уже сидела Ольга и он с радостью отметил, что впервые она была одна. Веселые

голоса девушек, всегда ее сопровождавших, слышались в густом малиннике, внизу, на склоне к Оке.

Вид у Ольги был грустный и усталый. Когда Василий подошел и поздоровался, на секунду лицо ее оживилось и в глазах промелькнула радость. Но сейчас же они приняли прежнее печальное выражение.

— Что ты невесела сегодня, княжна? — спросил Василий, садясь на скамейку рядом с нею. — Али у тебя какая кручина на сердце?

— Так, пустое, Василий Романович... Глядела я сейчас на реку и почему-то о зиме мне подумалось. Скорбно у нас тут зимой. Подкрадется она из лесов, холодная как смерть и накроет своим белым саваном всё живое... Засыплет наш Муром снегом по самые крыши, непроезжими станут дороги, оледенеет река... Выйдешь иной раз сюда, на обрыв, поглядишь вокруг и почудится, будто никого больше не осталось на целом свете...

— Почто думать об этом, Ольга Юрьевна? И в зиме тоже своя краса есть. Да и когда она придет-то еще! Мне вот хуже: твою печаль лишь зима несёт, а мою — завтрашний день.

— Что так, боярин?

— Уезжать мне надобно, Ольга Юрьевна.

— Уже завтра? — вырвалось у Ольги. — Какая же тебе в том печаль? — добавила она после паузы и голос её дрогнул. — Ты ведь и заезжать-то в Муром не хотел.

— Не хотел, да вот на гóре себе заехал. И теперь душу свою здесь оставить повинен...

Ольга не отозвалась ни звуком, ни движением. Замолчал и Василий. Несколько минут они сидели неподвижно, глядя в землю. Вокруг стояла цепенящая тишина, даже голосá девушек в малиннике теперь смолкли.

— Неужто мы так и расстанемся? — вдруг воскликнул Василий, порывисто оборачиваясь к Ольге. — Расстанемся как чужие, чтобы николи больше не встретиться? Ольга Юрьевна! Молви хоть слово!

Княжна молча подняла голову и взглянула ему пря-

мо в глаза таким взглядом, в значении которого трудно было ошибиться. Чувствуя, что всё существо его наливается светом и радостью, Василий безотчетно обнял девушку и привлек к себе. Она не противилась, не отвела губ от встречи с его губами, и на мгновение он явственно ощутил у себя на груди бурное биение её сердца. Но когда он стал покрывать быстрыми, обжигающими поцелуями её лицо и глаза, она вдруг резко высвободилась из его объятий и отодвинувшись на край скамейки, закрыла руками пылающее лицо.

— Забудь минутную слабость мою, Василий Романович, — через несколько секунд глухо вымолвила она. — Сама не пойму, что это со мною содеялось...

— Забыть! — воскликнул Василий. — Ты хочешь, чтобы забыл я благословенный миг, когда мне почудилось, будто ангелы Божьи подняли меня над землею на своих серебряных крыльях! Клянусь тебе, что ежели бы я три жизни мог прожить, вместо одной, и тогда не забыл бы этого! Ольга! Что хочешь говори теперь, но правду я знаю: ты любишь меня!

— Может и люблю, Василий Романович... не знаю, — промолвила Ольга, не отнимая ладоней от лица. — Но это всё едино: промеж нас ничего такого быть не должно.

— Но почему, ежели мы друг другу любы и оба свободны? Что препятствует тебе стать женою моей? Не столь уж мало княжен русских за бояр выходит.

— Допрежь всего, родитель мой на это николи не даст своего благословения.

— Это ты на меня оставь. Коли хочешь, поклянусь тебе, что его уговорить сумею. Послушай, Ольга Юрьевна, я тебе всё скажу: мы, Снежины, не вельми знатного, но старого и честного роду. Боярство свое добыл я не родовитостью предков, а острою саблей и верною службой родной земле. Богатств больших у меня тоже нет, но вотчина моя достаточна, чтобы жила ты со мною не хуже чем ныне живешь. И ежели истинно люб я тебе, — не вижу почто не могла бы ты за меня пойти?

— Не томи меня, Василий Романович, без пользы это, ибо женою твоей мне никогда не быть. А почто, — того открыть не могу...

— Ну, коли ты не можешь, я могу, — сказал Василий, самолюбие которого было глубоко задето: — ждёшь сватовства от карачевского князя? Я-то к нему слишком близко стою, чтобы о том не знать. И тебе нужды мало, что ни ты ему, ни он тебе не люб, что за целый год он даже не удосужился приехать на тебя глянуть? Стало быть, важно лишь то, чтобы был он большим князем и мог бы повоевать Черниговские земли, дабы русскою кровью твою гордыню напоить?

Пока Василий говорил это, Ольга, в лице которой теперь не оставалось ни кровинки, не сводила с него горящих негодованием глаз. Оскорбленная гордость затуманила ее рассудок.

— Вижу, ты многое знаешь, боярин, — надменно сказала она, когда он кончил. — Ну, что же, тем лучше.

Авось так ты скорее уразумеешь, что княжна Муромская тебе не пара.

— Это твое последнее слово, княжна? — раздельно спросил Василий, поднимаясь со скамьи.

— Да, боярин. И ежели оно сказалось жёстче чем я того желала, в том вини лишь себя.

— Дóбро, Ольга Юрьевна! На том и покончим. Но только вот что я тебе напоследки скажу: не бывать тебе и за князем Василием Пантелеевичем! Я его добре знаю. Он тоже от тебя истинной любви захочет, а не единой лишь корысти. И ты его не обманешь! Ну, а теперь прощай навек, — и поклонившись преувеличенно низко, Василий, с бурею в душе, но внешне спокойный, покинул княжну.

***

Сославшись на недомогание, Ольга не вышла ни к ужину, ни к раннему завтраку на следующий день. Когда обеспокоенный этим князь Юрий Ярославич, часов в девять утра вошел в опочивальню дочери, он сразу увидел, что она и впрямь нездорова: лицо её было бледно, глаза красны от слёз.

— Что это с тобою, дочка? — участливо спросил он.

— Занеможилось мне с вечера, батюшка, — слабым голосом ответила Ольга, — но сейчас уже, будто, полегчало...

— Ну, гляди. А то, может, знахаря к тебе прислать?

— Не стоит, батюшка... Само пройдет.

Юрий Ярославич прошелся по светлице, с минуту поглядел в открытое окно на убегающую вдаль Оку, затем повернулся и пристально глядя на дочь, сказал:

— Сегодня с зарею уехал гость наш, Василий Романович. Наказывал тебе поклон передать.

— Уехал... — еле слышно прошептала Ольга. К глазам её подступили слёзы и только лишь величайшим напряжением всех душевных сил она не дала им воли.

— Слушай, Ольга, — строго сказал Юрий Ярославич, подходя к самой постели дочери, — по всему видать, что у него с тобой был какой-то разговор. Оттуда и нюни твои, да и он со вчерашнего дня был явно не в себе. Сказывай начистоту, что промеж вас произошло?

— Ничего не было, батюшка, — пробормотала Ольга, пряча лицо в подушки.

— Не лги. Ольга! Я тебя насквозь вижу. И дело это поважнее нежели ты думаешь!

— Просил боярин моей руки, — сквозь слёзы вымолвила княжна.

— Ну и что? Видать, ты ему отказала?

— Отказала, батюшка...

— Вот и слава Господу! Почто же убиваться теперь, ежели он тебе не люб?

— Люб он мне, батюшка! Ой, как люб! — с отчаяньем воскликнула Ольга, давая волю рыданиям, давно уже рвавшимся из ее груди.

— Что-то я этого в толк не возьму: ведь ты же ему по своей доброй воле отказала?

Ольга ничего не ответила, только зарыдала еще сильней. Глядя на неё с отеческой нежностью, Юрий Ярославич с минуту постоял молча, как бы что-то обдумывая. Потом сказал:

— Ужели же, прося руки твоей, он не открыл тебе своё истинное имя?

— Своё истинное имя? — воскликнула Ольга, внезапно обрывая рыдания и чувствуя как всё существо её наливается леденящим страхом. — Нешто он не боярин Снежин?

— Нет, дочка. Это был сам карачевский князь Василий Пантелеевич. Я сразу же это уподозрил, а после мне и слуги сказывали, что оставаясь наедине, стремянной Никита величал его князем, либо Василием Пантелеевичем. И я рад, что Господь вразумил тебя отказать ему, ибо сделать это мне было бы не столь ловко. Родниться же с изгоем нам не пристало: хан Узбек карачевский стол отдал князю Титу Мстиславичу Козельскому, а сам Василий бежит теперь от ханского гнева не ведаю куда...

Юрий Ярославич хотел добавить что-то еще, но внезапно остановился, пораженный наступившей в горнице тишиной. Последних слов его Ольга уже не слышала, ибо находилась в глубоком обмороке.

ГЛАВА 39.

«Князь добрый и мудрый Костантин Васильевич Суждальский княжил пятнадесять лет, честно и грозно бороня отчизну свою от сильных князей и от татар».

Суздальская летопись.

По выезде из Мурома, Василий и Никита решили, пользуясь хорошей погодой, продвинуться вперед как можно быстрей, чтобы наверстать потерянную неделю. Для сокращения пути, они, вопреки первоначальному намерению, поехали не по стародубской дороге, а вниз по левому берегу Оки, а затем лесом на Гороховец, стоящий на реке Клязьме, уже в пределах Суздальского княжества. От Мурома до него было верст восемьдесят и путники добрались туда еще засветло. Город, неоднократно пострадавший от татар и от княжеских усобиц, был мал и невзрачен, но обнесен крепким дубовым тыном, видимо обновленным совсем недавно.

Переночевав в Гороховце, по совету хозяина постоялого двора, они пустились отсюда прямой лесной дорогой к Волге, и оставив в стороне Нижний Новгород, к вечеру без всяких приключений прибыли в Городец, который находился уже по ту сторону великой русской реки.

Василий, в душе которого еще кипела горечь, всю дорогу был зол и сумрачен. Мысленно он уверял себя, что Ольга не стоит того, чтобы принимать всё происшедшее близко к сердцу, или старался, не думая о ней, быть веселым и беспечным. Но не проходило много времени, как перед ним снова вставал волнующий образ муром-

ской княжны и тогда, внезапно оборвав начатый со спутниками разговор, он принимался нахлестывать своего жеребца, как бы стараясь ускакать от наваждения.

Едва они в Городце устроились на постоялом дворе, Никита, чтобы отвлечь Василия от мрачных мыслей, предложил идти на Волгу, купаться.

— Что же, пойдем, коли хочешь, — безразлично промолвил Василий, поглощенный своими невесёлыми думами.

Выйдя на берег и отыскав песчаную отмель, они разделись и бросились в прохладную воду. После целого дня езды по августовской жаре, купание было истинным наслаждением и они долго плавали и ныряли, гоняясь друг за другом и резвясь как дети. Повеселел даже Василий.

Выбравшись, наконец, из воды, они растянулись на песке и несколько минут пролежали молча. Но Лаврушка, давно ждавший случая кое о чём расспросить князя и опасавшийся, что он снова впадёт в мрачное настроение, вскорости нарушил молчание:

— Дозволь, батюшка князь, спросить тебя о чем-то

— Ну, спрашивай, — благодушно ответил Василий.

— Вот поглядел я сегодня на энтот Городец: город, будто, невелик, а укреплён гораздо. И стены так поставлены, как ноне уже не ставят. Кто же это его строил и укреплял?

— Тут спокон веку был городок Радилов, должно быть поставленный еще первыми славянами, вятичами, — ответил Василий. — Достался он потом влади-

мирским князьям, которые его изрядно укрепили против мордвы и булгар. С того времени он и прозывается Городцом Волжским.

— А ведь были же в Городце и свои князья?

— Были. Лет более ста назад, великий князь Всеволод, прозванный Большим Гнездом, отдал Городец в удел сыну своему Юрию, который воевал отсюда мордву. Далее здесь княжили потомки того Юрия и не было, кажись, на всей Руси князей пакостнее городецких. Они уже не с мордвой воевали, а со своими же братьями, не единожды наводили на Русь татар и у всех торчали как чирей на носу, покуда Городец не отошел к суздальскому князю.

— А Нижний Новгород давно ли выстроен?

— Нет, Нижний из молодых городов. Лет за сотню до наших дней, поставил его тот же князь Юрий Всеволодович, против мордвы. Не прешло, однако и десяти лет, как мордовцы разорили его начисто. Снова его отстроил Юрий Всеволодович и укрепил уже на совесть. Потом, когда Батый порушил почти все русские города, Нижний Новгород он почему-то пощадил. Хорошо пошла в нём и торговля: город стоит на двух великих реках и товары туда идут со всей Руси, с Орды и из Болгар. По сим причинам Нижний ныне разросся и далеко обогнал все соседние города.

— Кто же в нем княжит?

— Сперва он, как и Городец, был уделом Владимирского княжества, потом перешел к суздальским князьям. А в последние годы наложила на него лапу Москва и ныне сидит там сын Ивана Калиты, Симеон. Только, видать, суздальский князь Константин Васильевич его оттуда выживет.

— Нешто столь силён этот князь?

— Он-то силён, да не столь ратью, как разумом своим. Нет ныне на целой Руси второго столь мудрого и доброго князя. Вот, к примеру, все князья, которые до него тут сидели, только и знали, что воевать с мордвой и через то не было всему этому краю от мордвы никакого житья. Константин же Васильевич сумел с мордов-

цами так поладить, что теперь они ему первые друзья. Не только они его владений нипочем не тревожат, но еще и русских поселенцев стали допускать на свои исконные земли. Пользуясь тем, Константин Васильевич испоместил среди мордвы уже многие тысячи русских людей. И кто бы тому мог поверить: живут по добрососедски, роднятся друг с другом и мордва здесь быстро обрусевает. А в иных местах, в Муроме, к примеру, что делается, — чай ты сам видел.

— Пошто же этот князь своих-то людей в чужих землях селит? Другие норовят людишек-то, откуда ни есть, к себе пригорнуть.

— Вот потому и селит, что умён: знает, что эти земли, коли он их обрусит, безо всякого кровопролития ему достанутся, вместе со всеми людьми. А смердами он богат: переселенцы валят к нему со всех сторон, ибо нигде их не принимают так, как тут. Князь Константин дает им земли на выбор, — где душа твоя пожелает, там и садись, — только паши и сей! На многие годы он ослобоняет новосёлов от всех податей и доколе не встанут на ноги, помогает им чем ни потребуется. И народ его крепко любит. А нижегородцам, вестимо, вдвое обидно: в самый раз, когда Суздальская земля дождалась хорошей жизни, их отдали под московского княжича, который, в угоду ненасытной прорве — своему отцу, жмёт из Нижнего Новгорада все соки.

— Почто же нижегородцы не сгонят москвича и не передадутся снова Суздалю?

— Ежели бы Константин Васильевич того схотел, так бы и случилось. Но он далеко видит. Нижний Новгород ему, вестимо, нужнее всякого другого города, почитай, даже Суздаля, ибо он хочет ширить свою торговлю. Но коли он его силою захватит, — войны с Москвой не миновать, стало быть всё что он успел сделать для благоустроения своего края, будет порушено. И он ждёт. Иван Калита стар и хвор, долго он не протянет. По смерти же его Симеон сам уйдет из Нижнего, ибо он из братьев старшой и ему достанется московский стол. А тогда Константин Васильевич будет тут полным хозяином, да может еще и Москву прижмёт. Её-то боятся все

не потому, что она так уж сильна, а потому, что за спиною московского князя хан Узбек стоит. Однако, после смерти Ивана Даниловича всё может перемениться и неизвестно еще кому хан даст ярлык на великое княжение. Чего доброго и ему, Константину Васильевичу.

— А выехав из Суздальского княжества, дальше мы какими землями поедем? — помолчав спросил Лаврушка.

— Уже завтра поедем мы по рубежу Костромского княжества и пожалуй, даже его чуток зацепим. А там выедем в Галицкое и по ему будем следовать до самой Вятской земли.

— А велики ли те княжества?

— Костромское, думаю, будет как наше Карачевское, с уделами, а Галицкое много побольше. Только видать, их век уже на исходе: хотя там и сидят еще свои князья, но Москва на них крепко наложила руку и пляшут они под дуду Ивана Даниловича.

— В Костроме, кажись, уже и плясать некому, — вставил Никита. — Сказывали люди, князь тамошний невдавне помер, а никому из наследников его Калита вступить на княжение не дозволяет. Видать, себе Кострому заберёт.

— Ну, а далее на полночь, за теми княжествами что лежит? — допытывался Лаврушка.

— Лежит там Устюжская земля, — вотчина ростовских князей, а чуть на заход — княжество Белозерское. Ну, а дальше, до самого Ледяного моря, тянутся владения Великого Новгорода, которые будут побольше чем вся остальная Русь вкупе.

Жадный к познанию родной земли, Лаврушка, вероятно, долго еще продолжал бы свои расспросы, если бы к ним незаметно не подкралась ночь. Надо было идти ужинать и спать.

***

Весь следующий день они ехали вверх по берегу Волги и заночевав в городе Юрьевце, с рассветом пу-

стились прямо на север, левым низменным берегом реки Унжи. Стояла нежаркая погода, дорога была легка и потому, покрыв в этот день около сотни верст, к ночи они прибыли в маленький городок Унжу, стоящий уже на Галицкой земле. Отсюда предстояло продвигаться дальше местами вовсе ненаселенными, а потому путники весь следующий день провели в Унже, дав отдых коням и запасаясь всем необходимым.

На их расспросы о дальнейшей дороге, местные жители, в большинстве звероловы, отвечали:

— Путь ваш пойдет лесом да болотами. Доколе приметна будет охотничья тропа, езжайте по ней. Ну, а далее надобно пробираться звериными тропами, а где и так, глухоманью. Главное дело, держите всё время прямо на восход солнца и коли не собьетесь, на третий день к вечеру выйдете к Шулепникову, — посёлку зверовщиков, что стоит на берегу реки Ветлуги. А до этого навряд ли вам хоть одна живая душа повстречается.

В ту пору все необъятные пространства средней и северной Руси были покрыты густыми лесами и путники наши почти не выезжали из них от самого Карачева. Но лишь теперь, оставив позади Унжу, они почувствовали себя по-настоящему затерянными в поглотившем их лесном океане.

Раньше хоть изредка им попадались по пути небольшие сёла и деревушки, кое-где можно было увидеть вспаханные поля, а на дорогах повстречать людей. В этих же бескрайных северных дебрях и топких болотах, сбившись с пути, можно было блуждать дни и недели, не встретив никаких признаков присутствия человека.

Целый день они пробирались узкою, местами теряющейся тропой по дикому лесу и обманчивым болотам, где под видимостью невинной зелёной лужайки, на каждом шагу подстерегала путника гибельная трясина. Тут не виделось даже и следа людского, — это было подлинное царство четвероногих и птиц. И раньше им по пути не раз встречались всякие звери, но здесь их было такое множество, что Василий и его спутники только диву давались.

С зелёных прогалин, при их приближении то и дело, ломая кустарники, бросались наутёк стада оленей и лосей, а из болотистых зарослей слышалось злобное хрюканье потревоженных ими диких свиней. На безвестных, подернутых ряской лесных речках не раз видели они огромные поселения бобров; озёра и болота кишели гусями, лебедями, утками и прочей пернатой дичью, почти не боявшейся человека. И если до сих пор путешествие их проходило без особых приключений, то здесь, на исходе первого же дня, их ожидал случай, едва не стоивший Лаврушке жизни.

Почти весь день они ехали шагом, но дорога была трудна и утомительна, а потому часов в пять вечера, найдя сухую и удобную для ночлега полянку у широкого ручья, Василий приказал остановиться.

Пока Никита разводил костёр, Лаврушка взял лук и придерживаясь берега ручья, чтобы не заблудиться, углубился в лес, в надежде подстрелить к ужину какую-либо дичь.

Не прошел он и сотни шагов, как заметил на дереве крупного глухаря, который, при его приближении, с шумом поднялся и пролетев десятка три саженей, опустился на другое дерево. Не потерявший его из виду охотник стал подходить опять, но осторожная птица, не подпустив его на выстрел, снова перелетела немного дальше. Так повторилось несколько раз. Наконец, воспользовавшись тем, что в этом месте крутые берега ручья, размытые дождями, образовали целое нагромождение огромных земляных глыб и уступов, — Лаврушка сумел подобраться к глухарю незаметно, и тщательно прицелившись, пустил в него стрелу. Она попала в цель, но большая и сильная птица не сразу упала на землю: пронзённая стрелой, она всё же попыталась улететь и рухнула шагах в тридцати от Лаврушки на плоскую вершину невысокого глиняного утёса.

Подбежав к нему, Лаврушка увидел, что стены его почти отвесны. Но это его не смутило: он бросил на землю лук и втыкая нож в трещины крутого откоса, быстро взобрался наверх и поднял свою добычу. Глухарь был великолепен и весил не меньше пуда. Не теряя

времени, повеселевший Лаврушка собирался спуститься тем же путем, но едва он приблизился к краю утёса, весёлость его мигом исчезла: внизу, как раз на том месте, где он оставил свой лук, стоял матерой бурый медведь и смотрел прямо на него. Лаврушке померещилось даже, что зверь ему насмешливо подмигнул.

Положение было скверное. Медведь, проникшийся к Лаврушке, очевидно, не совсем бескорыстным интересом, уходить явно не собирался. Сердито сопя, он топтался вокруг утёса, высматривая откуда на него легче взобраться. В одном месте, поднявшись на задние лапы, он передними попробовал дотянуться до верха и незадачливый охотник с ужасом увидел, что страшные когти зверя не достигают каких-либо полутора аршин до края площадки, на которой он стоял.

Парень беспомощно оглянулся. Если бы в его распоряжении была хоть простая жердь, чтобы спихивать медведя, когда он станет карабкаться наверх, — дело было бы не так плохо. Но на плоской вершине, имевшей в поперечнике не более шести шагов, не было ничего, кроме нескольких комьев ссохшейся глины.

Подумав, что медведь может быть уйдет, если не будет его видеть, Лаврушка отошел и сел посреди площадки. Но случилось как раз обратное: медведь сейчас же полез наверх. Увидев, что когти зверя уже цепляются за край его ненадёжного убежища, Лаврушка вскочил и высоко подняв обеими руками самый тяжелый кусок глины, швырнул его изо всех сил в мохнатую голову, показавшуюся вслед за когтями. Глиняный ком разлетелся вдребезги, но и мишка, с рёвом боли и ярости, скатился вниз. Отдышавшись, он еще два раза повторил свою попытку, но с прежним успехом. Теперь уже у Лаврушки крупных комьев не оставалось и он попробовал откупиться от своего противника, бросив ему вниз убитого глухаря. Однако медведь, рассудив, очевидно, что глухарь от него не уйдет, злобно отшвырнул его лапой и снова полез наверх.

Тогда Лаврушка закричал диким голосом, надеясь

огорошить медведя и в то же время привлечь внимание своих спутников, которые не могли быть особенно далеко. Зверь от неожиданности и в самом деле сполз с откоса. Стоя внизу и нагнув голову набок, он с удивлением уставился на Лаврушку, который продолжал испускать громкие вопли при каждом его движении. В течение некоторого времени это средство действовало. Но вскоре медведь притерпелся к крикам и больше не обращая на них внимания, решительно пошел на приступ.

Единственным орудием самозащиты у Лаврушки теперь оставался охотничий нож. И он с силою вонзил его в лапу зверя, как только она вцепилась в край площадки. Но от острой боли медведь с такой стремительностью разжал когти и кубарем полетел вниз, что рукоятка выскользнула из лаврушкиной руки.

Скатившись с откоса, медведь зубами выдернул из раны нож, несколько раз лизнул кровоточащую лапу и со свирепым ревом быстро полез наверх. Лаврушка, теперь совершенно безоружный, стоял над разъяренным зверем, ожидая неминуемого и страшного конца. Но как-раз в этот миг из-за ближайшего берегового уступа показались Василий и Никита, бегущие сломя голову, с обнаженными саблями в руках.

Медведь вскарабкался уже настолько высоко, что подбежавший первым Василий не мог достать его головы и с налета рубанул по широкой, мохнатой спине. Лесной великан, которому этот удар не причинил существенного вреда, мгновенно соскользнул на землю и бросился на нового противника, но в ту же секунду сабля подоспевшего Никиты обрушилась ему на голову. Однако и человек, и зверь находились в быстром движении и хорошо рассчитать удар было невозможно: медведь отделался отрубленным ухом и большим лоскутом кожи, срезанным с его крепкого, как камень, черепа.

В продолжение следующих трех или четырех минут, стоявший наверху Лаврушка имел случай созерцать совершенно исключительное зрелище: огромный доведенный до предела ярости зверь, то вставая на дыбы, то стремительно опускаясь на четвереньки, попеременно ки-

дался на двух махающих саблями людей, которые ловко увёртывались от страшных лап и в свою очередь наносили молниеносные удары. Но силы были неравны: вот отлетела в сторону отрубленная лапа, за нею вторая и медведь хрипя рухнул наземь под сыпавшимися на него сабельными ударами.

— Экая здоровая тварь — тяжело дыша промолвил Василий, вытирая саблю о шкуру убитого зверя. — Еле умолотили его вдвоем!

— Ну, спаси вас Бог, что вызволили меня, батюшка князь и ты, Никита Гаврилыч, — сказал Лаврушка, спустившись с утеса. — Не подоспей вы, не видать бы мне завтрашнего дня!

— Счастье, что мы твои крики услышали. Как же тебя угораздило с ним связаться?

Лаврушка в коротких словах поведал о своих приключениях.

— Ну что же, — выслушав его заметил Никита. — Всё от Бога: мишка собирался тобою поужинать, ан вышло что мы им поужинаем. — И вытащив нож, он принялся отделять окорок от медвежьей туши.

— Да и не только им, — добавил Лаврушка, подбирая своего глухаря. — Косолапому этого показалось мало, ну, а нам в самую пору будет!

Ужин в этот вечер у них и в самом деле получился отменный.

ГЛАВА 40.

«Начаша звонити вече и сбирахуся людей множество кричаху вопюще на мост великий, в доспехах, аки на рать. Бяще же и гублении, овы от стрел, овы от оружия, беша же мертвыми, яко на рати».

Новгородская летопись.

На второй день пути погода изменилась: было пасмурно, временами начинал накрапывать дождь. Это сильно осложнило положение путников: теперь они могли держать направление на восток лишь приблизительно, руководясь различными, не очень надежными приметами. Только к вечеру третьего дня проглянуло снова солнце, но, очевидно, они уже успели уклониться далеко в сторону, ибо ни реки ни посёлка до самой ночи не встретили и сильно обеспокоенные, заночевали в лесу.

Обсудив положение, все трое пришли к выводу, что от правильного направления они отклонились к югу. И в этом не ошиблись, потому, что с рассветом, взяв путь на северо-восток, часа через три они вышли к берегу широкой и спокойной реки, которая могла быть только Ветлугой. Двигаясь вдоль её берега, после полудня путники прибыли, наконец, в поселок Шулепников.[39])

Весь он состоял из нескольких бревенчатых изб, до половины вкопанных в землю на небольшой плоской возвышенности, защищенной от зимних вьюг почти непроницаемой стеной вековых елей. На зиму, промыш-

---

39) Ныне на этом месте стоит город Ветлуга.

лять пушного зверя, сюда сходились зверовщики из Унжи и из ближайших галицких сёл, теперь же только три избы были обитаемы. Всё их население, — душ двадцать обоего пола, — с изумлением и тревогой высыпало навстречу приехавшим. Зоркий глаз Никиты успел заметить, что два-три мужика поспешно сунули за пояс топоры. Но когда путники вежливо поздоровались и попросили гостеприимства на ночь, их приняли радушно и тотчас повели в самую лучшую избу.

Видя, что хозяин, косматый как медведь, кряжистый старик, временами бросает на них исподлобья недоверчивые взгляды, Василий спросил:

— Что это вы все всполошились на нас глядя? Али за разбойников приняли?

— Ин кто вас знает, что вы за народ? — помолчав ответил хозяин. — Ведь эдак, здорово живешь, в такую глушь никто не заедет, а будь вы лихие люди, либо начальство какое, нам от того одинаково радости мало. К тому ж начальство завсегда верхнею дорогой ездит, а с энтой, с низовой стороны мы к себе гостей отродясь не видывали.

— Низом мы приехали потому, что сбились с пути и блукали в лесу, доколе в Ветлугу не упёрлись. И вы нас не опасайтесь: мы не разбойники и не начальные люди. Я карачевский боярин и еду по своим делам в Вятскую землю.

— Ну, слава Господу, коли так. А то мы было чуток испужались.

— Значит и сюда забредают недобрые люди?

— Где их нет, боярин? Сейчас-то у нас поживиться нечем и это всем ведомо. Ну, а по весне, когда тут соберётся много пушнины, — тогда надоть поглядывать. Правда, в те поры людей тут бывает изрядно, так что не всякий лиходей сунется.

— Кто же грабит-то вас? Свои, али татары?

— От русских людей мы худа не видели, да и татары сюды носа не кажут. На моей памяти только один раз они тут и побывали, когда шли в Вятскую землю, поучить вятичей. Но, слава Христу, воевода у них оказался добрый и нас обижать не велел.

— Кто же тогда ваши главные вороги?

— Да вотяки,[40]) боярин. Они-то Великому Новгороду покорились, почитай, лет двести назад и новгородская вольница с той поры в Вятскую землю течёт всё время. Много уже она тут понаставила своих городов и погостов. Но у вотяков сноровка такая: где русские се-ли, они оттеда враз уходят куда подальше. И через то за ими не углядишь. Так-то они, будто, во всем покорны, ну, а где подале от начальства, случается что и озоруют. На нас, к примеру, уже два раза нападали. Только по второму разу мы им так налатали, что помнить будут долго.

— Ну, а татары, говоришь ты, в Вятскую землю не часто наведываются? Али она ныне Орде не покорна?

— Да энто как тебе сказать, боярин? На словах, может, она и покорна, а на деле — нет. Татары считают Вятскую землю своей волостью. Когда они воевали Русь, — и туды, значит, нагрянули, только долго там не остались, а наложив на вятичей дань, ушли на полдень. Вятская же вольница, чай ты ведаешь, никого не признаёт, — ни Великого Новгорода, ни татарского царя и управляется сама по себе. Долго ли она дань платила, того не знаю, но ныне не платит. И нередко бывает, что собрав ватагу вотяков, нападает на булгарские либо на татарские караваны, а то и городки ихние грабит. А после отбрехивается: это-де не мы, а дикие вотяки, которые в леса убегли и нам самим житья не дают. Ну, татары иной раз тому поверят, а другой раз и нет. И бывает, что приходит их войско наказать вятичей и пограбить их землю. А после снова уходит.

— А далече ли отсюда, от поселка вашего, начинается Вятская земля?

— Какое далече! Вон на том берегу Ветлуги уже она самая и есть. Наш Шулепников как раз на рубеже стоит.

— А сам ты галицкий?

---

[40]) Вотяки — народ финского племени, населявший нынешнюю Вятскую область. В 12 веке были покорены новгородцами.

— Нет, боярин, я с Великого Новгорода сюды утёк.

— Чем же тебе Новгород не люб? Ведь там вече всем управляет, стало быть народ по своей собственной воле живёт, — с усмешкой спросил Василий.

— Эх, боярин, стократ лучше быть под каким ни есть князем, нежели под энтим вечем! Князь, по крайности, зла своей земле не пожелает и продавать ее не станет. А на вече в кажной голове своя дурь. Про самый народ-то я не говорю, — он там и вовсе не при чём остается, а верховодит всем госпо́да. [41]) И из той госпо́ды один, к примеру, сговорился с тверским князем, чтобы, значит, его руку держать, другой с московским, третий к Литве тянет, четвертый мирволит немцам либо свеям, а иной сам хотит всему Новгороду на шею сесть. И у кажного по сотне, а то и поболе, самых здоровенных горлодёров куплено, чтобы, значит, на вече за его кричали. Коли ты просто честный человек, и придя на вече попал промеж двух-трех таких псов, — спробуй-ка, крикни что-либо своё, — они те враз рыло на сторону своротят! Вот тебе и народное вече! И ты погляди: Новгород и землями, и богатствами, и людьми сильнее всех своих соседей вместе складенных. Он бы всей Руси свою волю указывать мог, а на деле его то тверские князья, то московские уму-разуму учат и за ухи его треплят как махонького. А чем рядом с Великим Новгородом была Москва каких всего тридцать годов назад? Тьфу! И всё это через то, что в Новгороде настоящего хозяина нет.

— Так призивал же Новгород к себе князей, и не один раз! И средь тех князей бывали мужи вельми достойные. Вспомни хотя бы двоих, память коих вся Русь чтит и даже церковью нашей они к лику святых сопричислены: Михаила Всеволодовича Черниговского и Александра Ярославича Невского. Оба в своё время в Новгороде княжили. А Мстислав Удалой чем тебе был плох?

— Да рази ж те князья в Новгороде волю имели!

---

[41]) Госпо́дой в Новгороде называлась правящая верхушка, состоявшая из бояр и богатых купцов.

Их призывали на воеводство, не боле, а заправляла всем опять-таки госпóда! Али тебе не ведомо, что по вечевому закону во всех володениях Великого Новгорода князь не может своего клочка земли иметь? Простые воеводы в других русских землях больше прав имеют, нежели в Новгороде князь! Нет, боярин, там надобен такой князь, который бы, допрежь всего, госпóду обуздал, а после бы уж правил по своей единой воле. И супротив такого простой новгородский люд николи не пойдет: на кой лапоть сдалось ему господское вече?

— Стало быть, ты от тех порядков сюда и подался?

— Истино, боярин! И рази же я один? Тута, по крайности, мы от всех вдалеке и живём сами по себе как птахи Божьи.

— Ну, что ж, давай вам Господь. А ты, вот, скажи мне — как нам отсюда получше в Хлынов проехать?

— Дело это не мудрёное. Есть отседа тропа прямо на город Котельнич. Ведёт она лесами да болотами, но сбиться нельзя: по ей через каждую версту-другую горки камней поскладены. В энту пору дорога еще суха и на третий день будете вы в Котельниче. Ну, а оттеда, берегом Вятки, до Хлынова еще два либо три дня пути.

— А путь безопасен ли?

— Об эту пору, почитай безопасен. Вотяки больше по весне пошаливают, а волки зимой. И волки будут похуже вотяков.

— Что, много их тут?

— Несметная сила! Зимою сбираются они в стаи по сотне и больше голов и тогда не попадейся! Поверишь, однова, в какой версте от посёлка, отсиживался я от них на дереве пол дня и целую ночь! Хвала Христу, что не обмёрз до смерти.

* * *

С рассветом выехав из Шулепникова, Василий и его спутники, невыносимо страдая от гнуса, три дня пробирались топкими болотистыми низинами, пока, наконец, не выехали к берегу Вятки. Здесь, чуть ниже впадения в нее реки Моломы, с незапамятных времен стоял чере-

мисский городок Каршар, захваченный новгородскими ушкуйниками[42]) в 1181 году и переименованный ими в Котельнич.

Сейчас это был довольно многолюдный и хорошо укрепленный городок, с населением почти сплошь русским. Проведя в нем сутки, путники двинулись вверх по берегу Вятки, заночевали в большом русском селе, обнесенном крепким бревенчатым тыном и на следующий день, к вечеру благополучно прибыли в столицу Вятской земли — Хлынов.[43])

Город этот, где они решили дать себе и измученным лошадям несколько дней отдыха, был довольно обширен и защищен солидными стенами, но поражал отсутствием патриархальности, свойственной всем старым русским городам. Впрочем, это было естественно: здесь не было княжьего двора, вокруг которого могла бы в определенных, освященных обычаем формах, складываться общественная жизнь; не было и власти, способной призвать к порядку тех, кто в этом нуждался.

Вятская земля, давно отложившаяся от Великого Новгорода, управлялась собственным вечем, иными словами — членами нескольких влиятельных семей, разбогатевших не столько на поместном хозяйстве и торговле пушниной, сколько на военно-грабительских походах против инородцев и всех своих не русских соседей. Каждый такой представитель местной знати имел нечто вроде собственной дружины, вернее, буйную ватагу людей, — русских и вотяков, — которая вооруженной рукой добывала своему хозяину богатства и поддерживала его на вечевых сходах. Соответственно такому общественному укладу и сам Хлынов был более похож на полуразбойничий стан, чем на обычный город.

По существу, он и вырос здесь как город разбойни-

---

[42]) Ушкуйниками называлась новгородская вольница, которая на ладьях, называемых ушкуями, отправлялась по рекам завоёвывать дальние земли и открывать торговые пути.

[43]) Город Хлынов, позже переименованный в Вятку, основан новгородскими ушкуйниками в 1182 году. Назван так по имени речки Хлыновицы, впадающей здесь в Вятку.

ков. Испокон веков из Новгорода в Вятскую землю уходил самый бесшабашный и буйный народ, которому невмоготу было жить в рамках хотя бы самой примитивной законности, который не пристал ни к какому общественному сословию, не имел постоянных занятий и ради возможности пограбить готов был претерпеть любые опасности и все невзгоды пути в неведомые дальние земли.

Подобный люд, оставаясь в Новгороде, был вечной угрозой порядку и питательной средой всякой смуты. Госпóда его всегда побаивалась и старалась держать подальше. Отправляясь же в свои полуразбойничьи походы "встреч солнца", — он приносил пользу всем, кроме тех несчастных туземцев, которых грабил. Новгороду он, почти без всяких затрат, добывал новых данников и покорял обширные земли, которые помаленьку прибирала к рукам та же госпóда. И потому новгородские правители предпочитали иной раз терпеть неприятности из-за бесчинства своих ушкуйников в чужих землях, чем терпеть самих ушкуйников в Новгороде. А Хлынову прощали его независимость ради того, что он вбирал в себя и удерживал все наиболее опасные и действенные слои новгородских подонков.

Хлынов был последним городом на пути следованья Василия и дальше предстояло ехать около полутора тысяч верст местами дикими и почти ненаселенными. Где именно найдет он ставку хана Мубарека, Василий точно не знал. В Хлынове ему сказали, что по слухам, белоордынский хан кочевал нынешним летом между Каменным Поясом и рекой Тоболом, но что на зимовку он, как обычно, возвратится в свою временную столицу, город Чамга-Туру,[44]) стоящий в низовьях реки Туры.

Осень была на пороге и потому Василий решил держать путь прямо туда, не сомневаясь, что пока он доедет, ханская ставка будет уже на своем зимнем стойбище.

---

[44]) Чамга-Турой русские называли тогда татарский укрепленный городок Чингиз-Тура, взятый Ермаком и позже превратившийся в русский город **Тюмень.**

ГЛАВА 41.

«О, светло светлая и украсно украшена земля Руськая! Многыми красотами дивишь еси: озеры многыми, реками и кладезями месточестьными, горами крутыми, холмы высокыми, дубровами частыми, польми дивными, зверьми разноличными, птицами бещислеными, — всего еси исполнена земля Руская!»

«Слово о погибели Рускыя земли»
Неизвестного автора 13 века

Запасшись в Хлынове всем необходимым, путники выступили из него в последних числах августа и направились к устью реки Чепцы, впадающей в Вятку недалеко от Хлынова. Тут на высоком, гористом берегу стоял небольшой, укрепленный бревенчатым тыном город Никулицын, или иначе Болванский городок, — такое прозвание он получил от ушкуйников, которые, отбив его у вотяков, нашли там языческое капище со множеством деревянных идолов, "болванов". Их новгородцы выбросили в реку, а самое капище превратили в христианскую церков, во имя святых Бориса и Глеба.

Василий решил в этот город не заезжать и, минуя его, они двинулись дальше берегом Чепцы, вдоль которой им предстояло ехать верст четыреста, до самых ее истоков. Туда вела широкая тропа, местами даже превращавшаяся в хорошо наезженную дорогу, ибо по пути еще встречались русские погосты[45]) и полуразру-

---

[45]) Погостом тогда называлось село и приписанные к нему отдельные, мелкие поселения, — позже волость.

шенные, но всё же обитаемые вотяцкие городища, вокруг которых виднелись остатки земляных валов и глубоких рвов. По всему было заметно, что туземное население этого края было некогда довольно многочисленным и жило оседло.

Последнее вятское поселение, — три избы, вкопанные в землю почти по самые крыши и огороженные деревянным палисадом, они миновали в верховьях Чепцы. Здесь жило довольно многодетное семейство зверовщиков, народность которого трудно было определить: из трех братьев, выходцев из Новгорода, двое были женаты на вотячках. Взрослые члены семьи говорили на русском языке, с обильной примесью вотяцких слов, детвора лопотала по-вотяцки. В божнице, по бокам потемневшего от копоти образа Божьей Матери с Младенцем, как стражи стояли вотяцкие деревянные идолы — воршуды. Приезжих тут приняли радушно и толково объяснили им, как покороче выйти на Каменный Пояс.

Дальше около двухсот верст снова пришлось пробираться глухими лесными тропами, не встречая никого, кроме диких зверей. К счастью, стояла ясная погода, позволявшая держать верное направление по солнцу, и путники, на десятый день по выезде из Хлынова, благополучно вышли к посёлку Егошихе, стоящему на берегу Камы, чуть ниже впадения в неё реки Чусовой.[46])

Теперь они находились уже на Пермской земле. Редкое население этого обширного края, принадлежало к финскому племени пермь, вело полукочевой образ жизни и промышляло главным образом охотой. Впрочем, это указывает скорее на здравый смысл пермяков, чем на их отсталость: земледелие было им известно, но в условиях сурового северного климата оно было нелегким делом и особого распространения не получило. С другой стороны, пермские леса изобиловали самым ценным и самым ходким пушным зверем: соболем, горностаем, куницей и белкой. Пермякам несравненно выгоднее было охотиться и менять меха на хлеб и другие продукты потребления, что они и делали.

---

46) Позже на этом месте возник город Пермь.

Миролюбивые пермяцкие князьки, под напором ушкуйников, еще в двенадцатом столетии, один за другим покорились Великому Новгороду и вся эта область, названная Великой Пермью, с той поры считалась новгородской волостью. Однако новгородцы не поставили здесь своих городов, ибо колонизация этого сурового и отдаленного края их не интересовала. Они ограничивались сбором дани с местного населения, взымая ее исключительно мехами. С этой целью из Новгорода в положенные сроки наезжали особые сборщики, которые, для своего удобства, поставили тут посёлок Егошиху, укрепив его надежным частоколом. Отсюда они совершали поездки вглубь страны, сюда же свозили собранную пушнину, до отправки ее в Новгород. Постоянными же обитателями этого окраинного русского поселения являлись две-три семьи новгородских зверовщиков, к избам которых к этому времени примкнуло уже и несколько пермяцких хижин. Ценного зверя тут хватало на всех, отношения сложились мирные, а при соприкосновении с русскими, пермяки охотно перенимали их обычаи и сами начинали быстро обрусевать.

С любопытством Василий присматривался к их диковинным жилищам, полуизбам — полушалашам, с нелепыми крышами, которым хозяева старались придавать форму конской головы, для устрашения злых духов. Сами пермяки были белобрысы, курносы и светлоглазы, они походили на славян, отличаясь от последних лишь широкими, как лопата лицами и довольно щуплым сложением. Вечером они угощали Василия, Никиту и Лаврушку суркой, — своим пермяцким напитком, похожим на брагу, и перебивая друг друга, коверканным русским языком рассказывали им — какими тропа-

ми идти дальше и где лучше всего перевалить через Каменный Пояс.

Из всех этих объяснений Василий понял только одно: что дорога предстоит весьма трудная и без надежного проводника, особенно если погода испортится, они рискуют до зимы проблуждать в необозримой путанице гор и лесов или, что еще хуже, — попасть в руки диких и воинственных югров.[47])

К счастью, один из егошихинских пермяков охотно согласился провести их через горы к верховьям реки Тагила, впадающего в Туру. Русские жители посёлка в свою очередь заверили, что это человек надежный, хорошо знающий все горные тропы и что на него можно вполне положиться.

Начавшиеся осенние дожди задержали их в Егошихе на четыре дня. Впрочем, это было не столь уж плохо: люди и лошади нуждались в хорошем отдыхе перед тяжелым и длительным переходом.

Когда вновь проглянуло солнце, четверо всадников тронулись в путь, придерживаясь берега реки Чусовой. Вначале местность, по которой они ехали, была пологой, с почти неприметным подъемом, но уже к вечеру первого дня она начала переходить в отдельные, всё более высокие холмы, а затем — в скалистые, покрытые лесом горы. Чусовая, широкая и спокойная внизу, здесь, в горах, быстро меняла свой облик, становясь всё уже́ и стремительней. С грохотом извивалась она меж дикими нагромождениями скал, столь крутыми и причудливыми петлями, что следуя ее берегами, всадники по крайней мере втрое удлинили бы свой путь, сделав его, к тому же, предельно трудным. Но пермяк проводник отлично знал прямые и удобные тропинки, которыми он уверенно вёл путников, держа нужное направление по одному ему известным приметам.

День за днем углублялись они в нелюдимые, но ча-

[47]) Югры или вогулы, народ угорского племени, родственный венграм, вышедшим, как полагают, именно из Югорской земли, — северо-восточных склонов Урала.

рующие своим сумрачным величием дебри, уже тронутые желтой рукою осени. Узкая тропа, извиваясь среди скал и гигантских елей, вела их всё дальше по горным склонам, то взбегая на невысокие, ощетинившиеся вековым лесом вершины, то спускаясь в тесные и мрачные прогалины, где даже в солнечный полдень царили густые сумерки.

Впрочем, солнце теперь показывалось редко. Погода стояла пасмурная, временами принимался идти назойливый осенний дождь, ночами было сыро и холодно. Иногда для ночлега они находили подходящую пещеру, но чаще устраивались под непроницаемым для дождя покровом огромных елей, вырубив в самой их гуще нижние ветви, на подобие шатра. От ночных холодов спасал костёр, а также захваченные из Хлынова спальные мешки, сшитые из оленьего меха.

На девятый день пути, оторвавшись накануне от берегов Чусовой и перекинувшись через горный хребет, — тропа пошла резко под уклон и к ночи вывела наших путников к истокам реки Тагила. А еще через два дня, когда остались позади последние гряды холмов, окружающих Каменный Пояс, Василий щедро одарил проводника и отпустил его домой. Перед ними расстилалась теперь покрытая девственным лесом бескрайная Шибирская низина [48]) и дальнейший путь уже не представлял особых затруднений.

Скитальцы, порядком истомленные почти двухмесячным путешествием, теперь заметно приободрились, — в этот вечер у их костра слышались шутки и смех. Всем казалось, что они уже почти на месте и что все трудности остались позади.

В самом деле, следуя дальше берегами Тагила, а потом Туры, сбиться с пути было почти невозможно. Встреча с татарами теперь была не страшна: они находились уже во владениях Белой Орды, — здесь ни один татарин не посмеет их тронуть, если Василий назовет свое подлинное имя и скажет, что едет к великому хану Мубареку. Таким образом, единственной опасностью была теперь возможная встреча с юграми.

---

[48]) Западно-Сибирская низменность.

Эти полудикие охотники, сами себя называвшие именем манси, населяли северо-восточные склоны Каменного Пояса и прилегающую к ним часть Сибири. Дотошные новгородские купцы очень рано проведали о том, что в югорских городищах ежегодно собирается громадное количество лучших мехов, которые можно взять за бесценок. Очевидно эта торговля была столь выгодна, что уже в одиннадцатом столетии новгородцы, не смущаясь огромностью расстояний и трудностями пути, вели с юграми оживленный обмен. А в двенадцатом веке туда добралась новгородская вольница и вскоре вся эта область, названная Югорской землей, уже считалась волостью Великого Новгорода, которому югры вынуждены были платить дань, разумеется, мехами. Однако, с татарским нашествием связь Новгорода с этой отдаленной окраиной совершенно прервалась, а Югорская земля вошла в состав улуса Джучи, как часть огромной территории, подвластной белоордынским ханам.

Югры в то время промышляли почти исключительно охотой и едва начинали переходить на оседлый образ жизни. От жителей Егошихи Василий узнал, что сейчас они обитают главным образом в верховьях Туры и по берегам реки Сосьвы, где, среди непроходимых лесов и болот находится их главный город, в котором стоит особо чтимый всеми играми идол, "золотая баба".

Кое-что об этом драгоценном идоле Василий уже и раньше слыхал, так как слухи о его существовании очень давно появились в Новгороде, а оттуда разошлись и по всей Руси. Очевидно кто-то из первых новгородских купцов, проникших в Югорскую землю, его видел, ибо вполне определенно говорили, что он изображает женщину, с ребенком на руках. [49]).

Новгородские ушкуйники и вольница, совершая походы "встречь солнца", усиленно охотились за этим

---

[49]) Интересно отметить, что именно так изображалась будийско-китайская богиня бессмертия (вернее символическое олицетворение этой идеи) Куан-Инь. Это наводит на мысль, что «Золотая баба» какими-то путями попала к юграм из Китая.

идолом, но югры его тщательно прятали в самых неприступных местах, часто их меняя. Согласно ходившим слухам, первоначально он стоял в какой-то трудно доступной пещере, на реке Сосьве, потом среди непроходимых болот в низовьях реки Конды и наконец след его потерялся где-то возле устья Оби. В течение нескольких веков его искали не только новгородцы, но и первые русские насельники Сибири, однако обнаружить так и не могли.

Василия "золотая баба" не интересовала, но о юграх и о их нравах он постарался вызнать все что было возможно. Егошихинцы говорили, что это народ беспокойный и коварный, не упускающий случая пограбить, и что не все их племена признают над собою власть татарского хана. Было ясно, что встреча с ними не сулит ничего хорошего и наши путники решили ехать дальше с соблюдением сугубой осторожности.

Густым лесом двинулись они вдоль низменных берегов Тагила, зорко глядя вперед, почти не разговаривая и на остановках не разводя костров. Но всё вокруг было спокойно, и не встретив по дороге ни души, к вечеру четвертого дня они благополучно достигли реки Туры. По их рассчетам, до ставки хана Мубарека теперь оставалось не более пяти дней езды и они вздохнули свободно.

— Ну, — сказал Василий, залезая после ужина в свой спальный мешок и готовясь заснуть, — теперь опасаться, пожалуй, нечего. Чай, так близко к ханскому городу югры не суются.

Никита был такого же мнения. Они крепко заснули, а на рассвете были разбужены диким, многоголосым воем. Высунув голову из мешка, Василий увидел, что небольшая полянка, на которой они спали, со всех сторон окружена смуглыми и скуластыми всадниками, вооруженными луками и копьями. Он протянул руку к сабле, лежавшей рядом, но сейчас же почувствовал, что острие копья упирается ему в грудь. Поведя глазами в сторону, он увидел, что Никита и Лаврушка тоже прижаты копьями к земле и понял, что о каком-либо сопротивле-

нии нечего и думать. Надеясь еще, что их окружили белоордынцы, Василий не двигаясь с места, спросил по-татарски:

— Кто вы такие и что вам от нас нужно?

Но в ответ всадник, наставивший на него копье, закричал что-то на совершенно непонятном языке и Василий с горечью понял, что они попали в руки югров.

Один из них, видимо старший, выехал, между тем, вперед и крикнул что-то на своем языке, обращаясь к воинам, которые тотчас раздались в стороны. А затем, поглядев на пленников, сказал уже по-татарски:

— Встаньте!

Василий, Никита и Лаврушка вылезли из мешков и встали на ноги, хнуро глядя на югорского старшину.

— Отвечайте, кто вы и куда едете? — спросил последний.

— Я русский князь и еду послом великого государя всей земли нашей к хану Мубареку. А со мной слуги мои, — ответил Василий, надеясь, что посла, едущего к хану, югры не посмеют задержать.

— Что-то мало у тебя слуг, — усмехнулся кочевник. — Или у государя вашего не хватает людей, чтобы к хану приличное посольство послать?

— Нас было много, — сказал Василий, — но на реке Ак-Идель[50]) напали на нас булгары и почти всех перебили. Только мы трое и ушли.

— А где же подарки для великого хана?

— Говорю же тебе — булгары всё отбили. Лишь малая часть осталась у нас во вьюках.

С минуту недоверчивый югр молча сверлил Васи-

лия колючим взглядом своих слегка раскосых глаз. Потом сказал:

— Коли ты вправду посол, покажи грамоту, которую везешь от своего князя к великому хану.

— Грамоты мне князь наш не дал. Дело промеж них тайное, а грамоту всякий прочесть может. На словах должен я передать великому хану то, что мне наказано.

— Тогда покажи пайцзу[61]) от твоего князя. Послов без пайцзы не посылают. И ежели у тебя её нет, значит ты просто лгун или лазутчик и я велю посадить тебя на кол!

Положение было почти безнадежное. Думая теперь лишь, о том, как бы подороже продать свою жизнь, Василий оглянулся на Никиту и при этом движении почувствовал, как что-то оцарапало ему грудь. И его осенило. Расстегнув кафтан, он снял с себя византийский образок архангела Михаила, подаренный ему Еленой и протянул его югру.

— Вот пайцза моего государя, — сказал он.

— "Выручи и спаси, святой Архангел, заступник и покровитель наш небесный", — молился про себя Василий, пока свирепый кочевник вертел в руках драгоценную иконку, сверкающую золотом и разноцветной эмалью.

— Ладно, — сказал наконец югр, возвращая её Василию. — Седлайте коней, берите вещи свои и едем! Мы сами вас проводим к великому хану. Если ты вправду посол, хан нас отблагодарит. Если нет, — отдаст и вас, и ваше добро нам.

Под неусыпной охраной югров, они тронулись в путь и через четыре дня прибыли в город Чингиз-Туру, куда уже возвратился на зимовку великий хан Мубарек,

---

Конец третьей части.

---

[50]) Ак-Идель — татарское название реки Камы.
[51]) Пайцза — у татар знак особых полномочий.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В БЕЛОЙ ОРДЕ.

ГЛАВА 42

Как уже было упомянуто, название Ак-Орды[1]) получил улус, который, после смерти Джучи-хана, достался его старшему сыну Орду-Ичану. По величине приблизительно равной всей площади Европы, он включал в себя Западную Сибирь и почти всю территорию современного Казахстана. На востоке он простирался почти до реки Енисея, на западе был ограничен Уральским хребтом и восточным побережьем Каспийского моря, а южная его граница шла примерно

---

[1]) «Ак» — по-татарски «белый» и у всех восточных историков этот улус назывался Белой Ордой. Этого названия придерживаемся и мы, как единственно правильного, хотя в русских летописях эта орда именуется Синей.

по линии: залив Кара-Богаз — среднее течение Сыр-Дарьи — озеро Балхаш.

Первоначально, во времена Орду-Ичана и его ближайших преемников, вся жизнь Белой Орды сосредоточивалась в южной части ее владений и столицею белоордынских ханов был древний город Сыгнак, ранее принадлежавший хорезмийцам и стоявший на реке Сыр-Дарье, приблизительно в пятистах верстах от ее впадения в Аральское море.

Эта часть Средней Азии, до завоевания ее монголами, была густо заселена народами тюркского племени, которые входили в состав двух могущественных государств, — Хорезма и Мавераннахра[2]). Они отличались довольно высокой культурой. По рекам Сыр-Дарье и Аму-Дарье было много цветущих городов, с широко развитой торговлей и ремесленным мастерством, немало они породили и выдающихся представителей научной мысли. Существовала искусно построенная и широко разветвленная оросительная система, делавшая многие пустынные и засушливые области вполне пригодными для земледелия.

Всё это во время монгольского нашествия было варварски разрушено, и частично начало восстанавливаться лишь спустя несколько десятилетий. За этот срок сильно изменился и духовный облик самих завоевателей: придя здесь в тесное соприкосновение с более культурными тюркскими народами, монголы начали быстро смешиваться с ними и отюречиваться. Почти сразу они отказались от своей прежней религии и приняли ислам, а в третьем-четвертом поколении совершенно забыли родной язык и стали говорить по-тюркски[3]). Следует заметить, что в этом процессе денационализации

---

[2]) Хорезм позже был известен под названием Хивинского ханства. Мавераннахр, что по-арабски означает «Двуречье», — древнее государство, в состав которого входили Бухара и Самаркандская область.

[3]) Позднейший татарский язык очень мало отличается от половецкого.

монголов главную роль сыграли кипчаки или половцы, на территории которых, носившей общее название Дешт-и-Кипчак[4]), в основном разместилась татарская орда.

Как известно, всё огромное войско Чингиз-хана, в военном и административном отношении, делилось на правое и левое крыло. При размещении на новых, завоеванных землях, правое образовало Золотую, а левое Белую Орду, — сообразно чему установилось и две отдельных правящих династии, — идущих соответственно от Бату-хана и от его старшего брата Орду-Ичана, — причем первая вначале играла доминирующую, а вторая подчиненную роль.

Относительно первых пятидесяти лет существования Белой Орды до нас дошло очень мало сведений. Однако не подлежит сомнению, что этот период ее истории протекал без крупных внешних или внутренних потрясений, и что первые белоордынские ханы были во всем послушны воле великого хана Золотой Орды.

Точный порядок наследования верховной власти в Белой Орде нам тоже не вполне известен. Повидимому после Орду-Ичана правил его старший сын Саргахтай, а потом Коничен, сын Саргахтая. Затем на белоордынский престол вступил уже вполне достоверный хан Сасы-Буга, надо полагать, сын одного из них. Он царствовал с 1291 по 1310-й год и был верным вассалом Золотой Орды. Ему наследовал старший сын Эрзен, причем не обошлось без борьбы: претендентов на ханство было несколько и в разгоревшейся смуте Эрзен взял верх только благодаря поддержке золотоордынского хана Узбека.

Эрзен оставил по себе очень хорошую память. Это был гуманный и справедливый правитель, весьма заботившийся о благоустройстве и процветании своей страны. Он восстановил многие города, разрушенные во вре-

---

[4]) В Дешт-и-Кипчак входили южно-русские степи между Днепром и Доном, Крым, среднее и нижнее Поволжье, а также значительная часть среднеазиатской степной полосы.

мя нашествия Чингиз-хана, построил большое количество школ, мечетей и общественных зданий, а главное — умиротворил всех своих беспокойных родичей, выделив им обширные улусы и строго определив права и старшинство каждого. Его одиннадцатилетнее царствование прошло без всяких смут, и персидские историки отмечают, что за все это время в Ак-Орде "никто из великих не притеснял меньших, а меньшие были неизменно почтительны к старшим".

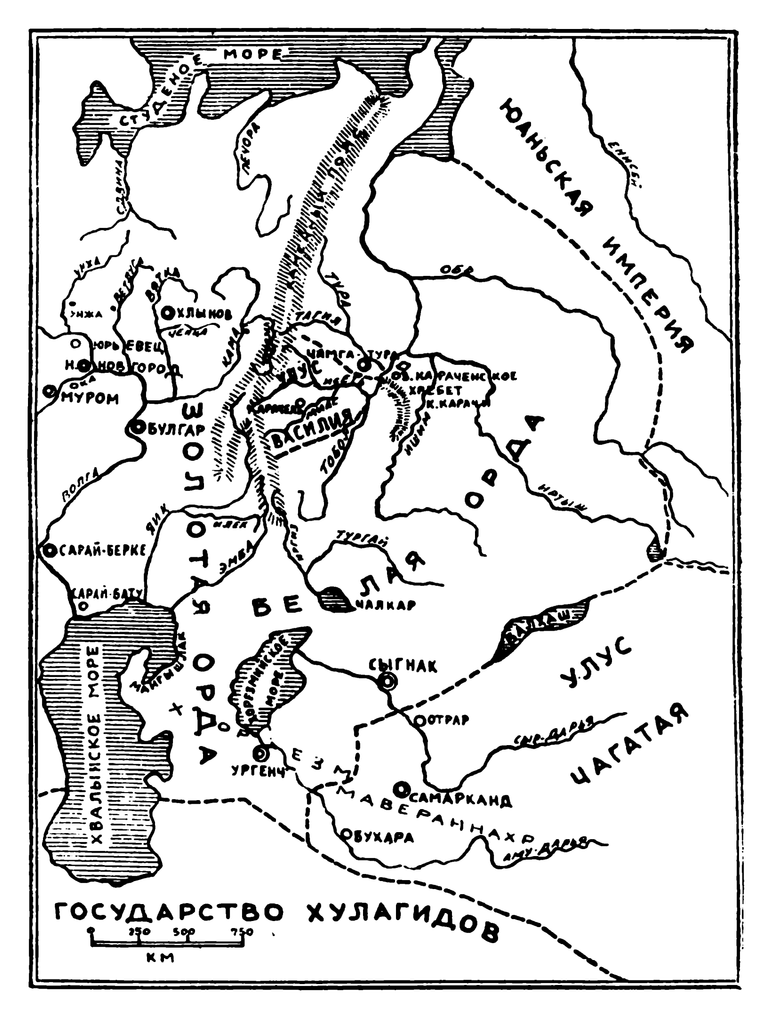
После его смерти, в 1321 году, на ханство в Сыгнаке вступил его младший брат Мубарек-ходжа. Само имя это указывает, что к тому времени белоордынская династия была уже совершенно отюречена. Титул "ходжа" означал, что в жилах его носителя течет кровь первых мусульманских халифов, преемников Магомета, и в Средней Азии он был настолько почётным, что им не пренебрегали даже царствующие ханы. Мубарек мог получить на него право только в том случае, если его матерью или женой была представительница древнего мусульманского рода, который удовлетворял этому требованью. Уже в начале четырнадцатого столетия титул ходжи неразрывно связывается с именами очень многих чингизидов, особенно членов белоордынской династии.

Хан Мубарек-ходжа мало походил на своего миролюбивого брата. Это был правитель властный, сознающий свою силу и умеющий ею пользоваться. Он никому не хотел подчиняться и ни с кем не собирался делить свою власть. С первых же лет своего царствования он перестал считаться с Золотой Ордой, но и не ссорился с нею открыто, — вероятно потому, что к этому не имел достаточных оснований: вначале золотоордынский хан Узбек в его дела не вмешивался и ничем его не тревожил.

Но в 1329 году, собираясь в поход против государства Хулагидов [5]), он потребовал, чтобы Ак-Орда тоже

---

[5]) В это государство входили Персия, часть Афганистана, Армения, Грузия, Азербайджан, Багдадский вилайет, большая часть

приняла в нем участие. Мубарек-ходжа отказал наотрез, заявив, что считает себя самостоятельным государем и не желает нарушать мира с хулагидами. В подтвержде-

---

Малой Азии и одно время Сирия. В нем правили потомки хана Хулагу, — внука Чингиз-хана от его младшего сына Тулая.

ние своей независимости, он с того же года начал чеканить собственную монету.

Очевидно он был настолько силён, что даже хан Узбек не рискнул выступить против него сразу, а вынужден был довольно долго ожидать подходящего случая. Мубарек, между тем, нарушил и внутренние порядки, установленные его предшественником: стремясь к единовластию, он сильно ущемил в правах своих удельных ханов. Это вызвало в Белой Орде смуту, которой не преминул воспользоваться Узбек: года за два до событий, списуемых в этой книге, он захватил Сыгнак и посадил там на ханство своего сына Тинибека. Мубарек-ходжа, не поддержанный никем из своих недовольных вассалов, был вынужден покинуть южные степи и откочевать со своей ордой на север, к реке Тоболу, где временной своей столицей избрал город Чингиз-Туру.

С той поры между Белой и Золотой ордами начинается довольно долгий период неутихающей вражды. Многие белоордынские ханы ставят себе целью захват власти в Сарае. Впервые это удалось осуществить младшему брату Мубарека, хану Кидырю[6]), лет двадцать спустя. С той поры члены ак-ордынской династии то и дело появляются на золотоордынском престоле, а еще через двадцать лет белоордынский хан Тохтамыш, захватив Золотую Орду, окончательно и навсегда соединил ее с Белой. Ханы этой же династии, потомки Орду-Ичана, — в следующем столетии возглавили почти все отдельные татарские царства, образовавшиеся при распаде некогда единой Орды. В их числе находилось и Сибирское, последним независимым повелителем которого был царь Кучум, побежденный Ермаком[7]).

---

[6]) Под именем Кидырь или Хизыр на мусульманском Востоке известен святой Георгий Победоносец, высоко чтимый у магометан, таким образом это имя соответствует христианскому Георгию.

[7]) Сыновья и потомки царя Кучума, перейдя на русскую службу, получили титул царевичей Сибирских, а со времени Петра Первого стали титуловаться князьями Сибирскими. Этот род угас только в конце прошлого века:

ГЛАВА 43

«Султан правосудный Мубарек-ходжа, да продлит Аллах царствование его».

Надпись на белоордынских монетах чеканки 1329 - 1339 г.г.

Город Чингиз-Тура, в описываемую пору весьма мало походил на столицу столь крупного монарха, каким был хан Мубарек. Стоя на судоходной реке и являясь центром обмена и приобретения всего, в чем нуждалось редкое и непритязательное население этого края, — он имел лишь торговое значение, да и то чисто местного характера.

Соответственно этому, кроме глинобитного караван-сарая, рыночной площади, неказистой мечети с покосившимся минаретом, да нескольких постоялых дворов, город состоял из двух сотен невзрачных, приземистых домишек, обмазанных глиной. На узких и кривых улицах в сухое время года лежал мощный слой пыли, в ветренные дни вздымаемой кверху и обволакивающей город плотным серо-желтым облаком, а в дождливую пору превращавшейся в вязкую, почти непроходимую грязь. В дополнение к этому, летом в воздухе висел густой смрад от гниющих повсюду отбросов, так что даже не очень избалованные жизнью купцы, привозившие в Чингиз-Туру свои товары, предпочитали ночи проводить не в караван-сарае, а на своих судах, стоявших на реке у причалов.

Единственный во всем городе просторный каменный дом, не блиставший, впрочем, ни богатством отдел-

ки, ни архитектурными достоинствами, принадлежал татарскому нойону[8]), который владел окрестными землями и олицетворял высшую власть края. Однако сам нойон, вместе со своими воинами и рабами, жил в войлочных юртах за городом, — в доме же проживали, в ожидании благоприятного поворота судьбы, те из его жен и наложниц, которых нойон в данное время не находил нужным держать при своей особе.

Прибыв сюда, хан Мубарек, уверенный в том, что его пребывание в этих местах не будет долгим, не счёл нужным перестраивать город и придать ему облик достойный названия столицы. Он ограничился лишь тем, что приказал углубить и расширить ров, окружавший Чингиз-Туру и повысить вал, да как истый ревнитель ислама, вместо старой убогой мечети повелел выстроить новую.

Сам Мубарек жить в городе, конечно, не стал. В теплое время года он находился при своей орде, кочевавшей в степях, к югу от его временной столицы, а зимою жил в обширном помещении — полушатре полудворце, поставленном для него верстах в трех от городского вала, на просторной поляне, с трех сторон окруженной лесом.

Позади и по бокам этого своеобразного дворца, стояло десятка два больших шатров, в которых помещались жены, родственники и высшие сановники Мубарека. В соответствии с суровостью здешней зимы, эти войлочные шатры — юрты, снаружи, до высоты человеческого роста, были обстроены каменными стенами, а сверху утеплены двойными меховыми полостями. По всей опушке поляны, окружая ставку Мубарека почти замкнутым кольцом, тянулась цепочка походных кибиток и юрт, в которых размещались две избранные тысячи ханской охраны.[9]).

---

[9]) Тысяча — у татар основное войсковое соединение, соответствующее полку.

[8]) Нойон — князь монгольского происхождения, но не чингизид. Князья тюркского происхождения назывались эмирами и беками.

Сюда-то, в последних числах сентября 1339 года и прибыл Василий, в сопровождении своего югорского конвоя. Мубарек-ходжа принял его почти сразу и без всяких унизительных формальностей, обязательных в Золотой Орде. Белоордынские ханы гордились своим происхождением от Джучи и Ичана, которые были гуманными людьми, не видевшими никакой пользы в напрасном унижении человеческого достоинства. Подражание им стало в Ак-Орде обычаем, которого придерживался и Мубарек.

Войдя, вместе с Никитой и югорским старшиной, в центральное помещение дворца, сплошь затянутое коврами и убранное не только с роскошью, но даже с некоторым вкусом, — Василий увидел перед собой хана Мубарека в красном бухарском халате и тюбетейке, сидящего на небольшом, почти квадратном диване, возле бронзового мангала, наполненного жаром. Это был крупный, жилистый мужчина лет за пятьдесят. В его продолговатом, смуглом лице, с тонким прямым носом и начавшей седеть черной бородкой, не было почти ничего монгольского и если бы не слегка раскосые глаза, — его можно было бы принять за араба.

Приложив руку ко лбу и сердцу, Василий низко склонился перед ханом. Мубарек в ответ еле заметно кивнул головой.

— Мне доложили, что ты называешь себя послом главного русского князя и говоришь, что тебя в пути пограбили булгары, — промолвил он, острым взглядом окинув Василия. — Правда ли это? И если правда, сказывай, с чем ты прислан.

— Не гневайся, великий хан, — снова кланяясь ответил Василий, — только во всем этом нет ни слова истины. На нас, на сонных, напали эти югры и спасая жизнь нашу, вынужден я был солгать. — И Василий в коротких словах рассказал хану, что с ними произошло в лесу.

— Кто же ты на самом деле и куда направлялся? — помолчав спросил Мубарек.

— Я князь земли Карачевской и путь держал сюда,

великий хан, просить у тебя приюта и убежища от врагов моих, незаконно посягнувших на мое княжение и изгнавших меня из отчей земли.

— Кто же эти твои враги?

— О мелких говорить не буду, великий хан, ибо сами по себе они ничто. А главный мой ворог тот же что и твой: золотоордынский хан Узбек.

Теперь Мубарек смотрел на Василия более благосклонно. Почтительность и вместе с тем достоинство, с которыми держался русский князь, а также его прямые, смелые ответы, ему понравились. Не имея никаких дел и сношений с Русью, о Карачевской земле он никогда не слышал, но глядя на Василия подумал: — "это, должно быть, важный князь и хороший военачальник, которого Узбек считает опасным. Иначе зачем бы он его трогал?" — И милостиво указав гостю на стопку подушек, он оказал:

— Садись, князь и расскажи мне всё.

Василий сел и опуская незначительные подробности, поведал Мубареку свою историю. Хан слушал внимательно, не задавая вопросов. Узнав, что Василий был великим князем (большой и великий по-татарски звучит одинаково) и имел в своем подчинении нескольких удельных князей, — он окончательно убедился в справедливости своего предположения. Мысль о том, что в предстоящей борьбе с Узбеком, Василий может оказаться для него ценной находкой, помогла ему принять быстрое и твердое решение.

— Ты правильно поступил приехав ко мне, князь, — сказал он. — Здесь с твоей головы не упадет ни один волос. А Узбеку, да поразит его Аллах своим справедливым гневом, уже недолго осталось ждать возмездия. Будь моим гостем. Я велю дать тебе табун лошадей и выделю улус, где ты пожелаешь.

— Да продлит Аллах твои дни, за ласку твою и за милость, великий хан, — ответил Василий. — Только ни коней, ни земли мне не надобно. Дозволь лишь пожить здесь, доколе мне потребуется. И если пойдешь ты в

поход на нашего общего ворога Узбека, рад буду послужить тебе.

— Добро. Сегодня же велю поставить тебе шатер, возле моего.

— Благодарствую, великий хан! Ныне не могу я почтить тебя, как ты того достоин, но прими пока хоть это, — сказал Василий, беря из рук Никиты небольшой ларец и доставая оттуда массивный золотой кубок, покрытый тончайшей резьбой и украшенный четырьмя крупными рубинами. — Не золотом и не лалами [10]) ценен этот кубок, а тем, что пили из него на пирах многие румейские императоры, доколе один из них не подарил его моему прадеду.

---

[10]) Лал — древне-русское название рубина.

— Спасибо, князь, — сказал Мубарек, бережно принимая драгоценный подарок. — Отныне будут пить из него ак-ордынские великие ханы. Ты сегодня это сам увидишь, когда придешь ко мне на вечернюю трапезу. А это кто с тобой? Твой слуга? — спросил он, указывая на Никиту.

— Более того, — ответил Василий: — это один из знатных людей моего государства и мой воевода. Он мне скорее брат, нежели слуга.

— Такой воевода и один целое войско побить может, — промолвил хан, одобрительно оглядывая богатырскую фигуру Никиты, который в этот миг склонился в почтительном поклоне. — Пускай и он с тобою приходит.

И с этими словами Мубарек-ходжа милостивым кивком головы отпустил своих неожиданных гостей.

ГЛАВА 44.

«Татары более повинуются своим начальникам, чем какие-либо иные люди, живущие на земле, более всех уважают их и не лгут перед ними. Споры между ними бывают редко, ссор, драк и человекоубийства никогда, даже в состоянии опъянения. Так же нет среди них разбойников и больших воров, а потому жилища и повозки, где они хранят свои ценности, не запираются. Один татарин достаточно уважает другого, все они дружны между собою, а когда мало пищи, охотно ею делятся. Они выносливы и даже голодая не обнаруживают недовольства, а поют и играют, будто бы хорошо поели. Взаимной зависти у них, кажется, нет, никто не презирает другого, но помогает и поддерживает как может. Но в то же время с посторонними они горды и несдержаны, алчны и скупы, большие мастера что-нибудь выпросить, а убийство чужого человека у них считается пустяком. Грязны в еде и в ином. Женщины у них целомудрены, однако некоторые в шутку произносят слова довольно бесстыдные».

Джиованни дель Плано Карпини, папский посол в Орду, 13 в.

В начале своего пребывания в ставке хана Мубарека, Василий не испытывал скуки. Всё окружающее было для него ново и он, совершая прогулки по лагерю и по городу, с любопытством присматривался к укладу орды и к особенностям татарской жизни. С некоторыми из них ему вскоре пришлось ознакомиться и на собственном опыте.

Так, в один из первых же дней, выйдя утром из своего шатра, он бродил без определенной цели по становищу и зашел довольно далеко. Встречные татары, уже знавшие кто он такой, и какой прием оказал ему великий хан, приветствовали его почтительными поклонами,

но вместе с тем он заметил, что они поглядывают на него с плохо скрытым недоумением, некоторые даже с тенью насмешки. Подумав, что это вызвано какой-либо неисправностью в его одежде, Василий незаметно проверил себя. Но нет, - всё было в полном порядке и находилось на своем месте, начиная с шапки и кончая саблей. Решив тогда, что на него так смотрят просто потому, что он иностранец и человек здесь новый, он спокойно закончил прогулку и возвратился домой.

Не прошло и часа, как Лаврушка ему доложил, что прибыл посланный от хана Мубарека. Выйдя поспешно из шатра, Василий увидел перед собою нукера, державшего в поводу двух великолепных коней, покрытых дорогими чепраками.

— Ты меня искал? — спросил он у татарина.

— Я, князь, — почтительно кланяясь ответил нукер. — Великий хан Мубарек-ходжа, да будет к нему вечно милостив Аллах, просит тебя принять от него в подарок этих коней.

— Передай великому хану мою почтительную благодарность, — ответил изумленный Василий, начиная догадываться, что этот подарок сделал ему неспроста. Порывшись в кармане, он вытащил оттуда несколько серебряных дирхемов [11]) и протянув их нукеру, спросил:

— Не говорил ли великий хан еще чего-нибудь? Я хотел бы знать, чем заслужил эту новую его милость.

— Великий хан, да ниспошлёт ему Аллах удачу во всех делах его, сегодня видел из своего шатра как ты ходил пешком, князь. И подумал, что твои кони, может быть, заболели, — с новым поклоном ответил татарин, принимая деньги.

Оказалось, что в Орде пешком ходят рабы, слуги и в крайности простые воины. Человеку же знатного рода или начальнику это никак не подобало и если ему нужно было хотя бы на сотню шагов отдалиться от своего шатра, он уже садился на лошадь. Оседланные кони

---

[11]) Дирхем — татарская и арабская монета.

круглые сутки стояли перед жилищем каждого татарина. Спали не раздеваясь, с оружием положенным рядом и потому по тревоге, когда бы она ни случилась, вся орда в минуту бывала на конях и в полной боевой готовности.

У татар свято чтились древние воинские обычаи и строго соблюдались своеобразные законы чести, но над всем этим неумолимо властвовала железная дисциплина, перед которой склонялось всё. Слово начальника, хотя бы это был простой десятник, было свято, его приказ, если даже он влёк за собою гибель подчиненного, исполнялся немедленно и точно, ибо ослушника ожидала позорная смерть. Об него не пачкали даже оружия: по знаку начальника, он покорно опускался на колени и кто-либо из воинов его десятка тут же душил его ремнём или убивал ударом ноги в живот. В истории Орды подобной казни не раз подвергались и крупные военачальники, не сумевшие во время сражения выполнить поставленную им задачу.

Обман и ложь считались здесь проступками недостойными воина, а воинами были все способные носить оружие. В обыденной жизни ордынцы были безукоризненно честны и правдивы, но если нужно было солгать и обмануть, выполняя полученное задание, — татарин делал это не задумываясь: честь воина требовала, прежде всего, успешного выполнения приказа, а за обман в этом случае отвечал перед Богом начальник.

Орда не была обыкновенным государством и татары не были обыкновенным народом. Это был огромный военный лагерь, в котором личная доблесть и воинские качества определяли судьбу и положение каждого, почти независимо от его происхождения и даже от его национальности.

В Орде уважались только храбрость, сила и ратное искусство. Все гражданские достоинства человека, если они не сочетались с достоинствами воина, не ставились ни во что. Трусость и слабость презирались открыто и беспощадно, немощность и старость ни в ком не вызывали жалости. Старику или увечному оказывали внеш-

нее уважение, если в прошлом он был хорошим воином, но открыто говорили, что лучше бы ему раньше умереть в бою, чем дожить до такого состояния, когда он воевать уже не может.

Почти ежедневно на огромной площади в центре лагеря происходили воинские упражнения, в которых принимали участие все свободные от караульной службы воины, от рядовых до тысячников включительно.

Иногда это бывали состязания в рубке и в умении владеть копьем, когда нёсшийся во весь опор всадник должен был направо и налево рубить саблей или поражать копьем различные мишени, подчас очень трудные. В другой раз воины старались превзойти друг друга в искусстве бросать аркан, или пущенной из лука стрелой, к которой привязывалась горящая пакля, должны были поджигать соломенные щиты, поставленные на значительном расстоянии.

Еще чаще устраивались состязания в стрельбе из лука. Воину, из шести стрел не вонзившему двух в чучело человека, поставленное на расстоянии ста-двадцати шагов, набивали колчан соломою, что считалось позором, который можно было смыть только не следав ни одного промаха на следующей стрельбе. Имя того, кто всаживал в чучело все шесть стрел, бирюч выкрикивал на всю площадь, кроме того он получал право выпустить еще шесть стрел. И если снова стрелял без промаха, — ему давали в награду двенадцать овец.

Иногда устраивались общие скачки и тогда победитель получал в виде премии коня, а пришедший последним — до следующих скачек лишался права сесть на лошадь.

Часто сам хан Мубарек, сидя верхом на коне и окруженный своими приближенными, присутствовал на этих упражнениях. И тогда вся воля, вся жизнь каждого из участников сосредоточивалась на том, чтобы не оплошать, ибо тут одинаково легко можно было стяжать как щедрую награду и повышение по службе, так и гнев хана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однажды Василий видел, как лучника, который из ше-

сти стрел не попал в мишень ни одной, Мубарек тут же приказал вырядить в женское платье и с позором прогнал с площади. В другой раз пожилого сотника, который, по вине споткнувшегося коня, на скачках пришел последним, — хан отстранил от командованья сотней и назначил на его место молодого всадника, особенно отличившегося на последних состязаниях. И это была не одна лишь честь, потому, что при назначении сотником, каждый получал от хана десять коней, а при распределении воинской добычи, доля сотника и девять раз превышала долю простого воина.

С тех пор как Мубарек его однажды подзадорил, — в скачках часто принимал участие и Василий. Его искусство в верховой езде и замечательные кони, подаренные ханом, обычно обеспечивали ему одно из первых мест. Раз даже он оказался победителем и это сильно возвысило его в глазах ордынцев.

Однажды было устроено состязание в борьбе. В нем принимали участие только испытанные силачи, по одному от каждой сотни. Борьба велась без определенных правил, — надо было, лишь не нанося противнику ударов, любым способом повалить его на землю или же, оторвав от земли, продержать так, пока судья не хлопнет три раза в ладоши.

Победителем в этом состязании оказался десятник Кинбай, — огромный татарин с воловьей шеей и стальными мускулами. Легко бросив на землю своего последнего противника, он гулко ударил себя обоими кулаками в грудь и горделиво оглянулся. Теперь, по правилам, померяться с ним силой мог любой из присутствующих и только если желающих не находилось, бирюч обьявлял его сильнейшим из сильных.

На первый вызов, сделанный бирючем, никто не откликнулся. Тогда хан Мубарек, очевидно уверенный в непобедимости своего борца, поглядел на Никиту, скромно стоящего в его свите, позади Василия, и с усмешкой сказал:

— Может быть русский богатырь пожелает померяться силами с татарским?

Смутившийся Никита пробормотал что-то невнятное и легонько попятился назад. Но к его вящему неудовольствию, хана неожиданно поддержал Василий.

— Ну-ка, Никитушка, не посрами русской земли! — сказал он. — Ужели не управишься ты с этим басурманом?

— Да что ты, Василей Пантелеич, Господь с тобой! — с укоризной ответил Никита. — Ежели я откажусь, — сраму нам никакого нет, а вот коли выйду и бросит меня наземь этот бугай, тогда воистину будет срам!

— Не бросит он тебя! Ты как встанешь супротив него, — о земле родной думай, о всем том, что она от татар претерпела. Тогда тебе силы прибудет!

— А коли я одолею, чего доброго, хан осерчает, — нерешительно промолвил Никита, покосившись на Мубарека. Но последний, как бы поняв его опасения, сказал:

— Иди, богатырь, ничего не бойся. Если он победит, порухи твоей чести не будет, — это самый сильный человек в Орде. А коли ты его победишь — тебе слава и награда!

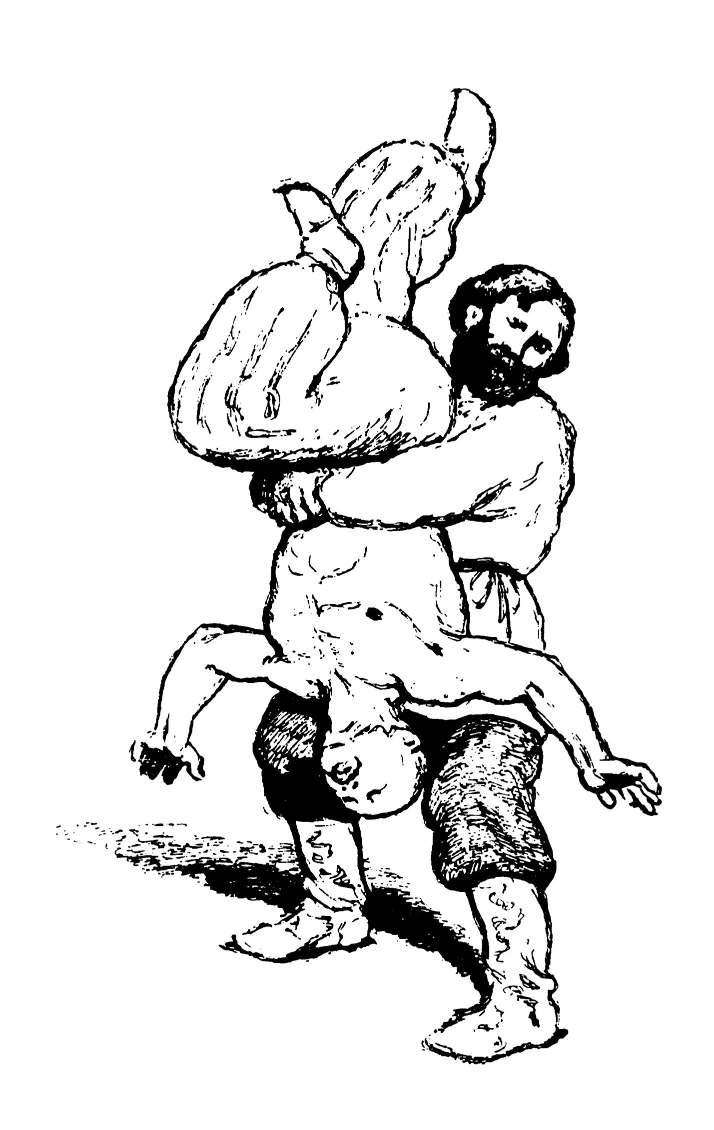
Никита беспомощно оглянулся. Все глаза были устремлены на него и он понял, что его отказ был бы теперь равносилен собственному посрамлению. Сойдя с коня, под одобрительные крики толпы, он вышел вперед и сбросил кафтан.

Татарский силач, увидев перед собою этого противника, сразу оценил его по достоинству и понял, что борьба будет трудной. Но желая подбодрить себя и вместе с тем улучить удобный момент для нападения, он насмешливо сказал:

— Ну, рус, если обещаешь угостить меня барашком, так и быть, в живых тебя оставлю!

— Гляди, как бы тебе не пришлось землю есть, вместо барашка, — ответил Никита, весь напружившись и не спуская глаз с противника.

С минуту они молча топтались друг перед другом. Потом татарин, пригнувшись, стремительно бросился вперед, намереваясь схватить Никиту за пояс. Но Никита был начеку и во-время отскочил в сторону. Едва

Кинбай выпрямился, он, в свою очередь, рванулся вперед и охватил его своими могучими руками. Однако противник был не только силён, но и ловок: он легко вывернулся из этих железных обьятий и еще дал Никите подножку, которая едва не опрокинула его навзнич. Но Никита всё же устоял.

— Значит, не хочешь падать? — спросил Кинбай,

— Не хочу, — ответил Никита.

— Тогда наверх пойдешь! — крикнул татарин и внезапно присев, схватил руками колени Никиты, намереваясь оторвать его от земли.

Но случилось совсем другое: не дав Кинбаю времени выпрямиться и поднять его, Никита сверху обхватил его под брюхо и резким рывком высоко вскинул ногами вверх. Татарин яростно задергался в его руках, но не имея точки опоры и вися вниз головой, спиной к Никите, он был беспомощен. Один за другим прозвучали три хлопка судьи и русский богатырь опустил на землю своего побежденного противника.

Несколько секунд на площади царило глубокое молчание, — все глядели на хана. Но Мубарек подал знак бирючу и тот во все горло провозгласил Никиту победителем. Теперь все кругом загалдели, кое-где гневно, но больше одобрительно. Восхищение подобной силой явно брало перевес над чувством досады за посрамление своего борца.

Никита, надев кафтан, молча направился на своё место, но тут его стерегла новая неожиданность. Хан Мубарек, хотя в душе и был глубоко разочарован в исходе борьбы, внешне остался невозмутимым. В коротких словах, но вполне благосклонно, он поблагодарил Никиту, похвалив его силу и ловкость.

— Ты настоящий богатырь, — добавил он, — и тот увалень, болтавшийся в твоих руках, как грязная овчина, был просто жалок. — При этом хан метнул столь выразительный взгляд в сторону площади, что Никита тоже посмотрел туда и содрогнулся: побежденный им татарин медленно развязал пояс, повесил его себе на шею и став на колени, покорно склонил голову, ожидая решения хана.

Поняв, что ханский гнев готов обрушиться на его незадачливого противника, Никита поспешно сказал, низко склоняясь перед Мубареком:

— Не гневайся на него, великий и справедливый хан! Он не слабее меня. Просто ему не потрафило, да и притомился он уже от борьбы с другими, а я был свеж. К тому же оба мы твои верные слуги и кабы знал я что ему угрожает, — николи бы против него не вышел, али поддался бы ему!

Ответ Никиты понравился Мубареку. Суровая складка меж его бровями разгладилась, лицо посветлело. Он еще раз взглянул на покорно ожидавшего своей участи борца и сделал знак, что тот свободен. Несчастный Кинбай, мысленно уже простившийся с жизнью, не стал ожидать его повторения: распростершись ниц перед ханом и поцеловав землю, он вскочил на ноги и на ходу завязывая пояс, проворно исчез в толпе. Хан, между тем, снова обратился к Никите:

— Ты человек столь же благородный, сколь сильный, — сказал он, — и потому вдвойне заслужил свою награду. Привести ему самую лучшую! — добавил он, обращаясь к стоявшему сзади букаулу[12]). Последний поклонился до земли и бегом бросился по направлению к шатрам.

Пока Никита раздумывал, что означает странное распоряжение хана и какая его ожидает награда, возвратился букаул, таща за руку стройную и красивую девушку.

— Твой бакшиш[13]), — сказал он, ставя ее перед изумленным Никитой. — Твой новый господин, — добавил он, обращаясь к перепуганной насмерть девушке.

— Как же так? — растерянно промолвил Никита, не сразу обретая дар речи. — На бакшиш мне живую девку?!

— У нас такой обычай, — сказал Мубарек-ходжа: — победитель в борьбе получает в награду молодую ра-

---

[12]) Букаул — чиновник ведавший распределением добычи и казенного имущества.

[13]) Бакшиш — награда, премия.

быню. Только не каждому достается такая красивая, как тебе.

— Да мне ничего не надобно, великий хан, — поспешно сказал Никита. — Разве же я для того боролся? Просто хотел потешить твою ханскую милость и уже сверх меры награждён похвалою твоей!

— Ты заслужил и похвалу, и женщину, — благосклонно промолвил хан. — Бери же её, а коли эта тебе не по душе, букаул покажет других, — выбирай любую!

— Да что я с нею делать-то стану? — с отчаянием в голосе воскликнул Никита, покраснев до корней волос. Все кругом засмеялись. Улыбнулся и Мубарек.

— Что хочешь, то и делай, — невозмутимо пояснил букаул. — Она теперь совсем твоя. Ты ее господин и хозин.

— Ну, уж коли ты беспременно решил наградить меня, великий хан, нельзя ли мне что-нибудь иное? — попросил Никита. — К примеру, хорошего коня под мой рост?

— Да за эту женщину тебе десять коней дадут! — сказал удивленный букаул.

— Мне столько не надобно. А девку эту лучше бы отдать тому борцу. Ведь коли бы я тут не случился, она бы всё одно ему досталась.

— Ну, этот курдюк пусть благодарит Аллаха за то, что я ему жизнь оставил, — снова помрачнев сказал хан. — Отведи женщину назад, — добавил он, обращаясь к букаулу, — а русскому богатырю дашь из моих табунов двух коней по его выбору и к ним приличные седла.

С этими словами Мубарек тронул плетью своего коня и в сопровождении всей свиты поскакал к шатрам.

— Вот дела! — промолвил Никита, когда они остались вдвоем с Василием. — Чуть не оженили меня, басурманы проклятые!

— Ну и что? — смеясь ответил Василий. — Вот бы и ладно. Не пойму я, чего ты закобенился? Девка была — писанная красавица.

— Тебе всё шутки, князь, — пробурчал Никита, везапно помрачнев.

— Что же мне, плакать? Ну и молодец ты, Никитушка, — показал им святую Русь! Дай обниму тебя... Эк ты его здорово вверх копытами вздёрнул!

— Хоть то добро, что не попустил Господь осрамиться, — скромно ответил Никита.

— Знал я, что ты одолеешь, а все же как кинулся на тебя тот бугай, у меня аж сердце зашлось! Чай, силища в нем страшная?

— Он меня не силою, а смрадом своим едва не свалил. Поверишь, — как схватился я с ним в обнимку, так сразу и выпустил: разит от него, как от матерого козла, индо дух у меня захлестнуло!

— Да, им благоухать не с чего, — хохоча ответил Василий: — в баню, чай, от рождения до смерти не ходят, к тому же николи не раздеваются! Ну, Бог с ними. Слава Христу, всё сошло ладно, еще и пару коней ты заработал!

— Оно так, да всё же связываться с ними не стоило. Хан, хотя и не кажет вида, а зуб на нас, поди, затаил. Да и тому оглаеду в темном углу теперь не попадайся.

Но в этом Никита жестоко ошибся. В тот же вечер, выйдя из шатра, чтобы проверить коней, он увидел, что, вынырнув из сгустившихся сумерок, к нему приближается какая-то огромная фигура. Узнав в ней своего давешнего противника, Никита схватился за саблю, но татирин низко поклонился и сказал с укоризной:

— Как мог ты подумать худое, баатур? Пусть отсохнет моя рука, если она когда-нибудь на тебя поднимется! Ведь я знаю, что если бы не ты, хан велел бы меня удавить, как собаку. Ты хороший человек и Кинбай хочет быть тебе аньдой[14]). Пойдем ко мне есть барашка и пить кумыс. Жена моя и сын тебя тоже поблагодарить хотят.

Растроганный Никита принял приглашение и о том не пожалел. Его угощали с редкой сердечностью и он с удивлением увидел, что эти свирепые в бою и на службе люди, в домашней жизни добродушны и незлобивы, как дети.

---

[14]) Аньда — побратим.

— Все ж таки не пойму я этого, — недоуменно говорил Никита, сидя в юрте своего нового аньды за миской ароматного плова, — удавить хорошего и честного воина лишь за то, что отыскался человек сильнее его?

— Обидно стало хану, что чужой меня одолел, — спокойно и без тени осуждения сказал Кинбай. — Хан в меня шибко верил.

— И твой же друг тебя бы прикончил, ежели бы ему хан повелел?

— Как не прикончить, коли такова воля великого хана?

— И ты бы, со зла, того человека не размозжил, прежде чем дать удавить себя?

— Почему иметь зло? Лучше друг, чем чужой: друг постарается и хорошо убьет, сразу убьет.

— Ну и дела! И тебе случалось друзей своих убивать?

— Случалось, Никит-батырь. Не я их убивал: била моя рука, моя нога. А голова и воля были хана.

— Да сердце-то твое было? — спросил Никита. — Оно что тебе говорило?

— Сердце говорило: лучше убей ты, Кинбай, чем другой! Ты здоровый, как шайтан, — сразу убьешь. Другой так не сможет, — мучить будет... А убьют всё равно, раз того хан захотел. И если Кинбай его воли не исполнит, Кинбая тоже убьют как собаку, и вот ему за отца стыдно будет, — кивнул он в сторону двенадцатилетнего крепыша, внимательно слушавшего разговор взрослых.

— И вы своего хана любите? — помолчав спросил Никита.

— Не знаю, аньда. Хан — рука Аллаха и мудрость мира. Ему всегда известно, что хорошо, а что плохо, и он думает за всех. Наше дело — повиноваться его священной воле, — ответил Кинбай. Было совершенно очевидно, что он находит все эти порядки естественными и даже не представляет себе, что могло бы быть иначе.

— Теперь я понимаю, почему вы смогли почти все народы себе покорить, — задумчиво промолвил Никита.

Татар он всегда считал разбойниками, лишенными

сердца и совести, но с этого дня мнение о них переменил и стал относиться к ним с некоторым уважением. А в лице Кинбая приобрел преданного друга, готового отдать за него жизнь.

По всей орде быстро распространился слух о неимоверной силе русского баатура и о том великодушии, с которым он заступился перед ханом за своего побежденного противника. Это создало ему добрую славу и популярность. И вскоре Никита привык к тому, что все татары при встрече почтительно ему кланялись, как важной особе.

ГЛАВА 45

«Татары поделили между собою Скифию, которая тянется от реки Дуная до восхода солнца. И всякий начальник точно знает границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весной и осенью» . . .

«О судопроизводстве их знайте, что человекоубийство они карают смертным приговором, также и сонтие с не своею женщиной, — женой или рабыней. Точно также карают они смертью за большую кражу, а за маленькую жестоко бьют».

Гильом де Рубрук,
посол французского короля в Орду, 13 в.

Жизнь орды иногда разнообразилась общей охотой, которую устраивали по повелению великого хана, страстного любителя подобных развлечений. Когда кочевали в степях, Мубарек предпочитал охоту с беркутами, но здесь, в лесном краю, чаще производились громадные облавы, в которых, в качестве загонщиков, принимали участие тысячи воинов. С соблюдением полной тишины, оцепив обширный участок леса, они, по данному сигналу, с дикими воплями и шумом начинали стягивать кольцо, выгоняя одуревших от страха животных на заранее намеченную поляну, где ожидали охотники, во главе с ханом и его вельможами.

То что, вслед за этим, происходило на поляне представляло собою кровавое и жуткое зрелище. Сюда выскакивали почти одновременно все обитатели леса, имевшие несчастье попасть в это роковое кольцо: волки,

медведи, кабаны, лоси, олени, россомахи и всевозможная мелочь. На последнюю, впрочем, никто не обращал внимания, — было не до того.

Крупные звери, которых на поляне встречал град стрел и копий, обычно поворачивали назад и пробовали прорваться сквозь ряды загонщиков. Но это удавалось весьма немногим. Остальных или убивали при этой попытке, или же выгоняли обратно на поляну. И здесь, поняв что выхода нет, обезумевшие животные старались подороже продать свою жизнь. Вскоре всё перемешивалось так, что стрельба из луков становилась невозможной и начиналась рукопашная. В дело пускались теперь сабли, копья, рогатины, кинжалы и дубины.

Такая охота требовала бесстрашия и ловкости, ибо она походила на поле сражения, где дрались все одновременно и каждый был занят собой и своим противником. Нередко бывало, что разъяренный медведь, прежде чем пасть, успевал размозжить кому-нибудь голову или взбешенный лось поднимал на рога и затаптывал несколько человек, прежде чем его удавалось прикончить.

В первой же из таких охот, Василий с любопытством наблюдал за Мубареком. Пожилой хан держался впереди всех, ловко действуя рогатиной и не помышляя об опасности. Но, видимо, о ней не забывали другие: был момент, когда на Мубарека, занятого каким-то иным зверем, бросился сбоку кабан. Не успел он пробежать и половины разделявшего их расстояния, как был пронзен несколькими копьями сразу.

После окончания охоты, отобрав лучшую часть добычи для ханского стола и для вельмож, букаул распределял остальное по сотням. Вечером устраивалось всеобщее пиршество. Знать пировала во дворце у хана, воины и их семьи — на площади, у жарко пылающих костров. Здесь ели много и жадно, громко отрыгивая и обтирая жирные руки об одежду и волосы. Впрочем и за ханским столом нравы были немногим лучше.

Пили кумыс и вино, без причин хохотали, потом начинали хвастаться друг перед другом своими боевыми

и охотничьими подвигами. О женщинах не говорили почти никогда, а если и говорили, то сдержанно, с уважением. Пьяных драк и скандалов не бывало вовсе, а если где и вспыхивала ссора, — она мгновенно утихала по первому же окрику десятника, как бы ни были пьяны её участники.

Когда голод бывал утолён, образовывали круг и начинались пляски. Это было невесёлое зрелище: под заунывную какофонию бубнов и дудок, танцоры двигались по кругу, расслаблено вихляя телами и нелепо подергиваясь. Под конец начинали петь и Василий долго не мог привыкнуть к этому дикому пению, более похожему на волчий вой, чем на голоса веселящихся людей.

Так пировали и веселились на площади. Во дворце у хана развлекались более утонченно. Здесь гостям подавали несколько искусно приготовленных блюд из дичи и из баранины, дорогие вина, фрукты в меду и в сливках, бекмес[15]) и обильный достархан из всевозможных сладостей.

Затем обычно появлялись танцовщицы-рабыни, почти, а иногда и вовсе обнаженные, — смуглые и бронзовые, кофейно-черные и белые как алебастр, — стройные и гибкие, как змеи. Под звуки зурён и бубнов, они кружились и извивались в восточных танцах, дурманящих, как вино, — то томяще-медлительных, то огненно-страстных, — пока хану это не надоедало. Тогда, одарив более искусных какими-либо драгоценными безделушками, он приказывал им уйти и снова все принимались пить и есть, обсуждая достоинства и недостатки танцовщиц, поднимая глаза к небу и восторженно цокая языками.

Василий и Никита всегда получали приглашения на такие празднества. Быстро познакомившись со всем окружением хана, они стали водить приятельство со многими из ак-ордынских вельмож. В этой среде к Василию все относились благожелательно, отчасти потому, что

---

[15]) Бекмес — прохладительный напиток из воды и арбузной патоки, со специями.

Мубарек к нему так относился, а главное — потому, что причин для недоброжелательства никто не видел: Василий никому не был опасен и на дороге ни у кого не стоял, ибо явно не искал никаких должностей и милостей у хана. Он хорошо говорил по-татарски, со всеми был приветлив, с ним было весело, скакал он превосходно, на охоте был умел и отважен, — этого было более чем достаточно, чтобы заслужить уважение татар и привлечь к себе их симпатии.

Высшую знать орды составляли темники, на должность которых обычно назначались члены ханского рода или же князья не чингизиды. Впрочем, среди них бывали люди и не знатного происхождения, выдвинувшиеся своими способностями и боевыми заслугами. Большинство темников находилось обычно при своих туменах, кочевавших в степи, но некоторые почти постоянно жили при ставке хана, в качестве его ближайших советников. За ними, по положению, следовали везир[16]) и тысячники. Кроме того, при ставке проживали без определенных занятий два или три дальних родственника хана и его младший, ныне единственный сын, Булак-оглан.[17]) Это был вялый и болезненный юноша, ни во что не вмешивающийся и явно не пользовавшийся расположением отца. Старший сын Мубарека, Саур-оглан, несколько лет тому назад был убит необъезженным конем.

Один из темников, эмир Суфи-ходжа, красивый и стройный хорезмиец, выделявшийся из всех приближенных Мубарека подчеркнутой опрятностью и даже некоторым щегольством, питал к Василию особую симпатию, которая вскоре перешла в настоящую дружбу. Они часто проводили время вместе и Василий с интересом слушал восторженные рассказы молодого эмира о его солнечной родине — Хорезме, также как и Русь, покоренной монгольскими ордами. Но в то время как Русь под татарским ярмом продолжала жить своей соб-

---

[16]) Везир — в орде нечто вроде дворцового министра.

[17]) Оглан — царевич, сын владетельного хана.

ственной жизнью, накапливая силу для свержения ненавистного ига, Хорезм пошел по иному пути: покорившись завоевателям и смешавшись с ними, он постепенно растворял их в своей среде, мирным путем изживая и перемалывая монгольский элемент. И потому не удивительно, что эмир Суфи, принадлежавший к роду Чингиза, чувствовал себя подлиным хорезмийцем.

В ханской ставке он был человеком влиятельным и дружба с ним еще более упрочнила положение Василия. Однако, несмотря на общее расположение, вскоре у него при дворе Мубарека появился неожиданный враг.

Случилось это уже зимой. Суровые холода и вьюги часто заставляли теперь обреченных на полное безделие людей подолгу отсиживаться в своих юртах и Василий начал ощущать острые приступы тоски по родине. Однажды, именно в такой момент, к Никите пришел Кинбай и сообщил, что воины его десятка нашли в нескольких верстах от лагеря медвежью берлогу. Василий с радостью ухватился за предстоящее развлечение и было решено взять зверя в первый же погожий день.

Ждать пришлось недолго. Дня через два, Василий, Никита, Лаврушка и Кинбай, вооружившись рогатинами, выехали после обеда из лагеря, миновали Чингиз-Туру и по дороге, идущей берегом реки, направились к лесу, где была обнаружена берлога.

Не проехали они и двух вёрст, как навстречу им из-за поворота показался отряд из полусотни всадников. Шагов на десять впереди всех, в крытой малиновым сукном шубе и в остроконечной рысьей шапке, ехал дородный мужчина лет сорока, в котором сразу можно было узнать монгола. Его одутловатое, надменное лицо Василию было совершенно незнакомо, но ехавший впереди Кинбай, видимо, прекрасно его знал, ибо тотчас соскочил с коня и склонился в низком поклоне. Василий и остальные вежливо поклонились встречному всаднику и придержали своих коней, давая ему дорогу. Но это его не удовлетворило. Не отвечая на их приветствие , он остановил коня прямо перед ними и крикнул:

— А вы чего ждете? Чтобы вас с сёдел плетьми согнали?

— Тебя я не знаю, батырь, — ответил Василий, которому вся кровь ударила в голову, — но знаю, что не родился еще тот человек, который бы меня плетью ударил и жив остался!

— А вот сейчас узнаешь такого! крикнул монгол, поднимая плеть.

— Полегче, батырь, — спокойно сказал Никита, опуская острие своей рогатины на уровень его живота. — Да и людям своим скажи, чтобы стояли на месте, коли не хочешь чтобы я тебе брюхо проткнул.

Побледневший татарин опустил плеть и гневным движением руки остановил передних всадников, двинувшихся было к нему. Видя, что они остановились, Никита тоже убрал свое оружие.

— Кто вы такие? — задыхаясь от злости спросил монгол.

— Вот с этого ты бы и начал, — усмехнувшись сказал Василий. — Я русский князь и гость хана Мубарека. А ты, видать, такая важная птица, что тебе до воли великого хана и нужды нет?

— Скоро ты узнаешь, какая я птица! Да и я узнаю правду ли ты говоришь. Айда, поворачивай за мной в ханскую ставку!

— Что же, поедем, — промолвил Никита. — Только ты, батырь, будь ласков, поезжай вперед, а мы трое будем следом держаться, промеж тебя и твоих людей. Эдак и мы не сбежим, да и ты будешь спокоен и не станешь зря назад оборачиваться, чтобы ненароком не порвать шубу о мою рогатину.

Метнув на Никиту злобный взгляд, монгол тронул своего коня и отряд шагом двинулся по направлению к лагерю. Татарские всадники, — которым присоединившийся к ним Кинбай успел сообщить, что это и есть знаменитый Никит-батырь, всем уже известный по слухам, — спокойно ехали в десяти шагах сзади, переговариваясь вполголоса и тихонько посмеиваясь. Незавидное положение их начальника всем было ясно, но он не отдавал никаких приказаний, его никто не трогал, — значит им беспокоиться было не о чем.

Едва приехав в становище, монгол спрыгнул с коня и бросился в шатер Мубарека. Через четверть часа вышел битакчи и позвал к хану Василия, ожидавшего снаружи. Мубарек-ходжа встретил его хмурым взглядом.

— Хисар-мурза [18]) говорит, — сказал он, движением головы указывая на стоявшего в стороне монгола, — что ты и твои люди, встретившись с ним на дороге, грубо оскорбили его ханское достоинство, грозили убить, а потом, под угрозой оружия, привели сюда. Верно ли это?

— Не верно, великий хан! Мы мирно ехали на охоту, когда он на нас наскочил и хотел согнать с коней плетьми, не спросивши даже кто мы такие. Да и мы до сей поры не знаем кто он. А как мы его сюда привели под угрозой оружия, когда со мною было два человека, а с ним пятьдесят, суди сам. — И Василий в точности рассказал всё, что произошло на дороге.

— Ты что же, думал меня обмануть, Хисар? — гневно спросил Мубарек, когда Василий кончил. — Выходит, что это ты, как разбойник, напал на моего гостя и осмелился ему угрожать! И ты сам виноват, что впереди целого отряда твоих воинов, эти трое русских вели тебя в лагерь как барана, чуть не подкалывая сзади рогатиной!

— Я их привел, а не они меня! — прохрипел Хисар.

— Вот как! А только что ты говорил иное. Запомни крепко: князь Василий мой гость и мой друг. И коли будет нужно, я кого угодно сумею заставить относиться к нему с почтением. — С этими словами Мубарек поднялся с дивана, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя от хана, Василий направился прямо к эмиру Суфи. Рассказав ему всё, что произошло, он спросил, что собою представляет этот Хисар-мурза?

---

[18]) Титул «мурза», стоящий перед именем, означал принадлежность к дворянству, а стоящий после имени — принадлежность к ханскому или владетельному княжескому роду.

— Дрянной человек, — ответил эмир. — Это не здешний чингизид, — он из династии Чагатая[19]) и к нам приблудился недавно, после того как устроил в Мавераннахре неудачный заговор против своего дяди, хана Касана. Боясь, что Узбек его выдаст, он бежал не в Золотую Орду, а к хулагидам, но вскоре и там что-то натворил и тогда явился к нам. Наш хан его принял потому, что собирается воевать с Золотой Ордой и этот Хисар ему может пригодиться, если Мавераннахр станет на сторону Узбека. Но Мубарек его не любит и ему не доверяет. Он не дал Хисару ни улуса, ни тумена, а держит его при себе и иной раз посылает по всяким, не очень важным делам. Вот и сейчас, по поручению хана, он объезжал степные тумены, проверяя поголовье лошадей. Это злой человек, подлый человек! И угораздило же тебя с ним связаться! — закончил Суфи-ходжа.

— Да что же мне оставалось делать, коли он на меня наскочил?

— Я понимаю, князь. Но он тебе этого никогда не забудет.

— Э, что он сделает, ежели хан на моей стороне?

— Ядовитая змея ждёт случая и жалит исподтишка. А Хисар — это змея в человечьей коже. И ты его опасайся, князь!

Василия не очень обеспокоили слова эмира. Но случаю было угодно в этот же день укрепить ненависть Хисара-мурзы новым, досадным для него обстоятельством.

Выйдя от хана в состоянии крайнего раздражения, он приказал своим людям ставить себе шатер. Его происхождение давало ему право расположиться в непосредственной близости от ханского дворца, но возле него свободных мест не оказалось. Справа стоял шатер царевича, сзади, полукругом, юрты жен и приближенных Мубарека, а слева, как раз там, где, по мнению Хисара-мурзы, надлежало стоять его шатру, место тоже было занято.

---

19) Чагатай — второй сын Чингиз-хана. Его потомки владели улусом, в который входили Мавераннахр, большая часть Афганистана, часть Индии и восточный Туркестан.

В гневе Хисар направился было к этому новому шатру, чтобы выяснить, кто осмелился посягнуть на его права, но увидев выходящего оттуда Никиту, внезапно понял всё. Взбешенный, он бросился к везиру, но последний сказал, что шатер русскому великому князю поставлен здесь по личному повелению хана Мубарека.

— Значит в то время как эти русские собаки, да поразит их Аллах стрелами своего гнева, будут жить рядом с ханом, — я, потомок великого Чингиза, должен ставить свой шатер на задворках? - запальчиво спросил Хисар-мурза.

Он так долго возмущался и выходил из себя, что везир, в конце-концов, отправился к Мубареку. Но ответ последнего был мало утешительным: Хисару-мурзе поставить свой шатер там, где найдется свободное место.

И волей неволей незадачливому отпрыску Чингиз-хана пришлось поместиться в ряду тысячников.

ГЛАВА 46.

«Зимою татары живут в теплых местах, где есть трава для скота, а летом кочуют по равникам, в местах прохладных, где есть вода, рощи и пастбища.

«Повозки у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что никакой дождь не промочит. В них впрягают волов и верблюдов, и перевозят жен и детей. Жены у них славные мужьям верны и хорошо хозяйничают. Они продают и покупают всё, что нужно мужу и делают всё по хозяйству. Мужья ни о чем не заботятся, только воюют и охотятся на зверей и птиц. С чужою женой ни за что не лягут и считают это делом нехорошим и подлым».

Марко Поло,
венецианский путешественник 13 в.

Нестерпимо медленно тянулась долгая сибирская зима. Василий изнывал от тоски, сидя в своем засыпанном снегом шатре и прислушиваясь к завываниям вьюги. Единственным его развлечением оставались бесконечные разговоры с Никитой и с Лаврушкой, которые так же томились в этой чужой и непривычной обстановке. Эти разговоры, понятно, были насыщены воспоминаниями о прошлом, от которых потом, когда мысли снова возвращались к суровой действительности, становились еще тяжелее на сердце.

Временами тяга на родину охватывала Василия с такой силой, что все причины, побудившие его к отъезду, начинали казаться ему не столь уж важными.

— "В самом деле, — думал он, — разве нельзя было просто поехать к хану Узбеку и растолковать ему как и почему всё это приключилось? Или, подняв народ, биться с козельскими ворами и их пособниками?" Почему он, наконец, не согласился остаться на княжении в Брянске? Небось, всё бы как-нибудь обошлось, и не сидел бы он теперь за тридевять земель, в этом проклятом татарском шатре!

И, настроившись на такой лад, Василий клялся в душе, что едва лишь сойдут снега и проезжими станут дороги, он тотчас же пустится в обратный путь, а там будь что будет!

Но кончилась, наконец, угнетавшая душу зима, растаяли снега, реки и озера сбросили ледяные оковы, всё вокруг зазеленело, и вместе с весенним теплом взвратилось к Василию благоразумие.

Оживилась после зимнего прозябания и орда Мубарека. Снова начались почти ежедневные воинские упражнения, скачки, охоты и пирушки. Истомленный долгой бездеятельностью, Василий целиком отдался всем этим развлечениям и тоска его постепенно утратила свою остроту.

Едва лишь закончилось весеннее половодье и подсохли дороги, отправился на родину Лаврушка. Хотя он и упирался, твердя, что не может покинуть на чужбине своего князя и благодетеля, было заметно, что ему не терпится попасть домой. Он тоже часто думал о своей Насте, которую оставил беременной, и беспокоился о ее судьбе, хотя вслух этого и не высказывал, чтобы князь не упрекал себя за то, что оторвал его от семьи.

Василий вручил ему длинное письмо, для передачи Елене, и дал все необходимые наставления. Обо всем, что с ними произошло, он велел без утайки рассказать, с глазу на глаз, воеводе Алтухову и боярскому сыну Шабанову. Всем же прочим надлежало говорить, что они зимовали в Вятской земле, а куда теперь князь поедет, ему, мол, Лаврушке, не ведомо.

— Ну, а Муром ты объедешь стороной, — после некоторого раздумья добавил Василий, — чтобы тебя из муромцев ни одна живая душа не увидела.

Этою зимою он много и подолгу думал об Ольге, сначала со смесью тоски и досады, а потом с неприязнью, даже почти с ненавистью. Постепенно ему стало казаться, что в его несчастной судьбе она столь же повинна, как и его коварные родичи; что послушайся она голоса сердца — вся его дальнейшая жизнь сложилась бы по иному...

Лаврушку снабдили в дорогу всем необходимым и дали ему двух хороших коней, чтобы он мог двигаться быстрее, пересаживаясь в пути с одного на другого. Двое татар, которым князь Василий обещал хорошо заплатить, согласились проводить его через Югорскую землю и вывести на Каменный Пояс.

В начале мая ставка хана Мубарека снялась со своего зимнего стойбища и медленно, по нескольку дней задерживаясь на промежуточных остановках, передвинулась верст на четыреста к югу, в зеленые, покрытые сочной травой степи между Тоболом и Ишимом. Здесь уже находились два тумена белоордынской конницы. Остальные кочевали значительно южнее, с тем чтобы потом, когда солнце выжжет южные степи, постепенно передвигаться к северу. В орде всё это было отлично налажено: каждому тумену были отведены строго определенные места для кочевья и темник точно знал, когда ему надлежит переходить с одного на другое. Таким образом, скот всегда был обеспечен хорошим пастбищем, исключалась возможность каких-либо пререканий между темниками, а в ставке хана всегда было известно где в данное время находится тот или иной тумен.

Для летнего стойбища выбрали место на берегу одного из бесчисленных озёр, рассыпанных по этому привольному краю, и расположились примерно в прежнем порядке. Только лишь Хисар-мурза, пользуясь тем, что князь Василий не торопился занять свое место, поспешил поставить свой шатер как можно ближе к ханскому. Увидав это,Василий усмехнулся, но спорить не стал и устроился чуть в стороне от всех, возле самого озера, под сенью нескольких больших деревьев.

До сего времени Хисар-мурза ничем не проявил сво-

ей враждебности к Василию. Вначале последний не раз ловил на себе его злобные взгляды, но потом монгол, казалось, просто перестал его замечать и Василий платил ему тем же. Возможно, что это состояние холодного мира перешло бы постепенно в отношения внешне нормальные, если бы никем не предвиденный случай не разжег приутихшую ненависть Хисара с новой и гораздо большей силой. Но об этом дальше.

Жизнь на новом месте потекла по прежнему укладу, изменилась лишь внешняя обстановка да больше времени стали уделять воинским упражнениям, скачкам и выездке молодых лошадей.

Изредка мимо проходили караваны, принося с собою всевозможные слухи и отголоски больших и малых событий, случившихся в дальних землях. Василий жадно прислушивался к этим известиям, но ничего интересного для себя не узнавал. Повидимому, на Руси всё было спокойно и никаких серьезных сдвигов ни там, ни в Золотой Орде не произошло.

Для хана Мубарека обстановка складывалась удачней. Гонцы, прибывшие с южных окраин его земли, привезли хорошие вести: в Сыгнаке положение Тинибека было непрочно, улусные ханы и князья роптали, и оказывали ему открытое неповиновение. В Золотой Орде, несмотря на внешнее спокойствие, тоже было неблагополучно: хан Узбек болел, — в ожидании его близкого конца, многочисленные сыновья и родичи подкапывались один под другого, вербовали себе приверженцев среди влиятельной знати и вовлекая в свои распри темников, тем самым подрывали единство и мощь Орды.

В Мавераннахре было еще хуже: там шла напряженная борьба местных эмиров против чагатайского хана, который был бессилен привести их к повиновению. Сеид[20]) Худавенд-Заде правил в Термезе как независимый государь, — купцы показывали Мубареку монету его чеканки. Эмир Казаган, объединив многие племена кочевых тюрков, создал из них сильное войско и от-

---

[20]) Сеид — титул, который носили потомки Магомета

крыто призывал других эмиров помочь ему раз навсегда сбросить власть чингизидов. Всё это ясно указывало, что в случае столкновения между Золотой и Белой Ордой, Мавераннахр Узбека поддержать не сможет.

Взвесив все полученные известия, Мубарек-ходжа пришел к заключению, что настал удобный момент для попытки возвратить свои южные владения и выгнать из Сыгнака золотоордынского ставленника. Успех этой попытки теперь зависел главным образом от того, сумеет ли он сговориться со своими родичами и удельными ханами, которые прежде были им недовольны и не поддержали его при первом столкновении с Узбеком. Сейчас, судя по слухам, настроения их изменились, ибо от Золотой Орды они терпят гораздо бóльшие утеснения и обиды.

Мубарек по опыту знал, что сноситься с каждым из них в отдельности, и долго, и бессмысленно: все они будут давать уклончивые ответы, хитрить и выжидать — что скажут другие. Надо было созвать курултай, то-есть собрать их вместе, выслушать их мнения, а главное — определить слабые места и чаянья каждого, чтобы знать наверняка чью поддержку и чем можно купить.

Придя к такому решению, Мубарек-ходжа принялся действовать: в улусы полетели гонцы, призывая всех его родичей, имевших какой-либо вес, "во имя великого Аллаха и для общего блага", этим же летом съехаться на курултай, в его ставку.

Собрать курултай было нелегким и нескорым делом. Большинству приглашенных надо было ехать издалека, причем Мубарек знал, что прежде чем выехать, почти все будут еще сноситься со своими ближайшими родственниками и соседями. Затем, не спеша, начнут сниматься со своих стойбищ и вместе с семьями, рабами и частью воинов, двигаться кочевым порядком через степь. Учитывая всё это, хан считал, что едва ли все соберутся ранее середины августа.

Он был приятно удивлен, когда уже в начале июля

приехал его внучатный племянник Урус-хан.[21]) Его улус находился в верховьях реки Эмбы, ехать ему надо было около тысячи верст, но Урус, прихватив с собою лишь два десятка нукеров, двигался налегке и первым прибыл на место сбора. Это был единственный из всех удельных ханов, в чьей поддержке Мубарек не сомневался: Урус ненавидел Узбека и был горячим сторонником войны с Золотой Ордой. Все знали, что со своим отцом, ханом Чимтаем[22]) он имел по этому вопросу вечные разногласия, однажды едва не перешедшие в усобицу.

Ласково встретив гостя, и похвалив его за быстрый приезд, Мубарек-ходжа осторожно спросил:

— А почтенный отец твой, да будет к нему милостив Аллах, когда думает быть здесь?

— Не знаю. Я ни с кем не совещался и ни у кого не спрашивал советов, — гордо ответил двадцатипятилетний хан. — Выслушав твоего гонца, сел на коня и вот я здесь. Когда настанет час выступить против Узбека, — да покарает его нашими руками справедливый Аллах, — на месте сбора я, с моим туменом, тоже буду раньше других.

Этот ответ искрене порадовал Мубарека. — "Урус настоящий воин, — подумал он, — не то что его отец, чабаний хан!"

Через несколько дней прибыли почти одновременно младший брат Мубарека, тургайский хан Кидырь, со своим сыном Темир-ходжей, и имевший улус в верховьях Ишима, племянник его Шейх-Орда, с юношами-сыновьями Хаджи-Черкесом и Амуратом.[23]) Они приш-

---

[21]) Урус-хан — впоследствии великий хан Белой Орды, успешно воевавший с Золотой Ордой и даже захвативший в 1376 г. Сарай.

[22]) Чимтай — старший сын хана Эрзена, вступивший на белоордынский престол после Мубарека, в 1345 году.

[23]) Хан Кидырь в 1360 году захватил золотоордынский престол, но через год был свергнут и убит своим сыном, Темир-ходжей. Шейх-Орда был убит в 1359 году, при попытке захватить золотоордынский престол. Его сыновья Хаджи-Черкес и Амурат — оба царствовали позже в Золотой Орде.

ли с большими таборами и разбили свои становища, каждый отдельно, в нескольких верстах от стойбища Мубарека.

В первый же день Мубарек-ходжа, устроивший в честь новых гостей богатое пиршество, постарался выведать их настроения. Но оба хана держались осторожно. Чувствовалось, что они уже совещались между собой и прежде чем высказаться определенно, решили послушать, что скажут другие.

Дольше всех пришлось ожидать старшего племянника Мубарека, хана Чимтая. Он владел Мангышлакским полуостровом и смежными прикаспийскими землями, — ему до места сбора надо было покрыть около полутора тысяч верст. Прежде он был известен как сторонник подчинения Золотой Орде и потому Мубарек боялся, что он вообще не приедет на курултай, явно направленный против хана Узбека. Для Мубарека это было бы серьезным ударом, ибо из всех удельных ханов Белой Орды, Чимтай был старшим и наиболее влиятельным.

Наконец, в последних числах июля, из тумена кочевавшего на два перехода южнее ставки великого хана, прискакал гонец с известием, что туда прибыл мангышлакский хан, со всем табором. А еще через несколько дней появился и сам Чимтай, в сопровождении своего второго сына, Туй-ходжи-оглана.[24]) Чтобы понапрасну не задерживаться в пути, людей и кибиток они взяли с собой немного и это позволило им расположиться у того же озера, где стоял Мубарек, почти рядом с его становищем.

Хан Чимтай, невысокий круглый человек, с добродушным бабьим лицом, был не на много моложе Мубарека. Они не любили друг друга, но встретились внешне сердечно и обнявшись долго тёрлись щеками и похлопывали один другого по спине и плечам.

---

[24]) Туй-ходжа-оглан, отец хана Тохтамыша, в начале царствованья своего брата, Урус-хана, был казнен за приверженность к Золотой Орде.

Чимтай, добросовестно осведомившись о здоровье своего досточтимого дяди и всех членов его семьи, об успехах его непобедимых воинов, о состоянии его коней и о качестве здешних пастбищ, — в свою очередь ответил на те же вопросы Мубарека и только после этого сообщил, что его двоюродный брат Кутлук-ходжа, становище которого он посетил по дороге, призывает щедрые милости Аллаха на голову своего достославного дяди, великого и мудрого хана, но на курултай приехать не может, ибо только что похоронил любимую жену и еще не пришел в себя от горя.

Выслушав это известие, Мубарек-ходжа улыбнулся и Чимтай понимающе закивал головой: улус Кутлука лежал между рекою Эмбой и Хорезмийским морем,[25]) то-есть ближе всех к Золотой Орде и, в случае чего, на него первого обрушилась бы месть Узбека. Это принуждало его к сугубой осторожности, но отнюдь не значило, что он останется в стороне, если все остальные договорятся о совместных действиях.

Теперь из всех приглашенных оставалось ждать только хана Орда-Мелика, довольно отдаленного родича Мубарека-ходжи, который имел свои кочевья у берегов Иртыша. Улус его находился далеко в стороне от всех беспокойных границ и очагов борьбы между ханами. Там его никто не трогал, хороших пастбищ у него было хоть отбавляй, поэтому ему совсем не хотелось ввязываться в дела, которые еще, кто знает, как могут обернуться? Посланнику Мубарека он дал уклончивый, неопределенный ответ и потому, прождав его еще с неделю после прибытия хана Чимтая, было решено открыть курултай без него.

---

[25]) Хорезмийским морем тогда называлось Аральское.

ГЛАВА 47.

> «После смерти хана Эрзена, на белоордынский престол вступил Мубарек-ходжа. Он первый нарушил порядок, установленный в системе удельных отношений и начал чеканить свою монету. Известно, что на мусульманском Востоке чеканка монеты, особенно серебряной, была прерогативой суверенных правителей, таким образом этим актом Мубарек-ходжа объявил о своей независимости от Золотой Орды и от сарайского хана. Это вызвало естественный протест золотоордынского хана Узбека, да и в среде самой ак-ордынской кочевой и военной аристократии начались по этому вопросу разногласия и споры».
>
> Академик А. Ю. Якубовский

Курултай собрался в обширном шатре хана Мубарека-ходжи, обставленном для этого случая в соответствии со старыми обычаями Ак-Орды. На полу, закрывая его почти сплошь, был расстелен толстый белый ковер, с вышитыми на нем черными драконами; на стенах, тоже убранных дорогими коврами, висели щиты и сабли, а прямо напротив входа, на высоком древке, стояло овеянное славой боевое знамя левого крыла орды Чингиз-хана: семь хвостов тибетских яков, укрепленных на двух поперечинах.

Под этим знаменем, — величайшей святыней ак-ордынской династии и символом власти царствующего хана, — на невысокой стопке белоснежных овечьих шкур, сидел великий хан Мубарек-ходжа, в своем лю-

бимом бухарском халате и в тюбетейке. Если не считать золотого перстня, с крупным рубином, на среднем пальце его левой руки, — реликвии некогда принадлежавшей первому ак-ордынскому хану Орду-Ичану, — на нем не было никаких драгоценностей. Этим Мубарек-ходжа желал подчеркнуть, что нынешний курултай имеет особое значение и созван в исключительной обстановке, когда столица государства находится в руках врага, и каждому, от верховного повелителя до простого воина, следует думать не о праздной роскоши, а о боевом походе.

По правую руку великого хана, на квадратных шелковых подушках, расположились царевич Булак-оглан и все улусные ханы. Слева поместились ханские сыновья, Хисар-мурза, эмир Суфи-ходжа и Василий, которого Мубарек тоже пригласил на курултай, имея на то свои причины, как будет видно из дальнейшего. Напротив них, по обеим сторонам входа, заняли места несколько темников, из числа наиболее влиятельных эмиров и нойнов. Ханши, обычно принимавшие участие в курултаях наравне с мужчинами, на этот раз отсутствовали, ввиду чисто военного характера предстоящего совещания.

Каждый из тех, в ком текла кровь Чингиз-хана, прежде чем занять свое место, низко кланялся великому хану, прикладывая руку ко лбу и сердцу. Таким же образом приветствовал его и князь Василий. Все остальные опускались на колени и целовали ковер у ног Мубарека. Впрочем одного из темников, — пожилого и славного воина, — хан до этого не допустил, велев ему подняться, едва он преклонил колени.

Когда закончились эти приветствия и все участники курултая молча уселись на свои места, Мубарек-ходжа сказал, что ему отрадно видеть в своем шатре столько прославленных воинов и родственников, собравшихся сюда по его приглашению. Не удержавшись, с некоторой горечью он добавил, что если бы все так дружно откликнулись на его призыв три года тому назад, в Сыг-

наке не сидел бы сейчас сын и ставленник золотоордынского хана Узбека.

— Но об этом я более вспоминать не буду, — присовокупил он, чтобы несколько смягчить свой упрёк. — Я знаю, что наши ханы за свою ошибку платят сейчас дорогóй ценой, ибо много страдают от злобы и жадности Танибека. Думаю, что теперь каждому стало ясно, что лучше подчиняться своему старшему родственнику, как то предначертал мудрый и справедливый Аллах, чем зависеть от неразумного выскочки из чужого ханского рода.

Ханы южных улусов, к которым относились эти слова, тяжело вздохнули, — Тинибек их действительно не баловал. Было видно, что Урус-хан порывается что-то сказать, но по молодости ему не подобало говорить раньше старших. Поерзав на подушке, он в упор уставился на своего отца и все остальные тоже невольно обратили свои взоры на хана Чимтая. Последний, видя что все ждут его слова, еще раз вздохнул и сказал:

— Ты изрек истину, великий хан: под пятóй Тинибека нам живется не сладко. Но за его спиной стоит Узбек. Чтобы прогнать Тинибека, надо иметь достаточно сил для войны со всей Золотой Ордой. А она очень сильна.

— Когда, одиннадцать лет тому назад, я отказался повиноваться воле Узбека, Золотая Орда была много сильнее, чем сейчас. И все-таки Узбек не осмелился на меня напасть. Как трусливый шакал, он ожидал более семи лет и только воспользовавшись нашими раздорами, захватил Сыгнак. Если мы снова все соединимся и будем действовать дружно, он нам не страшен.

— У него тридцать два тумена, — промолвил Чимтай. — А если этого окажется мало, он может сделать так, что Мавераннахр ударит нам в спину.

— Туменов у нас меньше чем у Узбека, — вставил Урус-хан, не глядя на отца, — но если мы нападем первыми, перевес будет на нашей стороне.

— Истино так, — сказал Мубарек-ходжа, одобрительно поглядев на Уруса. — Великий Чингиз имел совсем мало воинов, когда начал свои завоевания, но Ал-

лах помогает храброму, и он покорил почти весь мир. А Мавераннахр сейчас более страшен Узбеку, чем нам: мы для него всегда были добрыми соседями. К тому же тамошний хан Касан очень хорошо знает, что если он выступит в большой поход, за его спиной восстанут все эмиры и обратно его не впустят. А если он все же будет настолько глуп, что поднимет против нас оружие, — у меня приготовлен для Мавераннахра другой хан, которому мы поможем сесть на место Касана, и тогда Мавераннахр выступит на нашей стороне, против Узбека. — С этими словами Мубарек указал рукой на Хисара-мурзу, который при этом горделиво надулся и окинул всех присутствующих таким взглядом, словно он уже сидел на чагатайском троне, а не на обыкновенной подушке, в чужом шатре.

— Позволь добавить к твоим мудрым словам, великий хан, — кланяясь сказал Суфи-ходжа, — что если ты выступишь против Узбека, весь Хорезм будет на твоей стороне. Я имею о том самые верные сведения.

— Сердцем Хорезм будет на нашей стороне, — промолвил Чимтай, — но против Узбека он не выступит, ибо там стоят узбековы тумены. И они поспешат на помощь к Тинибеку, как только мы двинемся на Сыгнак.

— В этих туменах больше половины хорезмийцев. И скорее они ударят Тинибеку в спину, чем пойдут против нас. От Ак-Орды им никогда обиды не было.

— Да поможет Аллах осуществиться твоим словам, эмир, — не сдавался Чимтай. — Но пока это всего лишь слова. И благоразумнее думать, что обстановка может сложиться совсем не так, как нам хочется.

— Нам нужно не ожидать, как она сложится, а самим сложить её! — запальчиво воскликнул Урус-хан.

— Я согласен с тобою, почтенный Чимтай, — промолвил Мубарек, снова бросив на Уруса благосклонный взгляд. — Мы не должны полагаться на то, чего мы только желаем, но в чем не имеем уверенности. Поэтому я не рассчитываю на прямую помощь Хорезма. Но мы можем быть вполне уверены в том, что Хорезм, так же как и Мавераннахр, против нас не выступит. И он свяжет

несколько туменов Золотой Орды, которых нельзя будет вывсти из Хорезма и послать против нас. Узбек знает, что если он это сделает, хорезмейцы воспользуются нашей войной и сбросят его власть.

— Это истина, великий хан, — вставил молчавший до этого хан Кидырь, — они только и ждут такого случая. Я думаю, сейчас хорошее время для того, чтобы вернуть Сыгнак. И было бы неблагоразумно им не воспользоваться.

— Меня радует, что ты это видиш, брат, — сказал Мубарек. — И я надеюсь, что не ты один.

— Время благоприятно не только для того, чтобы прогнать Тинибека из владений Ак-Орды, но и для того, чтобы самого Узбека выгнать из Сарая, — горячо заговорил Урус-хан. — Я думаю, что именно к этому нам нужно стремиться. Если мы только освободим Сыгнак и на этом остановимся, то будем подобны человеку, который лег спать возле логовища тигра! Узбек соберет большую силу, дождется удобного случая и снова бросится на нас. Мы должны взять власть над Золотой Ордой, если не хотим, чтобы она властвовала над нами. Аллах будет на нашей стороне, ибо мы имеем на это священное право: наш род, род Орду-Ичана, выше чем род Бату-хана. И нам надлежит повелевать и царствовать над всем улусом Джучи!

Предельная прямота и ясность, с которой высказался Урус-хан, озадачили даже Мубарека. Точно так же думал и он сам, но здесь, на курултае, говорить этого не отваживался, чтобы не отпугнуть недоверчивых ханов, которые могли заподозрить, что им руководят не общие интересы, а только лишь собственное честолюбие. Но за слова Уруса он не отвечал и потому решил, в пределах благоразумия, использовать этот случай, неожиданно пришедший к нему на помощь.

— Воля Аллаха была именно такова, если он создал Ичана старшим братом, а Бату младшим, — сказал он. — И мы должны стремиться к тому, чтобы Его священная воля исполнилась. Но большие дела всегда начинаются с малого. Сейчас мы должны думать о том, чтобы

отобрать у Узбека наши города и пастбища, а дальше будет видно, что делать. У нас, кроме Узбека, врагов нет, а у Золотой Орды враги кругом. Если они не захотят воспользоваться удобным случаем, — мы пока возьмем то, что нам принадлежит и на этом остановимся. Но если они тоже поднимут оружие, мы можем пойти вперед и остановиться только в Сарае.

— Позволено мне будет спросить, великий хан, — осведомился Чимтай: — о каких врагах Узбека ты говоришь?

— Не только я, но и другие уже говорили здесь о Хорезме и о Мавераннахре. Но есть у него и более опасные враги. Один из них это ильхан [26]), на лучшие земли которого всё время посягает Узбек. Хулагиды знают, что если ничто не ослабит Золотую Орду, то Азербайджана им не удержать. Другой враг, — это Русь, которой Узбек причинил много зла. Русы многочисленны и храбры. Вы все знаете, как трудно было покорить их даже великому Чингизу, который шутя сметал со своего победного пути целые народы. Русь попытается сбросить власть Узбека, если ей представится удобный случай. Здесь, среди нас, сидит князь Карачей, — добавил Мубарек-ходжа, указывая на Василия и называя его так, как обычно называли все татары, которые не могли выговорить трудного для них слова "карачевский". — Это один из великих русских князей. Он бежал сюда, спасаясь от злобы и несправедливости Узбека и сам вам скажет, насколько сильна сейчас Русь и какой помощи мы можем от нее ожидать.

Василий, и не помышлявший о том, что ему придется говорить об этом на курултае, почувствовал некоторое замешательство. Он хорошо понимал, чего хочет Мубарек: ему нужно, чтобы он заставил ханов поверить, что Русь готова к восстанию против Золотой Орды и

---

[26]) Ильхан, что означает «повелитель народов» — титул царствующего хана династии Хулагидов. Между их государством и Золотой Ордой шла непрерывная борьба за обладание Азербайджаном.

ждет лишь подходящего момента. Но он не хотел утверждать того, во что сам не верил, и в то же время не желал своим выступлением повредить Мубареку, которому искренне сочувствовал. И потому он сказал:

— Ты молвил истину, великий хан: Русь сильна и каждый наш воин за любимую отчизну свою готов идти на смерть. Но на Руси нет еще единства и согласия. Немало у нас князей, которые хотели бы подняться против Узбека, но они знают, что другие их не поддержат, ибо есть среди них и такие, которые только узбековой милостью держатся на своих княжениях. Вот, к примеру, был у нас совсем недавно случай, когда один великий князь восстал на Узбека, а другой, вместе с татарскими темниками, снова привел его в покорность[27]). Однако, если на Золотую Орду пойдут войной другие её соседи, может статься, что и русские князья, позабыв свои распри, договорятся меж собой, чтобы вместе освободить родную землю. Промеж моим княжеством и Золотой Ордой лежат улусы других князей, но если они пойдут против Узбека, за своих людей я отвечаю: все, как один, встанут по моему зову. Моя же сабля ныне принадлежит тебе, великий хан, и только лишь против отчизны своей я ее никогда не подниму.

— На Русь опасно рассчитывать, — после короткого молчания сказал Хисар-мурза. — Она ненавидит не одного золотоордынского хана, а всех нас, татар. И если мы дадим ей случай освободиться от власти Узбека, нам придется снова её завоевывать.

— Коли не завоевывать, а оставаться добрыми соседями, будет лучше для обеих сторон, — возразил Василий. — Воли ищет каждый народ, и такую страну, как наша, всё одно навеки не поработить никому.

— Не о том сейчас речь, — вмешался Мубарек-ходжа, строго поглядев на Хисара. — Из всего здесь говоренного, каждому, кого Аллах не обидел разумом, ясно, что Золотая Орда не имеет ни одного соседа, кото-

---

[27]) Тут имеется в виду восстание Твери против золотоордынского наместника Чол-хана, в 1326 году, подавленное московским князем Иваном Калитой.

рый не хотел бы свести с нею счеты. Но это еще не всё: там и внутри назревает смута. У Узбека много сыновей и каждый из них мутит темников и воинов. И при первой же военной неудаче начнется резня за ханский престол.

— Это так, — промолвил хан Кидырь.

— В том, что всё сложилось столь благоприятно, — продолжал Мубарек, — виден перст Аллаха, указывающий нам путь. Нынешнее лето уже на исходе. Но если к началу следующего мы будем готовы в поход, и выступим все сразу, — к осени мы не только возвратим свое, но и добудем новые обширные пастбища, которые я по справедливости разделю между улусными ханами, оказавшими мне повиновение и помощь.

Этот ход Мубарека был хорошо рассчитан: у Чимтая и у Шейха-Орды, — поддержка которых была ему особенно нужна, — людей и коней было много, а удобных пастбищ не хватало. Их улусы лежали в песчаных и солончаковых землях, где к середине лета палящее солнце выжигало почти всю растительность и тогда начиналась беда. Лошадей приходилось сосредоточивать в редких оазисах, где они едва могли прокормиться в период засушья, а иногда не спасало и это; надо было униженно просить и задаривать более счастливых соседей, чтобы они позволили перегнать часть голодающих коней на свои земли.

Поэтому Шейх-Орда, до сего времени хранивший каменную неподвижность и не произнесший ни звука, — при последних словах Мубарека заёрзал на подушке и пробормотал:

— Что же, если все разом выступим, тогда конечно... Время, как будто, подходящее.

Но Чимтай, который был миролюбив и считал, что с Золотой Ордой, пока она сильна, лучше ладить по-хорошему и добиваться от неё послаблений путем хитрости и переговоров, — поборол соблазн и сказал:

— Я думаю, ты прав, великий хан, в том, что мы сейчас могли бы одолеть Узбека. Но эта победа стоила бы нам больших жертв, ибо Золотая Орда еще очень сильна. Зачем сегодня платить дорогой ценой за то, что

завтра и так будет наше? Узбек скоро умрет и тогда Тинибек ни одного дня не останется в наших степях: он уйдет сам, со всеми своими людьми, чтобы захватить ханский престол в Сарае. И ты, не потерявши ни одного воина, возьмешь обратно Сыгнак и все свои южные земли. А когда между сыновьями Узбека начнётся драка за ханский трон, — кто знает еще, не достанется ли он тебе или кому-нибудь из нашего рода, если мы к тому времени не растратим зря своих сил и если Аллах будет к нам милостив?

Эти слова произвели на всех присутствующих заметное впечатление. Только лишь Урус-хан, почти с презрением взглянул на отца и сказал:

— Аллах бывает милостив к отважным. И большие победы никому не доставались даром, также как никто еще не приходил к цели, оставаясь стоять на месте.

— Ты молод и неразумен, — строго сказал Чимтай. — Кто тебе говорит, что всегда надо стоять на месте? Бегать и прыгать умеет каждый мальчишка, но опытный охотник никогда не выскочит из засады и не побежит навстречу сайгаку[28]), если видит, что сайгак сам приближается к нему!

— Это истина, — вздохнув промолвил Шейх-Орда.

— Наверное к следующему лету Узбек уже умрет, — сказал хан Кидырь. — А если нет, то всё равно он долго не протянет. Один-два года можно и подождать.

— Если мне позволено будет сказать, — промолвил молодой хан Туй-ходжа, — зачем воевать с Золотой Ордой? Дешевле и легче будет, живя с нею в мире, подарками купить нескольких темников и с их помощью посадить на золотоордынский престол кого-нибудь из нашего рода. Тогда без всякой войны и Золотая Орда станет нашей.

— А через год её снова отберут золотоордынские ханы, — вставил Темир-ходжа. — Лучше покончить с нею одним ударом и сразу истребить родичей Узбека, всех до единого! — добавил он, сверкнув злыми рысьи-

[28]) Сайгак — вид среднеазиатской антилопы.

ми глазами. Но на его слова никто не обратил внимания.

Мубарек понял, что, за исключением Урус-хана, да может быть Темира-ходжи, все склонны поддержать предложение Чимтая. Поэтому он счёл более благоразумным прекратить сейчас обсуждение этого вопроса, надеясь до следующего собрания, путем личных переговоров и обещаний, договориться с каждым ханом в отдельности. Сделав вид, что он сам поколеблен, Мубарек-ходжа произнес:

— Во всем, что сказал почтенный хан Чимтай, тоже есть много разумного. Будет лучше, если мы сейчас не станем спорить. Пусть каждый хорошо подумает над тем, что сегодня слышал, а через несколько дней мы снова соберемся вместе и продолжим этот разговор. Аллах поможет нам принять правильное решение. Пока же будем праздновать и веселиться. — С этими словами хан поднялся с места, вполголоса отдал какие-то распоряжения своему везиру, а затем направился к выходу из шатра.

ГЛАВА 48

> **«Старайся, о сын, не влюбляться, ни в юности, ни под старость. Но если случится, слишком к этому не привязывайся и не занимай сердца постоянной любовной игрой, ибо повиноваться страсти — не дело разумных».**
>
> **Кей-Кавус ибн-Искендер,**
> **среднеазиатский писатель и мыслитель 11 в.**

Вслед за великим ханом, все участники курултая, потягиваясь и разминая ноги, затекшие от долгого сидения, молча вышли наружу.

На зеленой поляне, перед ханским шатром, слуги уже жарили на вертелах молодых барашков и готовили плов из дичи. Тут же, на смазанных жиром медных листах румянилась баклава, а в объемистых круглых противнях скворчали в бараньем сале благоухающие специями чебуреки. На коврах, расстеленных под тенистым деревом, были разбросаны подушки и расставлены низкие круглые столики. Чуть в стороне стояло десятка два рабов и рабынь, готовых прислуживать пирующим и разливать кумыс, вино и прохладительные напитки из высоких, серебряных и глиняных кувшинов, для охлаждения обернутых мокрым войлоком и выстроенных рядами тут же, под деревом.

Мубарек-ходжа прошелся по поляне, поглядывая на все эти приготовления и, видимо, остался доволен, ибо никому не сделал каких-либо замечаний. Затем не спеша направился под дерево и сел на ту же пышную связку белых овечьих шкур, которую слуги к этому вре-

мени принесли из шатра. По старому ордынскому обычаю, в походной обстановке такое сидение заменяло великому хану трон и было исключительно его прерогативой.

Пока не сел Мубарек, все остальные тоже оставались на ногах, сосредоточившись вокруг ковра и храня молчание. Теперь все принялись занимать свои места, — старшие и наиболее почтенные ближе к великому хану, а молодежь и те, кто не принадлежал к роду Чингиза, подальше. По знаку Мубарека, слуги принялись разносить гостям еду в серебряных мисках и наполнять кубки.

Еще раньше, чем все уселись и началось пиршество, сюда подошли жены и дочери участников курултая, одетые по праздничному и украшенные драгоценностями. Их было душ двадцать. С любопытством оглядев всех, Василий невольно задержался глазами на двух молодых женщинах, пришедших вместе и одетых почти одинаково. Обе они были очень красивы и тонкими, правильными чертами своих лиц совершенно не походили на монголок.

Старшей на вид было немногим больше двадцати лет, она была высока́, смугла и черноволоса, являя собой образец красоты скорее всего арабской. Младшая — стройная и легкая в движениях девушка, тоже темноволосая, отличалась от подруги более светлым цветом кожи и глазами, синими, как глубокие горные озёра. Прелестную головку ее украшала низкая шапочка из малинового бархата, расшитая жемчугом. Такого же цвета шальвары, завязанные у щиколоток, виднелись из-под золотисто-розового шелкового халата, почти скрывая под своими складками сафьяновые туфельки, на высоких красных каблуках. Женщины о чем-то оживленно разговаривали и Василию показалось, что обе они исподволь поглядывают на него.

— Кто эти двое? — спросил он, указывая на них стоявшему рядом эмиру Суфи.

— Старшая — это Кудан-Кичик, жена Туй-ходжи-оглана, — ответил эмир. — Она хорезмийка и моя дальняя родственница. А младшая — его сестра Фейзула, дочь хана Чимтая. Не правда ли красавица?

— Да... В кого только она удалась, такая синеглазая?

— Ее мать тоже хорезмийка, но бабушка была из Грузии, — наверно оттуда эти глаза и светлая кожа. К счастью для Фейзулы и для её будущего мужа, внешностью она ничего не унаследовала от своего отца, хана Чимтая. Хочешь, подойдём к ним?

— А можно?

— У нас в Хорезме обычаи много строже, там бы за это осудили, да и женщина никогда бы не вышла из дому с открытым лицом. А у татар иное, — тут это позволено. Иди за мной.

Приблизившись к молодым женщинам, Суфи-ходжа учтиво поклонился, сначала одной, потом другой.

— Да будет к тебе вечно милостив Аллах, благородная ханум Кичик, — сказал он, — и к тебе, прелестная ханум Фейзула! Да сохранит он на долгие годы небесную красоту вашу, которая сражает даже таких славных воинов, как мой друг, русский князь Карачей, — шутливо добавил эмир, жестом указывая на Василия, выступившего при этом вперед и склонившегося перед женщинами в почтительном поклоне.

— Значит ты угадала, Фейзула, — засмеявшись, сказала ханум Кичик.

— Да позволено мне будет узнать, в чем же именно не ошиблась мудрая ханум Фейзула? — спросил Василий, с улыбкой глядя в синие глаза девушки.

— Как только мы тебя увидели, князь, — поблескивая зубами ответила бойкая Кичик, — Фейзула сразу сказала, что только русский может быть так...

— Я сразу догадалась, что князь русский, — поспешно перебила покрасневшая Фейзула, бросив при этом на подругу укоризненный взгляд.

— Как же ты это узнала, ханум?

— Я была с отцом в Сарае-Берке и видела там одного русского князя и его нукеров... А в детстве за мною ходила русская рабыня и она мне много рассказывала о своем народе. Она даже учила меня по-русски говорить, — с улыбкой добавила Фейзула.

— И ты что-нибудь помнишь, ханум? — спросил Василий.

— Немного слов помню.

— Ну, тогда скажи мне что-либо, ладушка синеокая, — по-русски попросил Василий. Он так и не узнал, поняла ли Фейзула его последние слова. Но первые во всяком случае поняла, ибо, минуту подумав, вскинула на него сияющий взгляд и медленно произнесла по-русски:

— Русқы очен карош человэк, — и весело засмеявшись убежала к группе стоявших поблизости женщин.

ГЛАВА 49

«Взаимоотношения татарских кочевых феодалов и их вассалов были основаны на принципе военного подчинения попавших в зависимость племен и родов, разделенных на десятки, сотни, тысячи и тумены. При этом темник получал такое количество кочевых хозяйств, которое могло выставить 10 000 воинов, тысячник соответственно 1 000 и т. д.

Таким образом, тумен это не просто количество воинов, а такое владение, которое может эти десять тысячь воинов выставить».

Проф. Г. А. Федоров-Давыдов,
«Общественный строй Золотой Орды».

Прошло около месяца, зеленый покров степей заметно поблек, а местами подернулся серебристой сединой созревшего ковыля. Уже перевалило за середину августа, а ханы всё еще не пришли к какому-либо соглашению. Тщетно Мубарек-ходжа беседовал с ними поодиночке, играя на их слабых струнах, не скупясь на обещания и перечисляя все выгоды безотлагательного выступления против Золотой Орды. Достиг он весьма немногого: кроме Урус-хана, ему удалось склонить на свою сторону хана Кидыря и его сына Темира-ходжу. Но это увеличивало его собственные силы всего на четыре тумена.

Каждый из улусных ханов был в то же время и темником. Но некоторые из них имели по несколько туменов, которые возглавлялись их сыновьями или людьми

им совершенно преданными. Чимтай и Туй-ходжа-оглан располагали пятью туменами и, сверх того, большим излишком конского поголовья; Шейх-Орда и Кутлук-ходжа имели по два. И эти девять туменов, иными словами девяносто тысяч всадников, ускользали из рук Мубарека, ибо Чимтай упорно продолжал стоять на своем, Шейх-Орда соглашался выступить только в том случае, если пойдут все, а Кутлук-ходжа всегда равнялся по Чимтаю.

Мубарек, негодуя в душе и предвкушая момент, когда можно будет свести со строптивыми ханами счеты, всё же пока не хотел обострять с ними отношений. Лучше было на год или на два отложить поход и сохранить их поддержку, чем идти напролом и обратить их в своих врагов. Взвесив всё это, он, чтобы не ронять своего достоинства, решил сделать вид, что доводы Чимтая его убедили и он согласен ничего не предпринимать до смерти Узбека, но с тем, чтобы после этого выступить немедленно и всем сразу.

Однако, надеясь на то, что какие-нибудь непредвиденные события могут еще изменить настроение ханских умов, — он всячески оттягивал последнее собрание курултая и разъезд своих гостей. Почти ежедневно устраивались теперь празднества, скачки, всевозможные состязания и общие охоты, которые заканчивались пиршеством в стойбище кого-либо из ханов.

Во время всех этих развлечений, Василию не раз случалось встречаться с Фейзулой и даже обмениваться с нею несколькими, обычно шутливыми фразами. С каждой новой встречей эта весёлая, быстрая как газель, девушка нравилась ему всё больше и вскоре он с удивлением и даже с некоторой досадой почувствовал, что она прочно овладевает его помыслами. Он видел, что Фейзуле тоже приятны их встречи, ибо она была настолько безыскуственна, что даже не пыталась этого скрыть: обнаружив его в толпе гостей, взгляд ее всегда зажигался откровенной радостью.

Но однажды, на празднестве устроенном в стойбище у хана Чимтая, отыскав её взором в группе женщин, Василий был поражен происшедшей в ней переменой. Правда, она, как всегда, улыбнулась ему, но сейчас же глаза ее отразили такую скорбь, что у Василия защемило сердце. Он понял, что с нею случилось что-то неприятное и смутно почувствовал, что это имеет какое-то отношение и к нему. Василий хотел расспросить её, но этого сделать не удалось: с ним в этот момент разговаривал Урус-хан, почему-то проникшийся к нему особой симпатией, а когда он, наконец, отделался от своего собеседника, Фейзулы поблизости уже не было.

На следующий день, воспользовавшись тем, что Туй-ходжа-оглан предлагал ему обмен конями, Василий с утра отправился в стойбище Чимтая, надеясь встретиться с Фейзулой.

Ожидание его не обмануло: закончив сделку и возвращаясь назад по берегу озера, он увидел девушку сидящей у самой воды. Охватив руками колени, она задумчиво наблюдала, как её пятилетняя сестренка, радостно взвизгивая и поднимая каскады брызг, гонялась по отмели за мелкой рыбёшкой, стараясь поймать ее небольшой корзинкой.

Василий подошел и поздоровался. Фейзула, как обычно, ответила приветливо, стараясь казаться веселой и беззаботной. Но это ей плохо удавалось: Василий сразу понял, что её продолжает угнетать какая-то тяжелая дума.

— Что с тобою, маленькая ханум? — участливо спросил он, после того как они обменялись несколькими незначительными фразами. — Еще вчера я заметил, что тебя что-то гнетёт. Я друг тебе. Поведай, какое горе тебя постигло и может быть мы вместе придумаем, как его прогнать.

— Это тебе показалось, князь — деланно засмеявшись ответила Фейзула. — Нет у меня на сердце никакого горя.

— Твои глаза говорят другое, ханум.

— Это как погода, князь: иногда в душе светит

солнце и тогда глаза смеются. Но бывают и облачные дни...

— Облака приносит ветер, — сказал Василий беря девушку за руку, — и печаль тоже не приходит сама собой. Скажи, что её принесло тебе?

— Наверное тоже ветер, — не сразу ответила Фейзула. — Но он уже и унёс её. Гляди, я снова весёлая, — добавила она, поднимая глаза на Василия. Глаза улыбались, но за этой улыбкой князь разгадал едва сдерживаемые слёзы.

— Фейзула-джан, — сказал он, крепче сжимая её руку, — зачем ты меня обманываешь? Если не хочешь сказать правду, не говори. Я ведь понимаю: кто я для тебя, чтобы ты стала поверять мне свои тайны? Но верь, я расспрашиваю тебя не из любопытства, а лишь потому, что всею душою желал бы помочь твоему горю, коли оно у тебя есть.

— Я верю тебе, князь, сдавленным голосом ответила Фейзула, почти вырывая свою руку из руки Василия и быстро отворачиваясь, чтобы скрыть выступившие слёзы. — Может быть после я тебе всё скажу... А сейчас прощай, мне надо уходить. Нехорошо будет, если нас тут увидят вдвоём. — С этими словами она порывисто вскочила и подхватив на руки удивлённую девочку, почти бегом кинулась к табору отца.

Василий проводил её недоуменным взглядом и долго еще стоял на берегу застывшего в летнем зное озера, пытаясь разобраться в себе и понять, что происходит с девушкой. На мгновение в его голове промелькнула смутная догадка, но он сейчас же отбросил её, как совершенно неправдоподобную. Нет, здесь что-то иное... И это надо непременно выяснить. Решив при первой же встрече возобновить с Фейзулой прерванный разговор и добиться ее откровенности, он медленно побрёл к своему шатру.

Но осуществить это намеренье оказалось нелегко: девушка его старательно избегала, как бы страшась предстоящего разговора или еще чего-то, чего Василий понять не мог. Издали она ласково ему улыбалась, но

едва он делал шаг по направлению к ней, она стремительно исчезала.

После двух-трех неудачных попыток, уязвленный Василий больше не пробовал к ней приблизиться, стараясь вообще о ней не думать. Однако в этом его воля была бессильна: что бы он в эти дни ни делал, — образ Фейзулы неотступно стоял в его памяти.

Однажды вечером, когда на притихшую степь уже наплывали легкие сумерки, Василий вышел из своего шатра и задумчиво постояв на берегу озера, в котором медленно тускнели краски заката, — безотчётно побрёл к тому месту, где он в последний раз встретился с Фейзулой.

Еще издали он увидел её, но она была не одна: с нею разговаривал, стоя спиной к Василию, какой-то высокий мужчина. Их слов он не мог расслышать, но ему хорошо было видно бледное, взволнованное лицо девушки, с глазами смотрящими в землю. Василий, внезапно почувствовав острый укол в сердце, сперва хотел бесшумно удалиться, но желание узнать с кем разговаривает Фейзула, было настолько сильно, что, вместо этого, он громко кашлянул.

Вскинув на него испуганный взгляд, девушка тихо вскрикнула и бросилась бежать. В тот же миг её собеседник быстро обернулся и Василий с удивлением узнал вспыхнувшее гневом и ненавистью лицо Хисара-мурзы. Взглянув на него, как на пустое место, Василий повернулся и медленно зашагал назад.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Сначала всё ему казалось ясным: Фейзула любит Хисара и так печалилась лишь потому, что он не обращал на неё внимания. Ну, а теперь они, видно, договорились, стало быть и дело с концом...

Однако, поуспокоившись, он вспомнил с каким выражением лица Фейзула слушала Хисара и мысль его сразу ударилась в противоположную крайность: этот человек имеет над ней какую-то непонятную власть, он ей угрожает и именно от него нужна ей защита. Может быть она сегодня и пришла на то место в надежде, что

туда явится он, Василий, и она расскажет ему всё, как обещала? А Хисар её подстерег... Конечно, это так! Не может такая девушка любить этого дрянного, злобного человека, по возрасту годящегося ей в отцы! — Надо будет завтра же встретиться с Фейзулой и во что бы то ни стало поговорить с ней начистоту.

Заснув с этой мыслью, Василий, против обыкновения, проснулся поздно и приведя себя в порядок, тотчас отправился на вчерашнее место, думая, что если Фейзула приходила туда надеясь на встречу с ним, — она придет и сегодня, ибо видела, что он тоже ищет этой встречи. Но её там не оказалось.

Тщетно прождав около часу, он за кустами подошел к стойбищу Чимтая и оставаясь невидимым, долго еще высматривал, не появится ли Фейзула из какого-нибудь шатра. Потеряв, наконец, всякую надежду и собираясь уже возвращаться домой, он вдруг увидел ханум Кичик, шедшую к кибитке, которая стояла в нескольких шагах от того места, где он скрывался. Вспомнив, что Кичик близкая подруга Фейзулы и чувствуя к этой женщине симпатию и доверие, Василий, не долго думая, вышел из-за кустов и направился прямо к ней.

— Привет тебе, достойнейшая и благородная ханум, — сказал он, почтительно поклонившись молодой женщине.

— Это ты, князь? — с удивлением воскликнула Кичик. — Что ты здесь делаешь? Если подстерегал меня, то смотри, мой муж ревнив, как два шайтана! — со смехом добавила она.

— Прости меня, ханум, если я зря подвергаю тебя такой опасности, — ответил Василий, невольно и сам впадая в шутливый тон. — Я бы никогда не осмелился поднять свой недостойный взор на прекраснейшую и добродетельную жену почтенного Туй-ходжи-оглана. Меня привела сюда иная причина.

— Какая же? — с любопытством спросила Кичик.

— Я надеюсь на твою скромность, ханум и на то, что ты не истолкуешь дурно моих намерений: я хотел увидеть Фейзулу.

— Вот как! — удивленно протянула Кичик. — Ка-

кими же побуждениями вызвано это не совсем обычное желание?

— Верь мне, ханум, — самыми чистыми! Я заметил, что последние дни она была очень печальна. И подумал: может быть с нею случилась какая-то беда и ей нужна помощь друга.

— Ах, ты всё-таки заметил, что последние дни она была печальна? — с легкой насмешкой в голосе спросила Кичик. — Ты очень наблюдателен. Может быть ты понял также, почему она была печальна?

— Этого я не знаю, ханум и именно это я хотел бы выяснить. Не могла бы ты оказать мне милость и позвать сюда на минутку Фейзулу? Если тебе моя просьба кажется нескромной, прошу и тебя возвратиться: я буду говорить при тебе.

— Фейзула выйти не может, — после короткого раздумия ответила Кичик: — она больна и лежит в своем шатре.

— Она больна? — с тревогой воскликнул Василий. — Что с нею приключилось, ханум?

— О, ничего опасного, — ответила Кичик, взглянув на него потеплевшим взглядом. — Просто она много плакала и у нее голова болит. Это скоро пройдет. Но для того, чтобы узнать причину её печали и слёз, тебе вовсе не нужно с нею видеться. Всё это я могу объяснить тебе гораздо лучше, чем она сама.

— Сделай такую милость, добрейшая ханум!

— Так слушай: к Фейзуле сватается хан Хисар. Он уже два раза говорил ей о своей любви и о том, что хочет просить у Чимтая её руки. И если он до сих пор этого не сделал, то лишь потому, что надеется сначала уломать Фейзулу: он боится, что Чимтай не отдаст ему дочь без ее согласия. Но Чимтай ее ни о чем не спросит и Фейзула это знает. Хисар-мурза хорошая партия: он очень высокого рода и вероятно будет царствовать в Мавераннахре. Если он попросит Фейзулу в жены, Чимтай ему не откажет и своё обещание сдержит, что бы потом ни случилось: он честен и упрям как бык! Понимаешь теперь?

— Не совсем: почему же Фейзула так убивается, если Хисар столь завидный жених? Будет она царицей Мавераннахра, — с горечью добавил Василий.

— Потому убивается, что любит другого, — строго сказала Кичик.

— А этот другой?

— А этот другой или слеп, или не считает Фейзулу достойной своего внимания.

— Кто же этот ротозей? — пробормотал Василий.

— Я думала, что вы, русские, умнее! — расхохотавшись ответила Кичик.

— Погоди, ханум! Что ты хочешь этим сказать? воскликнул пораженный Василий.

Что она любит тебя, князь. И вот подумай теперь, каково ей сидеть и ожидать, что всякую минуту к Чимтаю может явиться ненавистный ей Хисар-мурза и получить её в жены, пока ты ходишь по берегу озера и вздыхаешь!

— Она сама тебе сказала, что любит меня?

— Ничего она мне не говорила. Но я женщина и у меня, благодарение Аллаху, глаза на месте.

— И ты уверена, что не ошибаешься?

— Так же уверена, как и в том, что говорю сейчас с самым недогадливым мужчиной, из-за которого даже обидно будет получить нагоняй от мужа, если он нас увидит!

— Ты всё шутишь, ханум! А что же мне теперь делать?

— Это уж тебе виднее. Можешь поплакать вместе с Фейзулой над её горькой долей или предложить себя в няньки её детей от Хисара.

— Да брось ты свои насмешки, ханум! Скажи лучше, отдаст её за меня хан Чимтай, ежели я посватаюсь?

— Думаю, что отдаст, если ты опередишь Хисара и если Фейзула скажет, что тебя любит. Но надо действовать быстро: у Хисара-мурзы глаза позорче твоих. Он наверняка уже кое-что заметил.

— Погоди... ведь сперва надобно с нею поговорить. Нельзя же прямо идти к Чимтаю... Сегодня после обеда назначено последнее собрание курултая. Мне там

делать нечего, а ханы пойдут все и Хисар-мурза тоже. Самое время для нашей встречи. Ты мне вызовешь Фейзулу на берег озера?

— Вызову, князь. Вот теперь я начинаю чувствовать, что говорю с мужчиной.

— Ладно, ханум. Скажи ей, что буду ждать на том самом месте, где мы с нею уже встречались.

— И больше ничего не говорить?

— Еще скажи, что уже веет ветер, который без следа разгонит все тучи... Впрочем, не говори ничего, я сам скажу! Только придет ли она?

— В том положись на меня, князь. Придет.

— И ты думаешь, всё обойдется, как надо?

— Аллах милостив, но он не любит тех, кто в этом сомневается. Дело в твоих руках, князь.

— Ну, тогда прощай, ханум Кичик! Спаси тебя Аллах за всё!

И Василий поспешно зашагал к своему шатру.

ГЛАВА 50.

«И скажите женщинам верующим: пусть они потупляют взоры и прячут свои члены, пусть закрывают покрывалом вырезы на груди и пусть не показывают своих прелестей никому, кроме как своим мужьям или отцам своих мужей, или сыновьям мужей, или своим братьям и сыновьям братьев, или тем слугам из мужчин, которые не могут иметь желания, или детям, которые еще не постигли наготы женщины. Обратитесь к Аллаху, вы, верующие, и может быть вы окажетесь счастливыми». [29])

Коран.

— Женюсь, Никитушка! — без всяких предисловий объявил Василий, входя в шатер, где в это время Никита, сидя на обрубке дерева чинил уздечку.

— На Фейзуле? — спросил Никита, поднимая голову, но не обнаруживая никаких признаков удивления. — Уже и сговорились?

— На ней, — ответил озадаченный Василий, рассчитывавший ошеломить друга этим известием. — А ты как догадался?

---

[29]) Отсюда идет обычай носить чадру и длинные, мешковатые одежды, скрывающие фигуру женщины. Он строго соблюдался в Аравии и в других мусульманских странах, но татары, принявшие ислам только в 13 веке, в течение по крайней мере двухсот первых лет, его не соблюдали, — женщины у них одевались нормально и пользовались относительной свободой.

— Да нешто я слепой, или тебя не знаю, Василей Пантелеевич? Ты бы и так перед нею едва ли устоял, а тут еще целый год других баб не видел.

— Ну, и что ты скажешь?

— Да что ж тут говорить? Видать, девушка она хорошая, собою красавица, к тому же еще и царского роду. За такую княгиню не стыдно будет ни в Карачеве, ни в Брянске. Мне она, к примеру, куда более глянется, нежели Ольга Юрьевна Муромская.

— А ничего, что она татарка?

— Да что ж с того? Мало ли русских князей на татарках женилось? Сам великий князь московский, Юрий Данилович на узбековой сестре был женат. А ярославский князь, Федор Ростиславич! А суздальский, Михайло Андреевич! А Глеб Василькович Белозерский! Его жену татарку, во святом крещении нареченную Феодорой, вся Русь оплакивала, как она преставилась. Ныне, слыхать, церковь наша её к лику святых сопричислить хочет. А сколько одних ростовских князей на татарках переженилось! А у холмских, у городецких, у стародубских нешто того не бывало? Да всех и не переберёшь!

— Стало быть, одобряешь?

— Да жениться тебе ведь надобно, Василей Пантелеич, не век же бобылем станешь жить! А до русских невест, кто еще знает, когда мы доберемся. К тому же, тебе сейчас много сподручнее взять за себя ордынскую царевну: в твоем деле не малую вагу[30]) будет иметь родство с татарскими ханами!

— Может и так, да я про то и не думал. Тут главное дело в том, что люба она мне, Никита, и я ей люб! Этой от меня не надобно Черниговского княжества, как Ольге Муромской, и в ней ни хитрости, ни корысти нет. Пойдет за меня, за изгнанника, каков я есть!

— Значит, вы уже вовсе сладились?

— В том-то и горе, что еще не вовсе, — сразу помрачнев ответил Василий, и рассказал подробно о всех последних событиях.

---

30) Вага — вес, важность, значение.

— Эх, опять этого чагатайского пса на нашу дорогу сунуло! — с досадой сказал Никита, выслушав всё.

— Кабы не он, как всё было бы ладно. А теперь жди, чего он вычинит, когда узнает как дело-то обернулось. Гляди, еще и нож в спину получишь!

— Ну, мы тоже не лыком шиты, чай он нашу первую встречу помнит! Сейчас мне не нож его страшен, а то, как бы он прежде меня Фейзулу не посватал.

— Едва ли он в том успеет, коли мы сами не оплошаем. Покуда он будет на курултае, ты договорись с Фейзулой, а там сразу и к Чимтаю. Я же с Хисара глаз не спущу, доколе ты дела не завершишь. И ежели он полезет куда не надо, ужо сумею его попридержать.

— Как же ты его придержишь?

— Да это как случится. В крайности прикинусь пьяным и затею с ним свару. И ежели легонько ему рыло подправлю, к Чимтаю он не пойдет, ни сегодня, ни завтра.

— Лучше бы без этого. Но коли уж до такого дойдет, гляди, не перестарайся. Все ж таки он не простой татарин, а хан.

— Будь спокоен, Василей Пантелеевич и делай с Богом, своё.

* * *

Василий, сидя в своем шатре и поминутно выглядывая наружу, еле дождался начала курултая, — каждый протекающий час казался ему вечностью. Наконец, все ханы были в сборе, среди них находился и Хисар. Едва они вошли в шатер Мубарека, Василий поспешно пустился в путь и через десять минут был уже на условленном месте.

Фейзулы тут еще не было, но ждать ее пришлось недолго. Она пришла бледная и, видимо, сильно волновалась, хотя глаза ее сияли радостью. Сделав несколько быстрых шагов навстречу, Василий взял ее за обе руки.

— Фейзула-джан! Как я рад тебя видеть!

— И я рада, князь, — еле слышно промолвила девушка, потупив глаза и не отнимая у Василия рук.

— Если бы ты была так рада, то не убегала бы от меня все эти дни, как джейран!

— Разве тебе Кичик не сказала...

— Погоди! Я хочу раньше знать, что она сказала тебе?

— Мне? Сказала, что ты передал: начался ветер, который разгонит все тучи.

— И больше ничего?

— Еще, чтобы я пришла сюда, на озеро, как только начнется курултай... А тебе она что сказала?

— Что ты грустишь и плачешь потому, что Хисар-мурза хочет у хана Чимтая просить тебя в жены, а ты любишь другого.

Руки Фейзулы похолодели и мелко задрожали в ладонях Василия.

— И она сказала кого? — после довольно долгой паузы, почти беззвучно прошептала девушка.

— Погоди, джан... Теперь я скажу: этот другой много раз уже хотел тебе сказать, что он тебя любит всем сердцем и был бы счастлив назвать своей женой. Но кричать об этом через всю степь он не мог, а близко к себе ты его не подпускала.

— Я боялась! Боялась, что если Хисар-мурза нас увидит вместе, он всё поймет и сейчас же пойдет к отцу! — воскликнула Фейзула, поднимая на Василия глаза, затуманенные слезами и счастьем. Он мягко потянул её к себе и она, покорно подавшись вперед, прильнула лицом к его груди.

— Глупенькая моя, — ласково сказал Василий, гладя ее волосы. — Так бы ты и бегала от меня, а я бы правды не знал и мучился, нивесть что думая, покуда Хисар бы тебе не высватал!

— Я хотела сказать. И вчера шла на озеро, чтобы тебя увидеть... Я знала, что ты туда придешь. Но раньше тебя пришел Хисар, да отвернется от него Аллах!

— Так ты пойдешь за меня замуж?

— И ты еще спрашиваешь!

— Слушай, Фейзула-джан! Я хочу, чтобы ты знала

всё: хоть и князь по имени, я бедный изгнанник, у меня ныне ничего нет. Мое княжество у меня отняли злые враги, на их стороне сила, и Бог знает, получу ли я его когда-нибудь обратно. А Хисар, говорят, будет царствовать...

— Пусть шайтан заберет его, вместе с царством! А за тебя я пойду, если бы даже был ты последним пастухом! — воскликнула Фейзула, крепче прижимаясь к Василию.

— Ну, спасибо, солнышко мое, женушка моя маленькая, — растроганно промолвил Василий, обнимая девушку и нежно целуя её глаза. — Теперь кончено, никому тебя не уступлю! Только бы твой отец согласился.

— Он согласится! Он о тебе хорошо говорил, и братья тоже. Лишь бы только Хисар не пришел к нему раньше тебя.

— Не успеет. После курултая у хана Мубарека сразу начнется празднество, там Хисар говорить с твоим отцом не сможет. А когда хан Чимтай вернется домой, я уже буду стоять у его шатра.

— Да поможет нам Аллах, князь! Только бы там, на пиру, Хисар с отцом не заговорил.

— Того не бойся, друг мой Никита не даст ему говорить. Мы с ним о том уже подумали. А ты пойдешь на праздник?

— Не пойду. Я сразу себя выдам. Лучше, сказавшись больной, останусь дома и буду молиться, чтобы всё хорошо кончилось.

— Да, пожалуй так будет разумнее. Только ты зря не терзай себя, звездочка. Всё будет по-нашему, я уж знаю! В крайности тайком тебя увезу. Не побоишься?

— С тобою я ничего не побоюсь!

— Ну, вот и ладно! Только теперь ты иди, джан, и я пойду. Всё же лучше, чтобы пока нас вместе не видели.

ГЛАВА 51.

«О, создание Аллаха! Ты не думаешь о мстителе, желающем расплаты и от гнева лишенном сна. Ты пробудил его, а сам заснул. Он же не спит от ярости против тебя, да и какой сон у человека, пылающего местью?»

Усама́ ибн-Мункыз,
арабский писатель 12 в.

Возвратившись домой, Василий поведал Никите всё, что ему сказала Фейзула.

— Славная будет у тебя княгинюшка, — выслушав его промолвил Никита. — Видишь, как Господь всё устраивает! Чаял ли ты в татарской орде свое счастье сыскать? Так уж я рад за тебя, Василей Пантелеевич!

— Ты погоди радоваться. Что еще скажет Чимтай?

— Небось, согласится, чай он своему детищу не враг. А ты-то знаешь с чем к нему надобно идти и как говорить? Ин у татар, как и у нас, для сватовства тоже свои обычаи есть. И лучше бы их ненароком не порушить.

— Истину кажешь! Об этом я вовсе и не помыслил. Да то не беда, всё что надобно я в миг сведаю.

Едва лишь закончился курултай и все его участники уселись под деревом пить кумыс и угощаться, Василий, тоже пришедший сюда, отвёл в сторону эмира Суфи, рассказал ему всё, без утайки и просил совета — как быть с ханом Чимтаем?

Выслушав его, Суфи-ходжа пришел в полный восторг.

— Ай, удалец ты, князь! — воскликнул он. — Какую жену себе отхватил! Теперь ты совсем наш будешь!

— Да ведь еще не отхватил, аньда. Что мы с Фейзулою слюбились и она за меня согласна идти, это только полдела. Что еще Чимтай скажет? Надо с ним как-то сладиться и притом поскорее, пока Хисар не подъехал.

Суфи-ходжа задумался и думал довольно долго. Потом сказал:

— Чимтай тебе едва ли откажет: ты большой князь и родство с тобою его не унизит. Что ты другой веры, — на это он тоже не посмотрит. Татары и сами до сих пор не все ислам приняли, даже среди ханов осталось еще немало язычников, а есть и такие, что в христианскую веру перешли. И бояться надо не этого...

— А чего же? — с тревогой спросил Василий.

— Того, что Чимтай упрям. Я его хорошо знаю. Если попадешь ты не в добрый час и у него с языка сорвется "нет", всё пропало: никакая сила после не заставит его сказать "да". И потому надобно сразу найти к нему верный подход.

— Какой же подход?

— Погоди... Я вот что думаю: великий хан Мубарек тебя любит. Проси его высватать тебе Фейзулу. Ему Чимтай не откажет, особенно сегодня: на курултае Мубарек ему уступил, поход решено отложить до смерти Узбека. Но Чимтай не глуп, — он хорошо понимает, что великий хан в душе затаил на него зло. И ему теперь надо чем-то угодить Мубареку.

— Твой совет хорош, — сказал Василий, — но вот беда: эдак время упустить можно. К Мубареку сейчас не подступишься, он, поди, до ночи с гостями просидит, а с Чимтаем, на хороший конец, будет говорить лишь завтра. Хисар же чует неладное, он зря времени не потеряет.

— Понимаю, аньда. Но сегодня будет большой праздник, по случаю окончания курултая. Скоро начнутся скачки. Хисар непременно будет скакать, он уже хвастал, что такого жеребца достал, которого во всей

нашей орде никто не обгонит. Ну, а ты откажись участвовать, скажи, что конь захромал, либо еще что. И в это время я постараюсь так сделать, чтобы великий хан тебя тут же выслушал. Тогда говори ему всю правду, и про Хисара тоже скажи.

— Спаси тебя Аллах, эмир! Ну, а ежели сегодня не выйдет разговор с великим ханом?

— Тогда, делать нечего, пойдешь к Чимтаю сам, коли боишься ожидать до завтра. Я тебя научу, как и что ему говорить.

Для Василия потянулись мучительно медленные минуты. Полтора часа, прошедшие до начала скачек, показались ему бесконечными. Но зато потом счастье ему улыбнулось: Мубарек-ходжа, Чимтай и несколько других пожилых гостей не поехали в степь, наблюдать за скачками, а остались сидеть под деревом, о чем-то беседуя и потягивая кумыс.

Через несколько минут Мубарек поднялся и зачем-то вошел в шатер. Эмир Суфи-ходжа, не спускавший с него глаз, сейчас же проскользнул туда, вслед за ним. Сердце Василия застучало в груди, как молот. Но довольно скоро Суфи вновь появился на пороге шатра.

— Князь Карачей! — громко крикнул он. — Великий хан Мубарек-ходжа, да продлит Аллах его драгоценные дни, желает говорить с тобой!

Все сидевшие под деревом тревожно переглянулись, полагая, что русский князь чем-либо разгневал великого хана. Василий вскочил и почти бегом кинулся к ханскому шатру.

— Суфи-ходжа мне доложил, что у тебя есть ко мне важное и спешное дело, — сказал Мубарек, когда Василий вошел и низко склонился перед ним. — Если оно коротко и вправду важно, я готов тебя выслушать сейчас, а если нет, приходи ко мне завтра.

— Прости, великий и милостивый хан, что я осмелился посягнуть на священные минуты твоего отдыха, — ответил Василий. — Дело у меня личное, но для меня оно важнее жизни. И не с ханом и повелителем я сейчас хочу говорить, а с отцом, который только один и может мне помочь.

Эти слова понравились Мубареку. Почти ласково взглянув на Василия, он сказал:

— Говори, князь. До сих пор ты ничего у меня не просил, и если я в силах исполнить эту первую твою просьбу, можешь считать, что она исполнена.

Поблагодарив хана и стараясь быть кратким, Василий изложил ему сущность своего дела. Мубарек слушал внимательно, лицо его не изменяло своего благосклонного выражения.

— Она тебя тоже любит? — спросил он, когда Василий кончил.

— Любит, великий хан. Даже соглашалась бежать со мною, если хан Чимтай её мне добром не отдаст.

— Ну, в этом надобности у вас не будет. А ты, женясь на ней, примешь ислам?

— Как могу я сделать это, великий и мудрый хан? Ты бы первый не уважал человека, который, ради женщины, отрекся от веры отцов. Да есть и другое: народ мой не примет меня обратно князем, коли я от нашей веры отступлюсь.

— Это правда, — немного подумав сказал Мубарек-ходжа. — Но ты согласен, чтобы вас соединил мулла?

— Вестимо, согласен! Бог у нас один, а что до прочего, — я вашу веру уважаю, как и татары нашу уважают. То уж после, коли вернемся мы на Русь, жене моей надобно будет принять православие, и в другой раз обвенчаться со мною у нашего попа.

— Чтобы покрепче было? — улыбнулся Мубарек. — Ну, ты выйди и обожди у моего шатра, я тебя скоро опять позову. А ко мне покличь Суфи-ходжу.

Эмир Суфи не долго оставался в ханском шатре. Выйдя оттуда, он подошел к дереву, возле которого разомлевший Чимтай лениво тянул кумыс и с низким поклоном сказал:

— Сиятельный хан Чимтай! Наш повелитель, великий хан Мубарек- ходжа, да прославится его имя по всей земле, просит тебя зайти к нему в шатер.

Встревоженный столь торжественной формой этого

приглашения, Чимтай поставил свой недопитый кубок, оправил халат и поспешно засеменил к шатру Мубарека.

Прошло минут пятнадцать. Василий сидел как на раскаленных угольях, — ведь там решалась его судьба. Наконец появился эмир Суфи и позвал его в шатер. Едва он взглянул на ханов, у него сразу отлегло от сердца: Мубарек поглаживал бороду, что у него служило признаком хорошего настроения, бабье лицо Чимтая благодушно улыбалось.

— Ну, князь, — сказал Мубарек, — можешь радоваться: почтенный хан Чимтай, мой славный племянник, рад породниться с тобой.

Василий, не находя слов от охватившего его радостного волнения, молча поклонился своему будущему тестю почти до земли.

— Было у меня три сына, — сказал Чимтай, — пусть теперь будет четыре! Отдать дочку и получить сына, это не плохая сделка, — захохотал он и похлопал Василия по плечу.

— Так вот — продолжал Мубарек, — завтра же вас мулла и обвенчает. Я хотел дать за тебя калым,[31]) но хан Чимтай отказывается. Он говорит, что калым ему отдашь после, когда получишь назад свое княжество.

— А если не получишь, внуками мне калым отдашь! — снова хохотнул Чимтай, успевший уже изрядно нагрузиться кумысом.

Василий, к которому возвратились дар речи и ясность мыслей, хотел было что-то сказать, но хан Мубарек остановил его движением руки.

— Погоди, я еще не кончил, — сказал он. — Теперь ты наш родственник и пока живешь с нами, тебе подобает иметь свой улус. Я даю тебе все пастбища и леса, которые лежат по реке Исети и ее притокам.[32]) Это хорошие места. Они находятся ближе всего к русским

---

[31]) Калым — традиционный у татар выкуп за невесту.

[32]) Восточная половина позднейшей Пермской губернии, часть Оренбургской и часть Тобольской.

землям и в то же время далеко от Золотой Орды. Там тебя никто не будет беспокоить, если даже Узбек удержится в Сарае и проживет долго.

— А я дам три тысячи коней и три тысячи овец, — икнув добавил Чимтай.

— Да пошлет тебе Аллах сто лет счастливой жизни, за доброту твою и милость, великий хан, — промолвил растроганный Василий. — И тебе тоже, отец мой, почтенный хан Чимтай! Только зачем мне всё это? Ведь я все равно к себе на родину вернусь и чаю, что это будет невдолге.

— Только один Аллах знает будущее. Если вернешься, этот улус перейдет к хану Чимтаю, как твой калым, — сказал Мубарек. — А пока ты здесь, ты должен жить как подобает князю и нашему родственнику.

— Как моему сыну, — добавил Чимтай.

— А где Фейзула? — спросил хан Мубарек. — Я что-то не видел её сегодня среди других женщин.

— Она была немножко больна и осталась в своем шатре, — сказал Чимтай. — Теперь я понимаю, какая это болезнь!

— Сейчас выздоровеет, — усмехнулся Мубарек. — Пошли за ней кого-нибудь, пусть не медля придет сюда. А мы снова пойдем к гостям.

Оба хана и Василий вышли из шатра и уселись на ковре, под деревом. Все их переговоры заняли не более получаса и скачки только что закончились. Всадники на разгоряченных конях, группами и по-одиночке возвращались с поля и спешиваясь у дерева, занимали свои места.

— Кто же победитель? — поинтересовался Мубарек-ходжа.

— Хисар-мурза! — ответило сразу несколько голосов.

Мубарек, с едва приметной усмешкой покосился на самодовольное лицо чагатайского хана. То, что он при этом подумал, вполне точно выразил эмир Суфи, шепнувший сидевшему рядом с ним Василию:

— Этот победитель не знает, как его самого здесь тем временем обскакали!

Часа через пол, Василий, всё время поглядывавший на тропинку, которая вела сюда из стойбища Чимтая, увидел, наконец, Фейзулу. Ее вид поразил его: она приближалась походкою человека, приговоренного к казни, понурив голову, бледная как смерть.

У нее почти не было сомнений относительно того, зачем отец вызвал ее в ханский шатер, да еще велел одеться понаряднее. О том, что причиной этого является Василий, ей не приходило в голову: ведь он должен был говорить с Чимтаем только по окончании празднества, в его собственном шатре. Значит, Хисар-мурза его опередил, он высватал её там же, сразу после курултая, и теперь её позвали, чтобы объявить грозную волю отта и навеки отдать ненавистному человеку.

Приблизившись к ковру и увидев Василия, с тревогой и испугом уставившегося на нее, она едва не лишилась чувств: значит и ему уже известна страшная весть! Последняя её надежда погасла.

Мубарек, один из всех, правильно понял, что происходит с девушкой. Приказав рабам наполнить кубки, он подозвал к себе Фейзулу и взяв её холодную, как лёд, руку, громко сказал:

— Выпьем все за жениха и невесту, да ниспошлет им Аллах, долгую и счастливую жизнь! Подойди сюда, князь и возьми то, что отныне принадлежит тебе навеки! — И Фейзула, не веря глазам, увидела перед собой радостное лицо Василия, в руку которого Мубарек вкладывал её руку.

— А завтра всех зову на свадьбу! — добавил хан Чимтай. — Будем праздновать до утра.

Кругóм поднялись удивленные восклицания и приветственные крики. Рабы забегали среди гостей, наполняя кубки. Один лишь Хисар-мурза стоял с посеревшим лицом, не сводя налитого ненавистью взгляда со счастливой пары. На него никто не обращал внимания и он, незаметно выбравшись из толпы, проскользнул к себе в шатер, где и дал волю своей ярости.

ГЛАВА 52

«Кто ярость и зависть в себе разжигает,
Здоровье и разум взамен потеряет,
Кто злобе и козням предел не найдет,
В конце-концов сам головы не снесет».

Мухаммад ас-Захири,
персидский поэт и писатель 12 в.

Когда начало смеркаться и гости разошлись, Хисар-мурза вышел из своего шатра и берегом озера направился к стойбищу Чимтая. Последний уже собирался ко сну и скинув сапоги сидел на постели из мягких овечьих шкур, почесывая волосатую грудь, когда начальник ночной стражи ему доложил, что пришел хан Хисар и хочет его видеть.

— Скажи ему, что я ложусь спать и он может прийти ко мне завтра.

— Я так ему и сказал, пресветлый хан, — ответил нукер. — Но он говорит, что у него очень важное и спешное дело, которое не может ожидать до завтра.

— Если так, пусть войдет, — промолвил удивленный Чимтай. До сего времени он с Хисаром никаких дел не имел и менее всего мог думать, что его приход имеет какое-либо отношение к только что происшедшим событиям.

Хисар вошел и небрежно поклонившись, взглянул на хозяина с почти открытым презрением.

— Наверно очень важное дело привело тебя ко мне в такой час, когда все честные люди ложатся спать? —

Хан Чимтай

не слишком любезно спросил Чимтай, которому не понравились манеры посетителя.

— Да, хан. Я бы не стал тебя беспокоить в такое неподходящее время, если бы это дело не было важным и для меня, и для твоей семьи. Но прежде всего я хочу узнать: что заставило тебя, потомка великого Чингиза, обещать свою дочь этому неверному псу?

— Ты что, пришел меня учить? — приподнимаясь и повышая голос спросил Чимтай.

— Прости меня, хан, — поправился Хисар, который понял, что если он и дальше будет придерживаться взятого тона, Чимтай попросту выгонит его вон. — Я не хочу тебя обидеть. Но моими устами говорят горе и досада: сегодня я сам хотел просить у тебя ханум Фейзулу в жены.

— Пока ты собирался, ее уже просватали, и завтра обвенчают. О чем теперь говорить?

— Свадьбы еще не было. Калыма ты еще не получил. Ты можешь взять обратно свое слово.

— Я никогда не беру назад своего слова. Так делают или такое могут предлагать только недостойные либо трусливые люди. Но я не из их числа.

— И ты из упрямства хочешь лишить свою собственную дочь счастья и чести сделаться женой царевича из рода Чингиза, которого ждет трон Мавераннахра? И отдашь ее русскому князьку, почти что рабу нашему?

— Ты что, одурел или пьян? — закричал Чимтай. — О какой чести ты говоришь? Мой род, род Джучи и Орду-Ичана выше вашего чагатайского рода! Это тебе была бы честь жениться на моей дочери! Но ты её не достоин. Я сказал бы тебе это, если бы даже ты пришел сватать Фейзулу раньше, чем князь Карачей!

— Все равно я его убью! — глухо сказал Хисар.

— Если только ты его тронешь, я найду тебя хоть под землей и привязав к четырем диким коням, докажу, что ты не так крепко сшит, чтобы тягаться с Чимтаем! Запомни это навсегда. А сейчас убирайся вон, если не хочешь, чтобы я приказал слугам вытолкать тебя в шею!

— Хорошо, я уйду! — крикнул Хисар. — Но ты еще меня вспомнишь! — и выскочив из шатра, он почти бегом пустился вниз, по тропинке.

Ночь еще не вполне окутала землю, но от бешенства Хисар ничего не видел вокруг. Ему уже оставалось совсем немного до первых шатров мубарекова стойбища, когда он услышал впереди знук шагов и подняв голову увидел прямо перед собой ненавистного русского князя.

Василий, который направлялся в становище Чимтая, чтобы выяснить подробности предстоящего свадебного обряда, увидел и узнал противника гораздо раньше. Он почти не сомневался в том, что эта встреча добром не кончится. Никакого оружия при нем не было, но возвратиться назад или свернуть в сторону ему не позволяла гордость: он никому, даже самому себе, не хотел показаться трусом и потому спокойно продолжал идти вперед.

Узнав соперника, Хисар-мурза остановился, как вкопанный. Остановился и Василий. С минуту они молча смотрели один на другого.

— В чем дело, мурза? — спросил, наконец, Василий. — Если желаешь мне что-нибудь сказать, говори скорее. Я спешу.

— Ты хочешь жить? — хрипло спросил Хисар.

— Сейчас более чем когда-либо, — усмехнулся Василий.

— Тогда, не теряя часу, садись на коня и скачи без отдыха на закат солнца, пока не увидишь свою землю!

— Чего это ради? — притворно удивился Василий.

— Я не уступлю тебе Фейзулу!

— Ах, вот оно что! Пойди-ка лучше проспись, мурза. Встречи со мной не приносят тебе удачи.

— Вот потому я тебя и уберу со своей дороги! — крикнул Хисар, выхватив кинжал и бросаясь на Василия. Но последний ожидал нападения и был начеку. Рукою отбив оружие противника, он одновременно ударил его

ногой в нижнюю часть живота. Хисар дико взвыл и свернувшись, как ёж, упал на землю.

— Видишь, я говорил, что встречи со мной для тебя плохо кончаются, — промолвил Василий, платком обтирая кровь с порезанной руки. Он еще не решил, что делать с корчившимся на траве Хисаром, когда увидел, что к ним приближаются несколько воинов.

— Кто здесь кричал? — спросил один из них.

Василию пришлось сказать, что он подвергся нападению Хисара-мурзы и защищаясь сильно его ударил. Воины подняли стонавшего монгола и отнесли его в лагерь. С ними вместе пришел и Василий.

Едва он успел рассказать Никите, что случилось и перевязать руку, как его позвали к великому хану.

— Что у вас произошло с Хисаром? — хмуро спросил Мубарек. Василий рассказал, не упустив ни одной подробности.

— Он тебя сильно поранил?

— Это не рана, великий хан. Только кожу порезал.

— Хорошо, иди. Больше он тебя беспокоить не будет. Привести сюда Хасара-мурзу! — крикнул к стоявшему у порога сотнику.

Так как поход против Золотой Орды был отложен на неопределенное время, Хисар-мурза больше не был нужен Мубареку. Переход его в лагерь врага тоже не представлял опасности. Что он мог рассказать Узбеку? — Что против него затевался поход, который потом решили отставить? Тем лучше, если он это скажет: Узбек будет более беспечен. Он велит Тинибеку покрепче прижимать Чимтая и других южных ханов, — тогда они сами поймут, что нужно браться за оружие... Прикинув всё это в уме, Мубарек решил круто расправиться с Хисаром.

Прошло довольно много времени. Наконец, два воина, в сопровождении сотника, ввели под руки незадачливого мурзу. Он еще не мог вполне разогнуться и еле переставлял ноги.

— Как осмелился ты, подлый шакал, которому я из

милости дал приют, напасть на моего гостя, на того, кто завтра станет моим родственником? Отвечай! — крикнул Мубарек-ходжа.

— Он украл мою невесту, — пробормотал струсивший Хисар.

— Лжешь! Когда она была твоей невестой? У кого ты просил ее руки? Если хочешь знать, я сам сосватал её князю Карачею. Может быть ты и на меня с ножом кинешься?

— Прости меня, великий хан... Я люблю ханум Фейзулу и от горя у меня помутился разум.

— Если он у тебя когда-нибудь и был, то помутился уже давно. Только потому, что по ошибке судьбы в твои недостойные жилы попала кровь великого Чингиза, я не прикажу удавить тебя твоим же собственным поясом, — продолжал Мубарек. — Но завтра, едва рассветет, ты сядешь на коня и два десятка воинов проводят тебя до той границы моих владений, которую ты сам укажешь. После этого всем моим воинам и пастухам будет объявлено, что тот из них, кто встретится с тобой на землях Ак-Орды, должен убить тебя, как бешенную собаку.

— Я не смогу завтра сесть на коня, — прохрипел Хисар.

— Увести мурзу! — приказал Мубарек-ходжа сотнику. — На ночь приставить к его шатру стражу, а утром, если он не сможет сам ехать, привязать к коню и вывезти! Чтобы к восходу солнца его тут не было!

Приказание великого хана было исполнено с обычной для татар точностью. Едва на небе занялись первые признаки рассвета, сотник поднял Хисара и велел ему садиться на коня. Два десятка всадников, под начальством Кинбая, уже стояли у шатра. Сотник помог стонущему и охающему мурзе влезть на лошадь.

— Куда тебя везти? — спросил он.

— В Золотую Орду, — ответил Хисар.

— Самой короткой дорогой повезешь его на реку Илек [33]) и отпустишь на том берегу, — сказал сотник

33) Илек — левый приток реки Урала.

Кинбаю. — Темнику нашего тумена, который там кочует, скажешь, что мурзу надо убить, если он возвратится обратно, — таково приказание великого хана, да покорит ему Аллах всю вселенную. И езжай побыстрей! Если он будет падать с седла, свяжешь ему ноги под брюхом коня. А если умрёт в дороге, довезешь его падаль до Илека и бросишь на землю Золотой Орды: великий хан не хочет, чтобы он оставался у нас, ни живой, ни мертвый. Понял всё?

— Понял, ага[34]), — ответил Кинбай, поклонившись сотнику.

— Тогда исполняй!

Кинбай подал команду своим всадникам и сейчас же огрел плетью коня, на котором сидел Хисар. Мурза вскрикнул от боли и судорожно вцепился в гриву лошади, которая, с места взяв в карьер, понесла его вон из Белой Орды.

Об изгнании Хисара в ставке Мубарека никто не пожалел: заносчивый и злобный чигатаец всем был неприятен. Но особенно обрадовался Никита.

— Теперь по ночам можно ходить без опаски, — сказал он Василию. — Но всё же было бы куда надежнее, если бы хан приказал его удавить.

В тот же день, вечером шумно и весело отпраздновали свадьбу Василия и Фейзулы. А еще через неделю все ханы, почти одновременно снялись со своих становищ и каждый направился к месту зимовки.

---

34) Ага — на тюркских языках дословно «старший брат». Это слово служило также почтительным обращением к старшему, или к не очень высокому начальнику.

ГЛАВА 53

«Кроме центральной ставки Сибирского ханства, укрепленного города Сибири, у татар были и другие укрепленные пункты. Они находились главным образом у границ ханства и выполняли роль военно-сторожевых центров. С. У. Ремезов[35]) называет ряд татарских городков: «Княжев городок большого князя Бегиша», на Иртыше, городок Кулары, «опасный, во всем верх-Иртыше крепче его нет», Ташатканский городок на Иртыше, Агитский на Вагае, городок Аттика-мурзы, Карачин городок и другие».»

История Сибири, том I,
издание Академии Наук.

Миновала, наконец, и вторая зима на чужбине. Она уже не показалась Василию такой томительной и долгой, как первая: с ним рядом была теперь молодая и любимая жена, которая наполнила его жизнь новым, ярким и благотворным содержанием, вытеснив из нее тоску и неудовлетворенность.

В этом году стояли особенно суровые холодá, целыми неделями снаружи бушевали вьюги, а в шатре у Василия было тепло и радостно. Казалось, что Фейзула в своих синих, как летнее небо глазах сумела удержать частицу жаркого степного солнца и теперь щедро освещает и согревает ею этот маленький домашний мирок.

---

35) С. У. Ремезов, тобольский «боярский сын» 17 века, и автор Краткой Сибирской или Кунгурской летописи.

Сидя с нею у пылающего очага, Василий слушал ее нехитрые рассказы, а чаще сам рассказывал ей о своей прежней жизни, которая была стократ богаче событиями, чем ее собственная. У Фейзулы был живой, восприимчивый ум, а знала она так мало, что даже небольшой запас познаний Василия казался ей неисчерпаемой сокровищницей мудрости.

Мало по малу он передал ей, почти всё, что сам знал о прошлом и настоящем родкой страны и соседних народов, так что к весне она уже хорошо представляла себе общую обстановку на Руси, наперечёт знала всех наиболее видных князей и даже выучилась немного говорить по-русски. Но этим она больше была обязана Никите, чем Василию. Постоянно напоминая, что она теперь русская княгиня, он упорно отвечал на все ее вопросы и сам обращался к ней только по-русски, терпеливо поясняя значение неизвестных ей слов и заставляя вспоминать то, что она знала в детстве. В конце концов, он добился того, что она стала свободно понимать его, а потом и сама отвечать по-русски.

Хан Чимтай, расставаясь с дочерью, оставил ей несколько кибиток со всяким добром и десяток рабов и рабынь, которые обслуживали своих господ и несли все заботы по хозяйству. Мубарек, со своей стороны, отрядил в распоряжение Василия полсотни нукеров, так что теперь он занял в ханской ставке положение, подобающее знатному вельможе и родственнику великого хана. Однако, Василия всё это не тешило. С чувством неясного ему самому внутреннего протеста, он видел, что жизнь всё крепче вяжет его с Ордой, тогда как всеми помыслами он стремился в родную землю, на Русь, и вне её не мог себе представить дальнейшего существования. Что-то там теперь делается?

Наконец, наступила весна, но она не принесла с собою ничего нового. От первых, приехавших в Чингиз-Туру купцов, стало известно лишь то, что на юге зима прошла спокойно, и что в Золотой Орде никаких внешних перемен не случилось.

О Руси и о том, что в ней происходит, никто ничего не знал. Правда, один приезжий татарин рассказывал,

что минувшей осенью, когда он был в Сарае по торговым делам, там казнили, по повелению хана Узбека, двух русских князей. Но кто были эти князья и чем они провинились перед Узбеком, — татарин сказать не мог.

Василия все больше беспокоило и удручало отсутствие известий с родины. Рассудок ему говорил, что если нет таких известий, значит там нет и важных перемен, ибо в противном случае Алтухов или Шабанов прислали бы к нему гонца. Но доводы рассудка приносили мало успокоения: ведь прошло почти два года со дня его отъезда из Карачева, и ему с горечью начинало казаться, что на родине о нем просто забыли.

Если в прошлом году он еще не ожидал вестей оттуда, то в этом их отсутствие казалось ему необъяснимым. Пусть не случилось там больших событий, пусть общая обстановка остается для него по-прежнему неблагоприятной, но неужели его друзья не понимают, как истосковался он на чужбине, как хечется ему хоть что-нибудь услышать о родной земле, узнать, что она его помнит и ждет!

Правда, пока в горах не растают снегá и не войдут в свои берега половодные реки, гонец не сможет проехать, — его прибытия следовало ожидать не раньше конца мая. Но миновал май, прошел почти весь июнь, орда Мубарека давно уже вышла на летнюю кочевку в степи, а из-за Каменного Пояса никто не появлялся. И Василий совсем приуныл. Крепко стал задумываться и Никита. Наконец, однажды он сказал Василию:

— Отпусти меня, княже, на Русь! Вижу я, последнее время ты ходишь сам не свой. Да и я думаю: надобно же нам сведать, что там деется. По осени я ворочусь в обрат, и привезу тебе все новости.

— Того только не хватало, чтобы ты меня покинул, — мрачно промолвил Василий.

— Так ведь ты теперь не один, Василей Пантелеич, с тобою жена остается. К тому же я не надолго отъеду, летом ты и не заметишь, как время пройдет.

— Уж июнь к концу подходит. Коли ты сейчас выедешь, ранее как через год не вернешься. Нешто зимою

мыслимо проехать скрозь пермские и югорские леса и горы!

— А почто мне ими ехать? Когда мы сюда правились, дело было иное и другого пути нам не было. А теперь мне опасаться некого. Отсюда я низом выеду напрямик к Волге, а там, мордвою, в Рязанскую землю. Оденусь татарином, говорить буду в пути по-татарски, можно еще и пайцзу у нашего хана попросить, — кто меня тронуть посмеет? Этим же путем и в обрат. Так будет много короче, а если зима в дороге застанет, тоже не велика беда, — там во всякое время проехать можно. Да и не застанет: я возьму двух хороших коней, ехать буду быстро, небось, в четыре месяца туда и назад сгоняю. Стало быть, в октябре беспременно ворочусь.

— Ну, что же, с Богом, коли так, — подумав сказал Василий. — Без вестей сидеть тут невмоготу, а когда сами разведаем, что там, на Руси, творится, всё же будет легче на душе, хотя бы и не узнали мы ничего доброго.

— Вестимо так! Кого же мне там повидать велишь и кому что сказывать?

— В Карачев тебе, сам понимаешь, соваться нельзя, а езжай прямо в Брянск, к Дмитрию Романовичу Шабанову. Расспроси хорошенько его, потóм втайности вызови туда воеводу Алтухова и нашего Лаврушку, — они тебе обо всех карачевских делах расскажут. Да и ты им о женитьбе моей и обо всём прочем поведай, ничего не тая. По-пути загляни, вестимо, в Пронск и расскажи всё Елене. Писать ей ничего не буду: ежели что случится и найдут на тебе золотоордынские татары письмо, писанное по-русски, живым не выпустят, — подумают, что лазутчик, переодетый татарином. Пронским князьям, коли будут спрашивать, можешь сказать, где мы и какова наша жизнь. Ну, а в другом, коли что представится, действуй по своему разумению, голова у тебя не хуже моей. Да вот еще что, — добавил он нерешительно, как бы стесняясь своего чувства: — привези с собою горстку земли родной... хоть в руках ее подержу.

***

Сборы Никиты были недолги. Проводив его в путь, Василий вначале сильно заскучал. До сих пор он никогда не разлучался с Никитой и только теперь, когда это случилось, полностью осознал, какое место занял в его жизни этот преданный слуга и друг. Однако, очень скоро события отвлекли его внимание и мысли в другую сторону.

Люди Чимтая пригнали обещанных им овец и огромный табун лошадей. Их было гораздо больше трех тысяч: год выдался засушливый и у Чимтая не хватало пастбищ. Волей неволей Василию пришлось отправиться с ними в свой улус. В этом году ставка Мубарека-ходжи кочевала у среднего течения реки Тобола, оттуда до новых владений Василия было немногим более двухсот верст и переход никаких трудностей не представлял.

Со скотом прибыло много пастухов и надсмотрщиков, а сверх того пятьсот воинов. Все они пришли со своими семьями и кибитками, так как хан Чимтай велел им оставаться у Василия. Кроме того, Мубарек дал тысячу воинов от себя. По положению, Василию надлежало в течение ближайших лет составить свой тумен, и этим закладывалось его начало.

Посмеиваясь над прихотью судьбы, обратившей его в князя-кочевника, Василий, во главе своего табора тронулся в путь. В конце июля он разбил становище на живописном берегу реки Миаса, верстах в ста от впадения его в Исеть.

Место ему настолько понравилось, что он решил построить здесь городок, полагая, что его татарам следует привыкать к жизни в теплых помещениях, более чем юрты и кибитки отвечающих условиям здешней суровой зимы. Фейзула пришла в восторг от его идеи.

— Это будет наша столица, — со смехом сказала она. — Если тебе не вернут твое княжество, мы построим тут русский дворец и обнесем город высокими деревянными стенами, чтобы было похоже на твой Карачев. И пусть этот город тоже называется Карачевом!

— Будь по-твоему, солнышко: ставим тут Новый Карачев!

Тысячник, мурза Туган, пожилой татарин уже дав-

но знакомый Василию, и сотники, — одним из которых только что был назначен Кинбай, — когда князь поделился с ними своим замыслом, отнеслись к нему вполне сочувственно. Выбрали хорошее место, закипела работа и через два месяца на левом берегу реки уже высилось около сотни неуклюжих, но теплых, обмазанных глиной построек, с каменными очагами внутри. У самого берега было поставлено два обширных сарая, для склада продуктов, а в центре расчистили небольшую площадь для торга. Новый посёлок, оставив внутри достаточно места для его расширения, обнесли рвом и земляным валом, с тем, чтобы в следующем году поставить на нем бревенчатый тын.

— Ну, вот и готов наш татарский Карачев, — сказал Василий жене, когда осенние дожди заставили людей прекратить работу. — Только нашего дворца не хватает, да крепостной стены![36])

— И это похоже на твой, русский Карачев? — спросила очень довольная Фейзула.

— Ну, по правде сказать, не весьма, — засмеялся Василий. — Да ведь и татары-то на русских не похожи. Кто знает, еще захотят ли они жить в этих домах, или зря мы старались?

— Ты их князь и повелитель, — прикажи, и будут жить. В нашем улусе твое слово закон.

— В этом я неволить никого не хочу. Домов все равно мало, — кто сам пожелает, пусть в них и живет, а другие вольны оставаться в юртах и кибитках.

Беспокойство Василия оказалось, однако, напрасным: желающих поселиться на зиму в домах нашлось гораздо больше, чем они могли вместить и пришлось распределять их по жребию.

Когда в новом городке затеплилась оседлая жизнь и всё было налажено, Василий передал бразды правления тысячнику, а сам, с небольшою частью людей, от-

---

[36]) Этот городок позже назывался у татар Карачель. На том же месте, в Оренбургской губернии, еще в начале нынешнего века стояло село Карачельское.

правился на зимовку в Чингиз-Туру, куда уже возвратился и хан Мубарек.

Теперь все помыслы его снова были связаны с поездкой Никиты. Василий ждал его с лихорадочным нетерпением и начиная с середины октября, вскакивал и бросался ко входу всякий раз, когда у его шатра останавливался какой-нибудь всадник. Но прошел весь октябрь, наступил ноябрь, земля уже оделась в белые одежды зимы, а Никиты всё не было.

ГЛАВА 54.

«В лето 6849 преставися князь великии Иван Данилович Калита, во иноцех и в схиме и положен бысть в церкви святого архаггела Михаила, юже сам созда...

Того же лета злыя крамольници Брянци, сшедшеся вечем, убиша князя своего, Глеба Святославича...

Того же лета умре князь великии Литовский Гедимин...

Лета 6850 умре царь Узбек Ордынский и сяде по нем в Орде на царствии сын его Чанибек, убиша братьев своих старейших.

Из русских летописей

Никита возвратился лишь в конце ноября, когда Василий уже почти потерял надежду его дождаться, думая, что с ним что-нибудь произошло в дороге или он остался зимовать на родине. Едва взглянув на приехавшего друга, князь понял, что надо готовиться к плохим известиям: Никита сильно исхудал, вид у него был удрученный, в бороде заметно проглядывала седина.

Они встретились и расцеловались, как братья. Соблюдая древний обычай, Василий, хотя и горел нетерпением, не задал ни одного вопроса пока Никита не подкрепился с дороги и не выпил объемистый кубок вина, поднесенный ему Фейзулой. Не торопился рассказывать и Никита, и это еще более обеспокоило Василия.

— Ну, теперь выкладывай всё, — сказал он, когда

Никита, помолившись, встал из-за стола и пересел к очагу. — Чует мое сердце, что недобрые вести ты привез... Как там Елена?

— О семейственном поведаю после, — твердо, почти властно сказал Никита, — а сперва выслушай о делах княжества твоего и всей Русской земли.

Василий бросил на своего верного слугу и друга удивленный, встревоженный взгляд, но возражать не стал.

— Ну, сказывай, — только промолвил он.

— Новостей я привез немало, — начал Никита, — есть среди них и худые, и добрые. Однако, чтобы ничего не упустить, лучше начну не с них, а поведаю тебе всё по порядку.

"В пути никто меня не тронул и ни малых трудностей не было. Доехал я хорошо и к концу месяца августа был уже в Брянске. Остановился, как ты мне наказывал, у Дмитрия Романовича. Он всё такой же, с виду не постарел ничуть, хотя, сам знаешь, лет ему уже немало. Обрадовался мне, как родному сыну, да и удивлен был изрядно. Ну, да это не к делу... Засели мы с ним, глаз на глаз, в трапезной и просидели целую ночь, до свету. Сперва я ему поведал всё о тебе и о наших делах, а там и он начал рассказывать мне, что ныне твориться на матушке Руси. И хотя к нам, за Каменный Пояс, ве́сти о том не доходили, а всяких дел там случилось немало.

"Перво-наперво нет уже в Брянске князя Глеба Святославича. Минувшею зимою, как раз на Николин день, прибыл в Брянск из Москвы митрополит Феогност, думая помирить князя с народом. Уж не знаю, его ли тут почин был, либо просил о том брянский владыка Исаакий, а может и сам Глеб Святославич, — но только приехал он, отслужил обедню и велел созывать вече. Ну, созвали. Стал там митрополит говорить то да сё, что всякая власть от Бога и потому христиане должны ей повиноваться, однако народ тому не внял и крепко стал на своем: — не хотим, говорят, такого князя, да и только! Он-де своей земле не отец и не хозяин, а наипервейший ворог. Пусть убирается из Брянска, покуда цел, а

мы к себе другого князя призовем! Митрополит давай их увещать, а они хоть бы что, только пуще распаляются. Ну и начали из толпы кричать обидные для князя слова, а он тут же стоит.

"Может оно бы и обошлось, ежели бы он стерпел и повинился народу. Но ты его, чай, знаешь. Он тоже стал поносить брянцев дурными словами. — Я, говорит, вас, собачьих детей, силою заставлю меня чтить, коли добром не хотите! — да тут же и хлестнул вечевого старосту наотмашь, плетью по рылу. И это переполнило чашу: как ни кричал владыка митрополит, тщяся не допустить до кровопролития, народ вконец озверел и тут же порешил Глеба Святославича, а вместе с ним вооведу Голофеева и тех дружинников, кои пытались его защитить. Но таких, говорит Дмитрий Романович, было вовсе мало. Остальные же и с места не сдвинулись, ибо всем уже Глеб Святославич был ненавистен.

— Кто же теперь княжит в Брянске? спросил Василий.

— Никого нету. Из всего брянского роду остался один только князь Димитрий Александрович, который сунулся было в Брянск, но посадские его к себе не пустили. Тогда он подался в Москву, где, сказывают, просватал свою дочь за княжича Ивана, второго сына Калиты. Быть может, с помощью Москвы думает в Брянске сесть. Смоленский князь, Иван Александрович, тоже навязывал брянцам на княжение своего меньшого брата Василея, но они и слушать его не схотели. Ждут тебя и говорят, — никого иного к себе не примем. Со всеми этими вестями, по ранней весне, послал Дмитрий Романович к тебе гонца. Поелику он сюда не прибыл, должно быть погиб в пути от какой случайности, либо схвачен татарами хана Узбека.

— А у нас в Карачеве что делается?

— В Карачеве всё тихо и спокойно. Винюсь перед тобой, Василей Пантелеич, в этом ослушался твоей воли: побывал в нашем городе самолично. Больно уж хотелось на него своими глазами глянуть. Вестимо, пробрался я туда втайности: ночью подъехал к Лаврушкиной избе и постучал. На стук мой вышел Лавруха и как

признал меня, чуть наземь не свалился. Ну, впустил он меня в избу и там просидел я два дня и две ночи. По первому дню, как стемнело, Лаврушка привел Семена Никитича Алтухова и мы с ним, как и с Дмитреем Романовичем, прогутарили целую ночь.

— Что же он тебе рассказывал?

— Обсказал он мне всё, что там было после твоего отъезда. Карачевский люд по тебе дуже скорбел и Тита Мстиславича принял не ласково, особливо по-началу. В Карачев он пожаловал лишь после того, как доподлинно сведал, что ты землю отцов покинул и подданным своим наказывал принять его с покорностью. С хлебом-солью к нему навстречу никто не вышел. В хоромах княжеских не застал он живой души, — челядь вся разбежалась, либо попряталась, дружинники розошлись по домам, — всё было пусто, как после мора, лишь на воротах болтался исклеванный вороньём труп боярина Шестака.

"Ну, зажил он там со своими козельцами, а всем нашим служилым людям велел сказать, что неволить никого не станет: кто, мол, хочет ему служить, он того примет и будет милостив, а кто не хочет, — тому полная воля. С воеводами и с детьми боярскими говорил он особо, был с ними ласков и просил не оставлять без защиты родную землю. И тогда, посовещавшись промеж собою и памятуя наставления твои, почти вся дружина наша порешила, покуда ты не вернешься, скужить новому князю.

"Тит Мстиславич, после того случая в Козельске, сделался тихий и смирный, стал не столь прижимист и всё больше Богу молится да беседует с попами. Велел заложить в Карачеве новую церковь, во имя святого мученика Трофима, чья память празднуется в тот злокочивый день двадцать третьего июля. Ну, помаленьку все, будто, обтерпелись и жизнь пошла своим чередом. Тита Мстиславича в народе не вельми любят, ибо порядки при нем возвернулись старые, — того, что делал для людей ты, он не делает, — но всё же, говорят, князь он смирный и с ним ладить можно.

"Княжич Святослав находится при нем, в Карачеве

и ему соправительствует, а молодших сыновей рассадил он по уделам: Ивана в Козельск, а Федора в Елец. К слову, Иван Титович женился на дочери рязанского великого князя. В Болхове ныне никого нет, а в Звенигороде княжит Федор Андреич. Про него сказывают, что князь он, хотя и молодой, но хороший, не в отца, и народ его любит.

— А как Алтухов? Добро ли ему воеводится у нового князя?

— Нет, воеводство он почти сразу оставил. Сам он мне о причине того не рассказывал, но говорил Лаврушка, что у него с княжичем Святославом с первых же дней приключился неполад, от которого всё и пошло: княжич худо сказал о тебе, а Семен Никитич не стерпел и ответил что-то для него вельми обидное, — вроде того, что он, Святослав, у такого князя, как ты, и конюхом быть недостоин. Опасаясь недовольства карачевской дружины, тронуть его они не посмели, но от воеводства он отказался сам и сейчас живет на покое, в своей вотчине. Говорит: покуда я отдыхаю, а вот возвратится князь Василий Пантелеевич и делов у меня опять будет немало.

— Кто же ныне на его месте, главным воеводой? Не Гринев ли?

— Нет, Гриневу они не дуже доверяют. А на место Семена Никитича поставили козельского боярина Казаринова. Вестимо, в дружину ввели кой-кого из козельских боярских детей, будто на замену тем нашим, которые ныне от службы ушли.

— А кто же ушел-то?

— Допрежь всего Лукин и Софонов. Алтухову они сказали, что будучи с тобою в Козельске, дóбро уразумели суть дéла и воровским князьям служить не хотят. И еще до приезда Тита Мстиславича, оба уехали в свои вотчины.

— Ну, а обо мне как там наши друзья мыслят? Что делать-то станем? Неужто ничего не может присоветовать мне Алтухов, либо Шабанов?

— Оба они в том согласны, и думают так: когда помрёт хан Узбек, — а этого ждут с часу на час, ибо он, го-

ворят, вовсе плох, — тебе надобно будет, не теряя дня, скакать к новому хану, поведать ему о неправде, что над тобою учинили, и просить ярлык на большое княжение в Брянске, с тем чтобы под твоею рукой был и Карачев, с уделами. Брянский народ, со своей стороны, пошлет о том челобитчиков в Сарай. Всякий новый хан по-началу бывает милостив и ярлык он тебе даст, в том не сумневайся. И тогда, вокняжившись в Брянске, ты, коли зохочешь, можешь Тита Мстиславича с карачевского стола вовсе согнать, либо оставить его в Карачеве, как твоего удельного князя.

— Бодай его корова, пускай сидит! Я его не трону, ежели он не станет чинить мне помехи в разумном устроении земли нашей. Я ей мир и покой хочу дать, а не новые супри да усобицы. Ну, а что еще? Как там Лаврушка?

— Лаврушка живет неплохо. Воротившись домой, он уже нашел там сына, — ведь Настя была на сносях, когда мы выезжали в Орду. В твою честь окрестили мальчонку Василием. Сейчас ждут второго.

— Видать, не теряют времени! А о моей женитьбе ты там сказывал? Что говорят Алтухов и Шабанов?

— Да ничего, за тебя рады. Семен Никитич было пожалел, что не на русской княжне ты оженился, но когда я ему рассказал какова есть наша княгинюшка, он молвил: то дбборо, что ты такую не упустил.

— А об Аннушке ты, ненароком, ничего не слыхал? — помолчав спросил Василий.

— Слыхал, — неохотно ответил Никита. — Жива и, кажись, здорова. Лаврушка сказывал, — видят ее люди лишь по большим праздникам, в церкви. А в усадьбе у нее никто не бывает, да и сама она никуда не кажется.

— Ладно... Теперь сказывай, что деется на великой Руси?

— На Руси нового случилось изрядно. И многих князей, коих ты знавал, сегодня уже нету в живых. Допрежь всего, нынешней весной преставился великий князь московский, Иван Данилович. Перед смертью принял он схиму и говорят, трепетал Господнего возмез-

дия за тяжкие свои грехи. После его кончины, поехали в Сарай, домогаться ярлыка на великое княжение над Русью, четыре князя: старший сын покойного, Семён Иванович, тверской князь Константин Михайлович, суздальский — Константин Васильевич, да ярославский, Василий Давыдович. Каждый из них свою надежду имел, но только Узбек сразу же дал ярлык Семёну и всячески обласкал его, а прочие воротились не солоно хлебавши. Правда, суздальский князь получил обратно Нижний Новгород и теперь, сказывают, готовится перенести туда свой стол из Суздаля.

— А не слыхал ты, каких князей казнили в Сарае запрошлой осенью и за что?

— Великого князя тверского, Александра Михайловича и старшего сына его, князя Федора. Калитá на них не раз ложно доводил Узбеку всякие небылицы, и княжич в те поры находился в Орде, с оправданиями своего отца. По-осени хан вызвал в Сарай самогó князя Александра Михайловича и учинил им обоим суд. Но ни малой вины на них не нашел и хотел отпустить с миром. Сведав о том от сарайского епископа, Иван Данилович московский тотчас прислал в Орду своего сына Семёна, не знаю уж с чем, но только по его наущению Узбек обоих тверских князей предал лютой смерти.

— Кто же ныне княжит в Твери?

— Константин Михайлович, брат убиенного князя. Но он боится Москвы, как черт кадила, и во всем ей покорен.

— Еще бы ему не бояться, коли она узбековыми руками, почитай, весь род его перевела! Ну, а в Смоленске что?

— Там тоже были большие дела. Князь Иван Александрович, крепко сдружившись с литовским князем Гедимином и чая иметь от него помощь, отказался платить дань Орде. Тогда хан Узбек повелел Калите собрать на него войско, над которым поставил главным воеводой самого лютого своего темника, Товлубея. Опасаясь того, что за смоленского князя вступится Литва, рать собрали огромную: опричь Москвы, выступили в этот по-

ход рязанцы, суздальцы, ростовцы, ярославцы, юрьевцы, и иные.

"Летом минувшего года вторглись они в Смоленскую землю и поразорили ее изрядно. Но самого города не взяли, а простояв под его стенами восемь дней, повернули в обрат. Сказывают, что князь Иван Александрович сумел от Товлубея откупиться и обязался платить хану дань по-прежнему. Видать, Гедимин выступить не схотел и пришлось смоленскому князю идти на попятный.

— Да, не так-то легко татарское иго сбросить без единства, особливо доколе Москва хану послушна, — промолвил Василий. — Сперва тверичей привела в покорность Узбеку, теперь смоленцев... однако тó до поры до времени, а придет час и дорого Орда заплатит за все московские услуги.

— И я тако же мыслю, — сказал Никита. — Московские князья накапливают силу, и поелику хан думает, что эта сила ему верно служит, он сам пособляет её крепить. И того не чует, что она однажды против него обернется.

— Дал бы Господь скорее! Москве-то, вестимо, виднее нежели нам, да всё же мнится мне, что кабы русские князья один другого не опасались и разом поднялись на татар, уже и сегодня одолели бы мы Орду. Ну, да что о том гадать! Сказывай, в других русских землях что деется?

— В других тихо. Вот разве что Великий Новгород снова себя показал. Там, как тебе ведомо, в последние годы сидел московский наместник, но запрошлым летом новгородцы его согнали. Иван Калита с ними расправиться не успел: сперва помешал ему смоленский поход, а после он сам занемог и помер. Во всё это время и после, пока новый московский князь Семен Иванович ездил в Орду за ярлыком, новгородцы сложа руки не сидели: город свой дóбро укрепили, собрали великую рать и стали похваляться, что теперь, мол, Москва им не страшна и они ее от Великого Новгорода навсегда отвадят. Так бы, может и было, но в ту самую пору случился у

них великий пожар. Выгорело больше половины города, одних церквей сгорело боле семидесяти.

"И когда повсюду начал полыхать огонь, низовой новгородский люд заместо того, чтобы тушить, кинулся грабить. И не столько грабили они домá богатых людей, где челядь могла дать им отпор, сколь Христовы церкви. Оно известно, в Новгороде есть такой обычай, что богатые купцы, для верности, держат иные свои товары не дóма, а в церковных клетях, закутах и подвалах, — коли бы пограбили только их, грех еще не столь велик. Но эти лихие люди вламывались в Божьи храмы, хватали драгоценную церковную утварь и не дозволяли причту выносить из пламени святые иконы и книги. Стражей же церковных и попов, которые выходили к ним с крестом в руках и старались усовестить, они избивали, а иных пометали в огонь. И жалости ни к кому не было: ежели какое добрó погорельцы успевали спасти из полымя, эти богоотступники тако же отымали, не глядя — богатый то человек или бедный. А под конец перепились и почали грабить друг друга. Словом, не меньше претерпел Новгород от этих разбойников, нежели от огня.[37])

— Ужели то истина? Индо поверить трудно, что на Руси такое могло случиться!

— Ан случилось. И это всё от вечевых порядков и озорства. Ну, можно ли помыслить, чтобы такое было в Москве, либо в Киеве, либо в ином русском городе, где правят князья? Вот, к примеру, почти в то же время приключился лютый пожар в Смоленске. Князь Иван Александрович был в ту пору в отъезде, однако же смоленцы сами, не щадя себя, боролись с огнем, доколе его не погасили. И никакого бесчинства либо грабежа при этом не было, хотя смоленский люд много беднее новгородского. Не иначе как от тамошней вольности совесть у человека слабнет.

— Ну и что же после того пожара было в Новгороде?

— Да что ж, — вся их сила пришла в расстройст-

---

[37]) См. Новгородскую летопись младшего извода, под г.1340.

во, а московский князь Семен Иванович тем, вестимо, воспользовался и снова посадил в Новгороде своего наместника. Делать нечего, пришлось новгородцам покориться, еще и дань Москве заплатили.

— Так для них же будет получше, — заметил Василий. — Без чужой палки порядка у них николи не было и, видать, не будет. Перегрызутся меж собою, как псы, либо потянут в разные стороны. И будет то на руку токмо лишь Гедимину, который на Новгород давно зубы вострит.

— Нет уже Гедимина, Василей Пантелеич. В обратном пути настигла меня весть, что убит он немецкими рыцарями. Промеж их шла война и Гедимин, со своей ратью, подступил к какой-то вражеской крепости и осадил её. А у рыцарей там было припасено новое оружие, о коем никто, ни у нас, ни у литвинов ничего не ведал. Сказывают, это железная труба, из которой с громом великим и с огнем вылетает круглый камень, поболе человеческой головы, и летит он много дальше, чем стрела из лука. И когда князь Гедимин подъехал на коне близко к крепостной стене, его из такой трубы убили.

— Я слыхал уже о том оружии, да не очень тому верил, — промолвил Василий. — Пока ты был на Руси, приезжал к хану Мубареку один ученый монголец и он мне сказывал, будто китайцы уже давно придумали такое зелье, которое, если насыпать его в трубу, либо во что иное, и поджечь, оно в тот же миг порождает гром и такую силу, которая не то что камни метать,а может повалить крепостную стену. И китайцы, говорит он, этим пользовались, покуда не потеряли секрет того зелья, поелику известен он был лишь немногим. Значит, то правда была... Кто же теперь на Литве княжит?

— Все литовские земли Гедимин завещал поделить промеж семерыми сыновьями своими, и при том разделе старшинства их в расчет не брал. Так старшему из братьев, Монивиду, достался едва-ли не самый плохой удел, — город Кернов и окружные зéмли. Кейстут получил Гродно с княжеством, Кориат — Черную Русь[38]) Лю-

[38]) Черной Русью назывались земли, лежавшие по южным притокам Немана и ныне входящие в состав Белоруссии, с горо-

барт — Волынь, Наримунт — княжества Пинское и Туровское, Ольгерд — княжество Кревское. Минскую же землю, стольный город Вильну и с тем вместе великокняжеский стол, оставил Гедимин любимцу своему, младшему сыну Явнуту.[39]) Всё это мне поведал гонец, который вёз эти вести из Литвы в Рязань. Мы с ним повстречались в Меченске[40]) и до Пронска ехали вместе. Сказывал он тож, что старшие братья таким разделом вельми обижены и потому Явнут едва ли усидит на великом княжении. Не иначе, как ссадит его оттуда либо Кейстут, либо Ольгерд.

— Скорее всего Ольгерд, — сказал Василий. — Я его знаю. Из всех Гедиминовичей он самый дошлый. Погляди, к примеру, как сумел жениться: взял за себя последнюю витебскую княжну Марью Ярославну, которая некрасива была и постарше его, но зато принесла ему в приданное все Витебское княжество, а оно будет раза в три побольше того удела, что ныне ему отец оставил. Хитёр Ольгерд и разумом силен, вот увидишь, он невдолге всю Литву к рукам приберет.

— Ну, теперь слушай дальше, помолчав сказал Никита и по его изменившемуся голосу Василий понял, что он переходит к худшему: — нет уже в живых князя Александра Михайловича Пронского. Минувшею весною повез он в Сарай дань, собранную для царя Узбека, а в ту пору ехал из Орды князь рязанский, Иван Иванович Коротопол, вместе с темником Товлубеем, который вёл своих татар под Смоленск, о чем я тебе уже сказывал. Не знаю уж почему так вышло, но на беду в тот день Товлубей замешкался и поотстал, Коротопол шел впереди и первым повстречался с обозом пронского князя. Людей у него было много больше, к тому же пронцы, видя своих, русских, ничего худого не ждали и ехали спокойно навстречу. И вот, поровнявшись, ря-

---

дами Волковысском, Слонимом, Несвижем, Новогрудком и Злитовом.

[39]) Явнутий Гедиминович, в крещении Иван, был свергнут Ольгердом в 1345 году и получил в удел княжество Ижеславское. Род его обрусел и был известен под именем князей Заславских.

[40]) Меченск — нынешний Мценск.

занцы напали на них врасплох, как последние разбойники. Не успели люди Александра Михайловича схватиться за оружие, как их всех посекли, обоз разграбили, а самого князя связали и кинули в телегу.

"Когда подъехал Товлубей, иуда Коротопол ему сказал, что пронцы первыми на него напали, а он лишь оборонялся. Может, Товлубей тому и не поверил, да ведь этого пса вся Русь знает: за деньги он что хошь сделает! Рязанский князь поделился с ним заграбленным добром и темник принял его сторону. Старика Пронского привезли в Рязань и там Коротопол повелел его убить. Теперь в Пронске княжит Ярослав Александрович.

— Неужто он так это дело оставил? — воскликнул Василий.

— Ездил он в Сарай, искать суда и управы на убивца своего родителя, но воротился ни с чем: царь Узбек, которому Товлубей обсказал дело по-своему, его и слушать не схотел.

— Ну и дела, — промолвил Василий, взволнованный и пораженный этим рассказем. — Кабы я не от тебя, а от кого другого это услышал, нипочем бы не поверил! Чтобы так, без всякой войны, напасть на большой дороге, как разбойник и тать, на другого русского князя, кажись, такого еще Русь не видывала! Царствие небесное Александру Михайловичу, хороший был человек и мудрый правитель. Вот незадача-то Пронску! Бедная Елена, ей-то каково было в те дни!

— Елена Пантелеевна о том не узнала, — глухо сказал Никита. — Господь призвал её к себе на четыре месяца раньше...

— Никита, да что это ты! — воскликнул Василий, меняясь в лице и судорожно сжав руку друга. — Чем она провинилась перед Господом? Да нет, наверное то лишь слух пустой... Али истина?

— Истина, княже. Нет уже на земле нашей голубки... Умерла она от родов и дочку её новорожденную Бог с нею не разлучил: прибрал к себе вместе с матерью... Не плачь, Василий Пантелеич, ей теперь лучше, чем нам: светлым ангелом летает она у престола Господня.

ГЛАВА 55.

«Одним из самых преданных хану Тохтамышу людей был Карач-мурза. Он был сыном какого-то русского князя, который жил в Орде и был женат на близкой родственнице Тохтамыша».

Из семейного архива князей Тохтамышевых.

Этою зимой, в холодный и вьюжный день февраля, в шатре Василия произошло радостное для всех его обитателей событие, ни для кого, впрочем, не явившееся неожиданностью: ханум Фейзула родила сына.

Пока всё это совершалось, Василий, напуганный случаем с Еленой, не находил себе места от волнения. Но роды прошли вполне благополучно. Маленький Карач-мурза, как суждено ему было называться в жизни, пришел в мир здоровеньким черноволосым мальчонкой, и громким криком заявил о своем праве на подобающее ему место под солнцем.

Родители были от него в восторге. Целыми часами они не сводили с сына глаз, подробно обсуждая каждую черту его сморщенного личика и стараясь определить, на кого он похож. Наконец решили, что будет похож на отца, — только относительно цвета глаз пока ничего нельзя было сказать. Лишь весною, когда стаяли снега и проснувшуюся землю пригрело яркое солнце, цвет этот полностью определился и уже не могло быть сомнений, что у мальчика глаза синие, как у матери.

— Ну, теперь есть у меня наследник, — с гордостью говорил Василий Никите, — да еще какой! В нем и рюрикова кровь, и чингизова, он и для Руси, и для Орды горазд в самые верхи. Такому сыну надобно оставить достойную вотчину.

— Что же, вотчина у него будет неплохая: если получишь ты Брянскую и Карачевскую земли, это будет, почитай, с половину того, чем владел его великий прадед, князь Михаил Всеволодович.

— И я получу эти земли, либо жив не буду! Что для себя бы, может, не сумел, то для сына сделаю.

Мубарек-ходжа прислал для новорожденного богатые подарки, а когда, некоторое время спустя, Фейзула пошла показать ему своего первенца, он принял их ласково, как членов семьи, и новым своим родичем остался очень доволен. Чтобы отдать дань уважения его роду, мальчика решили назвать Ичаном, в честь предка его, первого ак-ордынского хана. Василию это имя понравилось и по другой причине:

— Вот и ладно, — говорил он, — почти что Иван. Как вернемся на Русь, так его Иваном и окрестим. Для татар будет он мурза либо царевич Ичан, а для русских князь Иван Васильевич.

Что будет на Руси, пока можно было только предполагать, но в Орде имя Ичан к мальчику не привилось: родители и Никита называли его Ваней, а татары с малых лет стали величать Карач-мурзой.

Жизнь в ханской ставке текла, между тем, своим чередом. В общей обстановке никаких заметных перемен не было, улусные ханы после курултая вестей о себе не подавали и видимо старались не обострять отношений с Золотой Ордой. Мубарек-ходжа стал мрачным и раздражительным. Враг его Узбек, вопреки всем предсказаниям, продолжал жить и Мубареку начало казаться, что сам он умрет раньше него.

Для столь невеселых мыслей у него были основания: какой-то внутренний недуг медленно, но неуклонно подтачивал силы хана. Никаких болей он не ощущал, но стал худ и желт лицом, еда больше не доставляла ему

удовольствия и всё чаще повторялись приступы внезапной слабости, от которой он едва не валился с ног.

Ни молитвы муллы, ни местные лекари никакого облегчения Мубареку не принесли. Тогда были посланы люди на Ак-Идель[41]), с приказом разыскать живущего там знахаря булгарина, который славился своим искусством врачевать всевозможные болезни. Когда его привезли в Чингиз-Туру, он осмотрел хана и сказал, что его хворь вызвана кознями злого духа Керемета, и что она пройдет, если в первую ночь после новолуния, больного, завернутого в шкуру только-что убитого вороного коня, положить под деревом, в которое ударила молния.

Выслушав этот совет, Мубарек ответил, что прикажет содрать шкуру с самогó знахаря и не ожидая новолуния выбросить его тело на съедение собакам, если он не знает другого средства, более совместимого с ханским достоинством. Тогда булгарин стал поить его теплой лошадиной кровью, в которую примешивал по щепотке сажи, взятой из девяти различных очагов. Но хану от этого не становилось лучше.

В этом году весна наступила рано, не было большого разлива рек и орда вышла на кочевку ранее обычного. Дойдя вместе со всеми до реки Исети, Василий, со своими людьми, отделился от орды Мубарека и направился в свой улус. В начале мая он был уже в Новом Карачеве.

Люди, оставленные им в городке, перезимовали хорошо, и воочию убедились в преимуществах зимовки в сложенных из камня домах. Впрочем, едва наступило тепло, все они снова переселились в шатры и кибитки, усеяв ими берег Миаса.

Осмотрев свои табуны и стада, оказавшиеся в отличном состоянии, Василий, прислушиваясь к советам более опытных в этом деле сотников, распределил пастбища и установил порядок их чередования, в связи со временем года. Затем, в сопровождении Никиты и десятка татар, на несколько дней отправился в объезд сво-

---

[41]) Ак-Идель — татарское название реки Камы.

их владений, из которых минувшим летом он успел осмотреть лишь малую часть.

Места́ ему достались хорошие, им мог бы позавидовать не один улусный хан. Куда ни глянь, всюду простирались необозримые равнины, покрытые сочной травой, — тут можно было прокормить скота в десятки раз больше, чем имел Василий. Воды тоже было вдоволь. Край изобиловал большими и малыми озерами, живописно разбросанными по слегка холмистой степи, с рассеянными по ней отдельными деревьями и небольшими рощами.

В некоторых озерах вода была соленая, а в иных даже горькая, но большинство было пресноводных. Осматривая их и пробуя воду, Василий отметил явление, которое его сильно удивило: очень часто между двумя солеными озерами лежало пресное, или наоборот, причем иногда они находились в непосредственной близости, едва не соприкасаясь друг с другом.

К западу озер становилось меньше. Там владения Василия переходили в невысокие горы, покрытые дремучим лесом, который изобиловал всевозможным зверем. Озера и болота кишели пернатой дичью, реки были полны крупной рыбой. Этот привольный край был богат всем, что требовалось для жизни кочевника и, к тому же, был почти ненаселен. Только лишь кое-где встречались Василию редкие кочевья башкиров, каждое из которых состояло из двух-трех десятков семейств, живших в призёмистых "кошах", которые походили на круглые деревянные клетки, обтянутые войлоком или лошадиными шкурами, а те кто победнее, ютились в "аласыках", — так назывались у них шалаши, сделанные из древесной коры.

Башкиры, бывшие прежде идолопоклонниками, к этому времени уже почти все приняли ислам, говорили на языке близком к татарскому и считались народом тюркского племени. Но по существу, это было далеко не так: в их жилах текла весьма смешанная кровь.

В области, прилегающие к Уралу, они пришли с

востока, не раньше седьмого столетия нашей эры, и уже тогда представляли собой смесь гунно-тюрков с каким-то угорским племенем, близким к вогулам. Некоторым историкам это дает основание считать, что башкиры — прямые предки мадьяр.

На новом месте они смешались с остатками народа финского происхождения, который обитал здесь с незапамятных времен и, кстати сказать, стоял на довольно высокой ступени культурного развития. От него остались рассеянные на обширных пространствах характерные конические курганы, которых немало было и во владениях Василия. [42]). Позднейшие раскопки обнаружили в них довольно высококачественные изделия из меди, бронзы, серебра и золота,[43]) а также многочисленные предметы домашнего обихода, доказывающие, что строителям этих курганов было хорошо известно ткацкое, гончарное и косторе́зное мастерство, равно как искусство выплавки и обработки металлов[44]).

Ко времени нашествия башкиров, народ этот находился уже в состоянии упадка. Значительного сопротивления пришельцам он, повидимому, не оказал и частью был истреблен, а частью растворился в среде завоевателей, не передав им, однако, ни своей культуры, ни привычки к оседлому образу жизни. Башкиры остались такими же полудикими кочевниками, какими были и раньше, но по природе они не были воинственны и потому вскоре попали под власть волжских булгар, а позже, вместе с последними, были покорены ордой хана Батыя.

Татары, видя их бедность и сравнительную мало-

---

[42]) В наше время эти курганы у местных жителей назывались «чудскими могилами».

[43]) Но в этих курганах никогда не находят ни одного железного предмета, что указывает на принадлежность этой культуры к бронзовому веку.

[44]) От этого исчезнувшего народа доныне сохранилось много названий местных гор, рек и озер, напр. Самара, Уфа, Миас и другие, с несомненностью указывающие на финское происхождение этого народа.

численность, ими совершенно не интересовались и, наложив легкую дань, предоставили жить по-прежнему.

Однажды Василия захватил в пути сильный и продолжительный дождь. Кругом расстилалась степь, укрыться было негде и ему волей неволей пришлось просить гостеприимства в довольно крупном башкирском кочевьи, которое он заметил поблизости.

Сопровождавшие Василия татары сказали башкирам, что это родственник великого хана, которому последний отдал во владение весь этот край. Перепуганные кочевники приняли его с изъявлениями величайшего почтения и низко кланяясь пригласили в самый богатый кош, принадлежавший башкирскому князьку — бию.

Войдя внутрь, Василий с любопытством огляделся. Кош был довольно велик по сравнению с остальными, — он имел в поперечнике сажени три; вдоль стен, почти по всему кругу, тянулись грубо сделанные из дерева низкие, но довольно широкие скамьи, покрытые войлочными кошмами и овечьими шкурами, — эти примитивные диваны служили постелями для всей семьи бия, которая состояла из четырех жен и нескольких детей различного возраста. Посреди помещения, в круглой ямке, обложенной камнями, горел костер; прямо над ним в кровле было сделано отверстие для выхода дыма. Значительная часть его все же оставалась внутри, однако, если человек сидел, дым его не особенно беспокоил, ибо клубился выше, над головой. Обстановку дополняла лежавшая на земляном полу лошадиная шкура и несколько набитых овечьей шерстью подушек, служивших сидениями.

Бий, — среднего роста мужчина лет пятидесяти, с плоским лицом и приплюснутым носом, — был одет почти по-татарски, только его войлочная тюбетейка имела какую-то странную форму, загибаясь по бокам, на подобие крылышек. Из четырех его жен одна выглядела почти старухой, остальные три были совсем молоды и, несмотря на широкие лица и слегка раскосые глаза, довольно миловидны. Жили они, повидимому дружно и проворно хозяйничали, помогая одна другой.

Пока Василий и Никита старались наладить разговор с оробевшим хозяином, женщины приготовили еду и угостили нежданных гостей самыми изысканными из своих национальных блюд, одно из которых они называли "баш-бармак", а другое "чур-паря"[45]). Пили "айран", — напиток похожий на кумыс, но сделанный не из кобыльего, а из козьего молока. К трапезе подошли еще два взрослых сына хозяина и какой-то старик, видимо его родственник.

Беседа не клеилась, т. к. башкиры, из почтения к столь высокому гостю, старались хранить молчание и ни о чем не спрашивали, а на вопросы Василия о их жизни и быте, отвечали коротко и неопределенно, явно боясь, что сказанное может послужить им во вред. Однако, под конец, видя что Василий держит себя просто и доброжелательно, они несколько осмелели, а когда он заявил, что не собирается гнать их из своего улуса или облагать данью, — их натянутая угодливость сменилась искренним радушием. Особенно заметно его проявляла старшая жена бия.

Когда дождь прекратился и можно было ехать дальше, Василий, желая чем-либо отблагодарить хозяев и чувствуя, что денег они не возьмут, снял с пальца золотое кольцо с рубином и протянул его этой женщине. Она, видимо пораженная такой щедростью, витиевато его благодарила, беспрерывно кланяясь, а когда он вышел наружу и уже готовился сесть на коня, быстро подбежав, сказала:

— Да сохранит Аллах на долгие годы твою славную жизнь, добрый господин! Но ты и сам береги ее. У тебя есть коварный и бессердечный враг, и он близко, бойся его!

— Кто же этот враг? — спросил изумленный Василий.

— Убирайся прочь, старая кобыла! — закричал в это мгновение бий, стоявший тут же, и женщина тотчас

---

[45]) Баш-бармак — вареное тесто с мясом. Чур-паря — нечто похожее на татарские чебуреки.

юркнула в кош. — Не слушай ее, пресветлый хан, — добавил он, обращаясь к Василию: — она уже года два, как потеряла разум и всем, кто ей попадается на глаза, говорит то же самое, что сказала тебе. Поезжай спокойно и да сопутствует тебе Аллах! Никто здесь не захочет и не посмеет поднять руку на твою священную особу.

Василию слова́ бия показались достаточно убедительными и вскоре он совершенно забыл об этом происшествии.

***

Возвратившись из этой поездки, которая продолжалась недели две, Василий сразу же взялся за достройку заложенного им городка. Он был уверен, что ему не придется долго здесь жить и всеми своими помыслами стремился на Русь. Но его страстная натура требовала деятельности, к тому же хотелось оставить по себе какую-то вещественную память в этих диких местах, пусть и не надолго отданных ему прихотью судьбы.

Было поставлено еще десятка три домов, причем, в соответствии с опытом минувшей зимы, их теперь делали лучше и теплее. Хотя сейчас он был и ненужен, — на реке сделали причал, который, по мнению Василия, мог пригодиться в будущем. Вал вокруг города подняли повыше и начали ставить на нем солидный тын из заостренных наверху бревен, сажени в две высотой.

— Когда же наш дворец начнешь строить? — полушутя полусерьезно спросила однажды Фейзула. Она знала, что ее муж всем сердцем стремится к себе на родину и здесь оставаться не думает, да и сама она привыкла желать того, чего он желает. Но в глубине души Фейзула побаивалась переселения в этот неизвестный ей мир, где для всех, кроме Василия и Никиты, она будет чужой, и для нее все, кроме них, будут чужими. И временами, сама себе в том не признаваясь, она почти надеялась, что обстоятельства заставят их остаться навсегда здесь, где так хорошо и спокойно можно прожить вдвоем с любимым мужем, в привычной обстановке на лоне ласковой и щедрой природы.

— А вот погоди, — ответил Василий, — коли в этом году не выгорит мое дело и надобно будет ожидать еще, тогда уж на то лето беспременно и о своем жилье подумаем. Только я камня не хочу, — поставим себе деревянные хоромы, как на Руси. Они будут и теплее и краше, сама увидишь.

— Я и хочу деревянные. Чтобы тебе было привычно и ты бы не так тосковал по своей земле.

— Спасибо, солнышко, за ласку твою и заботу. Уж я такие хоромы сделаю, что и ты в них о своем шатре позабудешь!

— В следующем году уже и сын тебе помогать будет. Смотри какой большой вырос!

— Ванюха мой! — воскликнул Василий, беря на руки сына и щекоча бородой его смуглые щечки. — Растешь, как гриб после дождя! И какой же ты синеглазый, шельмец! Скажи, где хочешь княжить, — в старом или в новом Карачеве?

Малыш смотрел на отца серьезным, сосредоточенным взглядом, потом, — как бы поняв, — расплылся в широкой улыбке, показывая свой, единственный пока зуб.

ГЛАВА 56

«Знаю дела твои. И вот, Я открыл перед тобою дверь, и никто не может затворить ее».

Св. Иоанн Богослов.

Стояли уже жаркие дни июля, когда случилось, наконец, долгожданное событие.

Однажды, в тихий безоблачный вечер, когда последние лучи заходящего солнца золотили верхушки тополей, Василий отправился на вечерний клёв в свою любимую зáводь, чуть ниже городка. Здесь, зеленым дождем свесив в воду свои гибкие ветви, стояло несколько старых, кряжистых ив; густые заросли камышей подступали вплотную к противоположному берегу Миаса, а слева в него впадала какая-то безымянная речка, сплошь заросшая водяными лилиями. Этот тихий уголок манил и завораживал путника своею благостной красотой, к тому же тут водились крупные стерляди, и часто здесь отдыхавший Василий вскоре пристрастился к ужению. Оно действовало на него успокаивающе, и за этим занятием он привык обдумывать предстоящие ему делá.

На этот раз, едва он расположился под деревьями и забросил удочки, как из города, нещадно колотя босыми пятками неоседланного коня, прискакал мальчишка татарченок и сказал, что от хана Чимтая прибыл гонец, который привез важные вести и хочет сообщить их самому князю. Взволнованный этим известием Василий тотчас возвратился в стойбище, и еще издали увидел

возле своего шатра молодого татарина, который держал в поводу покрытого пеной коня.

— Ты прислан ко мне от хана Чимтая? — спросил Василий, подходя к нему.

— Да, благородный князь, — кланяясь ответил татарин. — Пресветлый хан Чимтай, да будет с ним благословение Аллаха, приказал спросить: здоров ли ты и здорова ли твоя высокодостойная супруга, ханум Фейзула?

— Милостью великого Аллаха, мы оба здоровы. Скажи, здоров ли отец мой, пресветлый хан Чимтай, здоровы ли его почтенная хатунь и дети?

— Все они здоровы и Аллах не оставляет их своим покровительством, князь. Еще мой господин велел тебе передать: умер великий хан Золотой Орды, Узбек. Это случилось с ним еще весной, но сын его Джанибек никому не сообщил о смерти хана и держал это событие в тайне, потому, что хотел сначала избавиться от двух своих старших братьев, чтобы престол достался ему. По его приказу убит в Сыгнаке хан Тинибек, а в Сарае-Бату хан Кидырбек. И теперь Джанибек объявлен великим ханом Золотой Орды.

— Слава Христу! — воскликнул Василий, обращаясь к стоявшему рядом Никите. — Хоть он и поубивал родных братьев, но всё же это самый лучший из сыновей Узбека и перед отцом своим он часто бывал заступником за русских. — Кончилось наше изгнание, Никитушка, наконец-то дождались мы этого светлого дня! А великий хан Мубарек-ходжа знает ли об этом? — спросил он у гонца.

— Знает, пресветлый князь. Мне было приказано сказать ему то же, что я сказал тебе. Я прискакал сюда прямо из ставки великого хана Мубарека-ходжи, да поднимется шатер его величия до самого неба.

— И как принял это известие великий хан?

— Великий хан очень обрадовался и сказал, что он больше не вернется в Чингиз-Туру и сейчас же двинется со своей ордой в Сыгнак, который теперь свободен.

— Еще какие новости ты привез? — спросил Василий.

—Важных новостей больше нет, пресветлый князь. Но перед моим отъездом позвала меня почтенная ханум Кудан-Кичик и повелела спросить: здоров ли ты, князь, и здорова ли сестра ее, благородная ханум Фейзула? И сказала, чтобы вы знали и порадовались вместе с ней: три месяца тому назад, Аллах даровал ей и почтенному Туй-ходже-оглану сына, который родился здоровым, и назвали его Тохтамышем.

— Фейзула! — крикнул Василий жене, которая в шатре кормила ребенка. — У Кичик сын родился! И почти в одно время с нашим Ванюшкой. Да ты выходи скорее, есть великие новости!

В этот вечер в Новом Карачеве и в окружающих его стойбищах шло всеобщее ликование. На кострах жарились ягнята и конина, рекою лился кумыс, а в шатрах у начальников и вино. Все веселились, пели и плясали под звуки бубнов и дудок, далеко за полночь. Не было воина, который не радовался бы смерти Узбека и Тинибека, и тому, что орда снова перейдет теперь в привычные южные степи, где почти всегда светит яркое солнце, а зима коротка́ и не так сурова, как здесь.

Еще более радостное настроение царило в шатре у князя. Василий и Никита только и говорили о скором возвращении в родные места; их радостью радовалась и Фейзула. Обсудив всё, они пришли к тому, что послезавтра, на рассвете, Василий, с двумя десятками нукеров поскачет в Сарай, добывать ярлык у нового хана. Семью он оставлял на попечение Никиты, который, с воинами и с обозом, должен был идти в улус хана Чимтая и там ожидать Василия, если к тому времени он не будет уже там. А затем, оттуда, сколь можно скорее — на родину!

Следующий день был посвящен сборам в дорогу и хозяйственным делам. Василий отдал нужные распоряжения надсмотрщикам за табунами и стадами, пояснив, что теперь они снова переходят в ведение хана Чимтая, от которого получат дальнейшие указания. Позаботился он и о людях, оставшихся в городке. Таковых было немного: тысяча воинов Мубарека-ходжи должна была идти с Никитой на юг, здесь же пока оставалось

пять сотен, присланных Чимтаем, да пастухи. Запасов, необходимых для новой зимовки, у них было вдоволь.

К полудню всё это было приведено в ясность, приказания отданы, сборы закончены и дел больше не оставалось. Плотно пообедав и разомлев от жары, по обычаю, все разбрелись по шатрам и погрузились в сон.

**
*

Василий проснулся часа в четыре. Было жарко, вокруг стояла сонная тишина, но спать ему больше не хотелось. Пролежав неподвижно несколько минут, он поднялся и окинул взглядом шатер. В нем все спали. Бесшумно подойдя к колыбели, Василий отогнал мух от малютки сына, поправил над ним кисейный полог, затем с минуту полюбовался улыбающейся во сне женой и, никого не будя, тихо вышел наружу. Ему хотелось побыть одному и без помехи обдумать всё связанное с внезапным поворотом его судьбы, а главное — предстоящий разговор с ханом Джанибеком, от которого теперь зависело всё дальнейшее.

Обойдя городок и мысленно прощаясь со знакомыми, обжитыми им местами, он медленно побрел вниз по берегу Миаса, почти безотчетно направившись к своей излюбленной зáводи, где так хорошо было думать. Дойдя до нее, он сел у самой воды и оглянулся вокруг.

Знойный, напоённый запахами стéпи день клонился к вечеру. Залитая солнцем поверхность реки застыла в тихом, серебряном сне. Сидя на изумрудных листьях кувшинки, блаженно шурились на солнце разомлевшие лягушки, не плескалась рыба и только лишь воздух еле приметно зыбился струйками летнего мáрева, да старые, столько всего повидавшие ивы, лениво струили в воду свои зеленые слёзы. Всё вокруг было безмолвно и неподвижно, казалось, остановилось время и миг превращается в вечность...

Зачарованный покоем и погруженный в свои думы, Василий долго сидел, опёршись спиною о ствол столет-

ней ивы. Он не слышал, как на том берегу тихо раздвинулись камыши. Похоронным плачем пропела над рекой каленая стрела и вонзилась ему в самую грудь.

Он тихо охнул и боком сполз на землю, но сейчас же поднялся и сделал несколько спотыкающихся, неверных шагов по направлению к стойбищу. И снова упал. Сознание его мутилось, но мысль о том, что он умрёт здесь, почти рядом с теми, кого любил, даже не взглянув на них в последний раз, — придала ему силы. Превозмогая нечеловеческую боль, он вырвал из раны стрелу и сейчас же кровь хлынула на траву алым потоком. Зажимая рану рукой, он попытался встать и идти, но сил больше не было и он понял, что для него всё кончено...

Через полчаса Никита нашел его здесь, истекающим кровью. Сознание еще не покинуло Василия, но жизнь его угасала.

— Василей Пантелеич! Князь мой светлый! Кто это тебя? — страшным голосом воскликнул потрясенный Никита, опускаясь перед умирающим на колени.

— Это Хисар, — тихо, но внятно промолвил Василий, закрывая глаза.

Быстро намочив в воде платок, Никита заткнул им рану в груди князя и подхватив его, как ребенка, на руки, бегом устремился к городку. Но не сделал он и сотни шагов, как Василий открыл глаза и собрав оставшиеся силы, сказал прерывающимся голосом:

— Поздно... Всё одно не донесешь... Положи меня на землю и слушай...

Бережно положив князя на траву, Никита склонился головой к самому его лицу, чтобы не упустить ни звука. Могучее тело его била мелкая, неуёмная дрожь, глаза застилали слёзы.

— Никита, брат мой милый, услышал он голос, тихий, как шелест степного ковыля. — Не привел Господь, не судьба, значит... Жене скажи... солнышко...

Шепот умирающего оборвался, глаза закрылись. Думая, что всё кончено, Никита страшно вскрикнул и схватил его за руку. Этот крик на мгновение возвратил

Василия к жизни. Он снова открыл глаза и сказал, голосом более внятным:

— Сына не оставь... Тебе поручаю. Хоть будет татарином, но сделай его... человеком.

— Клянусь тебе крестом святым, князь мой: пока жив, его не покину! И убивцу твоему отомщу!

Лишь еле ощутимое пожатие коченеющей руки показало Никите, что князь его услышал.

Подождав с минуту, Никита прильнул ухом к его груди. Сердце Василия уже не билось.

Конец.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА БЕЛОЙ ОРДЫ

Род БОРДЖЕГИНЬ - князей-объединителей и организаторов Монгольского государства. Родоначальником его считается БУДАНЦАР, согласно легенде, сын вдовы АЛАН-ГОА и небеснаго духа ТЕНГРИ. Потомок его в 8-м колене ИСУКЭЙ-БААТУР был отцом ТЕМУЧИНА, принявшего имя ЧИНГИЗ-ХАНА.

БЕЛООРДЫНСКАЯ ДИНАСТИЯ

(старшая ветвь чингизидов).

ЧИНГИЗ-ХАН (1155-1227).
Главная жена: Бартэ-Гюльджин. Вторая жена: Хулан-ханум.

ДЖУЧИ-ХАН (1185-1226). ЧАГАТАЙ. УГЕДЭЙ. ТУЛАЙ. КУЛЬКАН.
Жены: Ори-Фуджин. Чор-Беки-ханум.

ИЧАН-ОРДА (+1252). 1-ый Вел. хан Белой орды.
БАТУ-ХАН (Батый). От него Золотоордынская династия.
БЕРКЕ.
ШЕЙБАНИ. 2-ой Вел. хан Белой орды. От него Сибирские ханы.
Еще три сына.

КАЙДУ (+1291). 3-ий Вел. хан Белой орды.
ХУРЕМШИ.

САСЫ-БУГА (+1310). 4-ый Вел. хан Белой орды.
Дочь АНГИРАМ-АЯРУК. Женщина-богатырь.

ЭРЗЕН-ХАН (+1321). 5-ый Вел. хан Белой орды.
МУБАРЕК-ХОДЖА (+1345). 6-ой Вел. хан Белой орды.
КИДЫРЬ (+1361). 14-ый Вел. хан Золотой орды.

ЧИМТАЙ (+1360). 7-ой Вел. хан Белой орды.
ШЕЙХ-ОРДА (+1360).
ТЕМИР-ХОДЖА (+1362). 15-ый Вел. хан Золотой орды.

АМУРАТ (+1367). ХАДЖИ ЧЕРКЕС. Вел. ханы Золотой орды.
АЗИЗ-ХОДЖА (+1369). АИБЕК (+1375). Вел. Ханы Золотой орды.

ХИМТЕЙ (+1361). 8-ой Вел. хан Белой орды.
УРУС-ХАН (+1378). 9-ый Вел. хан Белой орды.
ТУЙ-ХОДЖА-ОГЛАН (+1363). Кудан-Кичик-ханум. (Мангышлакский хан)
ФЕЙЗУЛА. Кн Василий Пантелеймонович Карачевский. Карач-Мурза оглан

КУТЛУК-БУГА (+1376).
ТОКТАКИЯ (+1378). 10-ый Вел. хан Белой орды.
ТЕМУР-МЕЛИК (+1379). 11-ый Вел. хан Белой орды. Его пра-правнук АХМЕТ был последним ханом Большой орды и основателем Астраханского царства.

ТОХТАМЫШ (+1405). 12-ый Вел. хан Белой орды и первый хан объединенной орды.

ДЖЕЛАЛ-АД-ДИН. КЕРИМ-БЕРДИ. КИДЫРЬ-БЕРДИ. ДЖАФАР. КЕПЕК. СЕИД-АХМЕТ. ДЕВЛЕТ-БЕРДИ.
(Зелени-Султан).
Были Великими ханами Большой орды в годы 1411-1465.

УЛУГ-МУХАММЕД (+1445). Вел. хан Большой орды и основатель Казанского царства.
КИЧИМ-ХАН. Вел. хан Большой орды.
ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ-ХОДЖА. Основатель Крымского ханства.

МАХМУТЕК. 2-ой царь Казанский. От него династия Казанских царей.
ЮСУФ.
КАСИМ. Вступил на службу Москве. От него цари Касимовские.

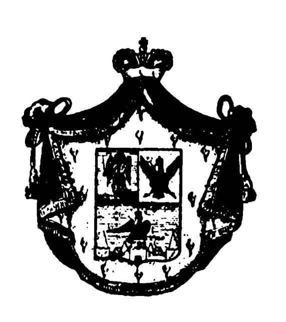
Прим. У Тохтамыша было еще 6 сыновей не царствовавших.

См. на обороте

В этой таблице, воспроизведенной по клише старого издания, есть ошибки, которые можно исправить, основываясь на новых, полученных автором исторических данных:

Во второй линии ошибочно указано, что вторым великим ханом Ак-Орды был Шейбани. В действительности им был сын Ичана-Орды САРГАХТАЙ, вместо которого в таблице неправильно указан Кайду, — ни он, ни его дочь Ангирам-Аярук к этой династии не принадлежат. После Саргахтая, великим ханом (третьим) был его сын КОНИЧЕН (некоторые историки пишут Кoничи или Кончи), отец Сасы-Буги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Продолжениями этой книги служат исторические романы:

КАРАЧ-МУРЗА

БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Эти пять книг охватывают события в их последовательном порядке и составляют историческую эпопею

"РУСЬ И ОРДА".

При покупке книг у автора, деньги следует посылать только чеками на любой нью-иоркский банк (но не на южноамериканские его филиалы!). Эти чеки, в заказных письмах и в плотных конвертах отправлять по адрессу:

Dr. M. KARATEEFF

Chorroarín 121, Buenos Aires, Argentina

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. КАРАЧ-МУРЗА, издание 1962 г.
Исторический роман. Распродан.
2. БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ, издание 1963 г.
Исторический роман. Распродан.
3. ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ, издание 1967 г.
Исторический роман. Распродан.
4. ВОЗВРАЩЕНИЕ, издание 1967 г.
Исторический роман. Распродан.
5. ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО, издание 1968 г.
Исторические очерки. Распродано.
6. АРАБЕСКИ ИСТОРИИ, издание 1971 г.
Исторические очерки.
7. ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ, изд. 1972 г.
Приключения группы русских в Парагвае.

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ

8. РОССИЯ В УРУГВАЕ —
Очерки из жизни русских колонистов.

9. НА РУДНИКАХ БОЛИВИИ —
Бытовые очерки.

Este libro terminó de imprimirse en el mes de noviembre de 1974, en los Talleres Grąficos "Dorrego". Avenida Dorrego 1102. Buenos Aires.

ЦЕНА 7,5 ДОЛЛАРОВ.